ПИОНЕР 12

1983

Если ты читал номер второй «Пионера» за этот год, то сообразишь, о чем пойдет речь. Мы говорили о том,

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК?

Многие ребята написали потом в клуб письма. И сейчас мы разговор продолжаем. И даже пытаемся его завершить. Пытаемся! Потому что не так-то просто прийти к единому мнению в клубе, где одни за, а другие против... И есть вопросы, на которые нельзя, как в арифметической задаче, дать один-единственный непогрешимый ответ.

Интересный или идеальный?

Я не согласна ни с кем в этом споре. По-моему, ребята создавали в разговоре образ не интересного, а идеального человека. Этому идеальному человеку должны быть присущи и доброта, и щедрость, и эрудиция, и чувство собственного достоинства. И если все достоинства начнешь перечислять, получится слишком уж длинный список: не могут же все хорошие качества совмещаться в одном человеке. Вообще идеальных людей нет и не будет.

Лиза Гурвич, г. Красноярск.

Добавлю: и не надо. Уж больно скучно стало бы идеальному интересному человеку в обществе точно таких же идеальных и интересных. И не начал бы он мечтать о человеке, хоть с каким-то пусть ма-аленьким недостатком?

Реплики из писем

Я считаю, у каждого — свой интересный человек. Ведь у каждого свои интересы.

Денис ЖУКОВ, г. Обнинск.

Всякий знает писателя Редьярда Киплинга. Так вот он однажды заметил: «Каждый человек на чем-нибудь да помешан». Этой «помешанностью», по-моему, человек и интересен.

Галя ЛЕБЕДЕВА, г. Павлодар.

И все-таки мы придумывали такого идеального человека. Для чего?

Об оценках

Только не для того, чтобы определить незыблемые критерии, с помощью которых можно просто, быстро и безошибочно решать: «Этот человек интересный. А этот, извините...» Это страшно — судить и рядить, подгонять людей под свои категоричные определения: «Интересный человек? Он вот такой... А неинтересный он будет вот такой...»

Реплики из писем

Интересный человек — это тот, который может примерно за пять минут придумать интересное мероприятие.

Мехрибом ШАРИПОВА, г. Баку.

Интересный человек не должен ставить себя выше других, а быть таким, как его сверстники.

Арина КОВАЛЬЧУК, г. Львов.

Интересный человек — это с которым можно поговорить о прочитанной книге, просмотренном фильме.

Таисия ГРЫБИНЮК, г. Днепропетровск.

Ну, а если человек не подходит под эти оценки? Если не могу я придумать интересное мероприятие примерно за пять минут? Или могу, но не за пять, а за десять?

Реплики из писем

В нашем классе все ребята делятся на три группы. «Высшую», «среднюю» и «низшую». В «высшую» входят всего семь человек.

Автор не подписался.

В этом несчастном классе по какому принципу разделяют людей по категориям? По уму, по совести, по каким талантам? И кто попадает в «высшую»? Вдруг тот, кто сумеет примерно за пять минут придумать мероприятие? Вообще присваивать себе право делить людей на «высших» и «низших» всегда аморально.

Реплики из писем

А может быть, неинтересных людей вовсе нет? Может, мы иногда просто не замечаем ни их, ни их способностей?

Дима ВЫСОЦКИЙ, г. Хабаровск.

Любой из нас

Чудесное письмо написала Наташа Ковина из Красноуфимска. *«По-моему, интересный человек — это хороший человек, но такой, что никогда до конца его не узнаешь. Этот человек может поступить вдруг так, что другие не поймут сразу его поступок».*

И Нина Турко из Красноярска:

«Для меня чем непонятнее человек, тем интереснее. Значит, у него есть что-то такое, чем он непохож на других людей,— своя тайна».

И Галя Лебедева из Павлодара:

«Я лично считаю, что интересен любой из нас. Просто одни могут быстро доказать, что они интересны, а другие нет. Быть может, им не позволяет скромность...»

Чудесные эти письма, потому что девочки предполагают в другом человеке личность сложную, гораздо более сложную, чем наши скромные догадки, куцые предположения, наши категоричные оценки и рамки, в которые мы хотели бы ее поместить. В таком отношении к другому человеку — уважение и доброта. И потому эти письма чудесны.

Реплики из писем

Интересный человек должен быть добр ко всем, даже и к тем людям, к которым он испытывает неприязнь.

Арина КОВАЛЬЧУК, г. Львов.

Интересный человек ставит перед собой в жизни цель и достигает ее.

Марина ЛОГВИНЕЦ, г. Таганрог.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ДЕКАБРЬ 12

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

Интересный человек — тот, кто много знает.
Света КОВГАНЮК, г. Волгодонск.

Интересный человек — тот, кто борется за солидарность трудящихся.
Наташа АНИСИМОВА, г. Севастополь.

Надо ли пытаться определить качества, которыми должен обладать интересный человек? В жизни-то мы имеем дело не с отдельными качествами, а с человеком целиком и полностью, в котором эти его качества так перемешаны, что подчас не знаешь, как к нему и относиться. И вроде бы не очень он целеустремлен. И не всегда добр. Особенно к тем, к кому испытывает в данный момент неприязнь. И знает он, ну не то чтобы мало, а в общем, другие знают и побольше. И о просмотренном фильме с ним не удалось поговорить — давно в кино не был... А вот интересно с этим неидеальным человеком, да и все — что тут поделаешь!..

Ничего не значат эти недостатки при одном условии: если человек этот — личность. Если человек этот — мир, планета, со своей вечно меняющейся, непредсказуемой жизнью, с ошибками, мучениями, радостями, размышлениями, кто он и зачем, и поиском оправдания своему существованию и смысла в нем.

Реплики из писем

Можно ли по красоте внешности рассуждать о глубине человека? Если «да», то как именно?
Лена КИМ, г. Южно-Сахалинск.

Можем ли мы по тому немногому, что приоткрывается нам в общении, судить о человеке-мире, о человеке-планете? Об этой планете, в чем-то похожей на твою и не похожей ни на какую иную и, в общем, совершенно неизвестной? Рассуждать, интересна она или нет? Если «да», то как именно? Думаю, что нет. Именно никак. Можем только стремиться его постигать.

Но мы придумывали портрет интересного человека и рассуждали, какими качествами должен он обладать: добрый, умный, целеустремленный... Для чего?

Для того, чтобы незнакомая нам Лиза Гурвич из города Красноярска и другие девочки и мальчики положили перед собой чистый лист бумаги и, прежде чем написать письмо, задумались. О чем? О том, что такое интересный человек? Да нет. Так ли уж важно знать, что он такое? Задумались о себе. Потому что, о чем бы человек ни задумывался, он начинает «от себя». «Я» — это то, что нам лучше всего известно. Личность невозможна без таких размышлений. Если мы не хотим, чтобы вокруг нас были одни лишь «идеальные» люди, а хотим, чтобы наш мир был миром личностей.

Меняясь

Робинзон Крузо не опустил рук, как это сделал бы иной, а смог выжить, да еще к тому же развести скот, построить дом, заняться земледелием, испечь хлеб, обеспечить свою безопасность, научить дикаря Пятницу человеческому языку и ремеслам. А ведь когда он попал на остров, у него не было ничего. Но у него были силы, были знания, была вера в то, что он может все преодолеть.

Я понимаю, в дальнейшем представления об интересном человеке у меня будут меняться, но сейчас для меня самый интересный человек Робинзон Крузо.
Аня АКСАТУР, г. Москва.

В Анином письме главная мысль коротко высказана и важна: «Я понимаю... представления будут меняться».

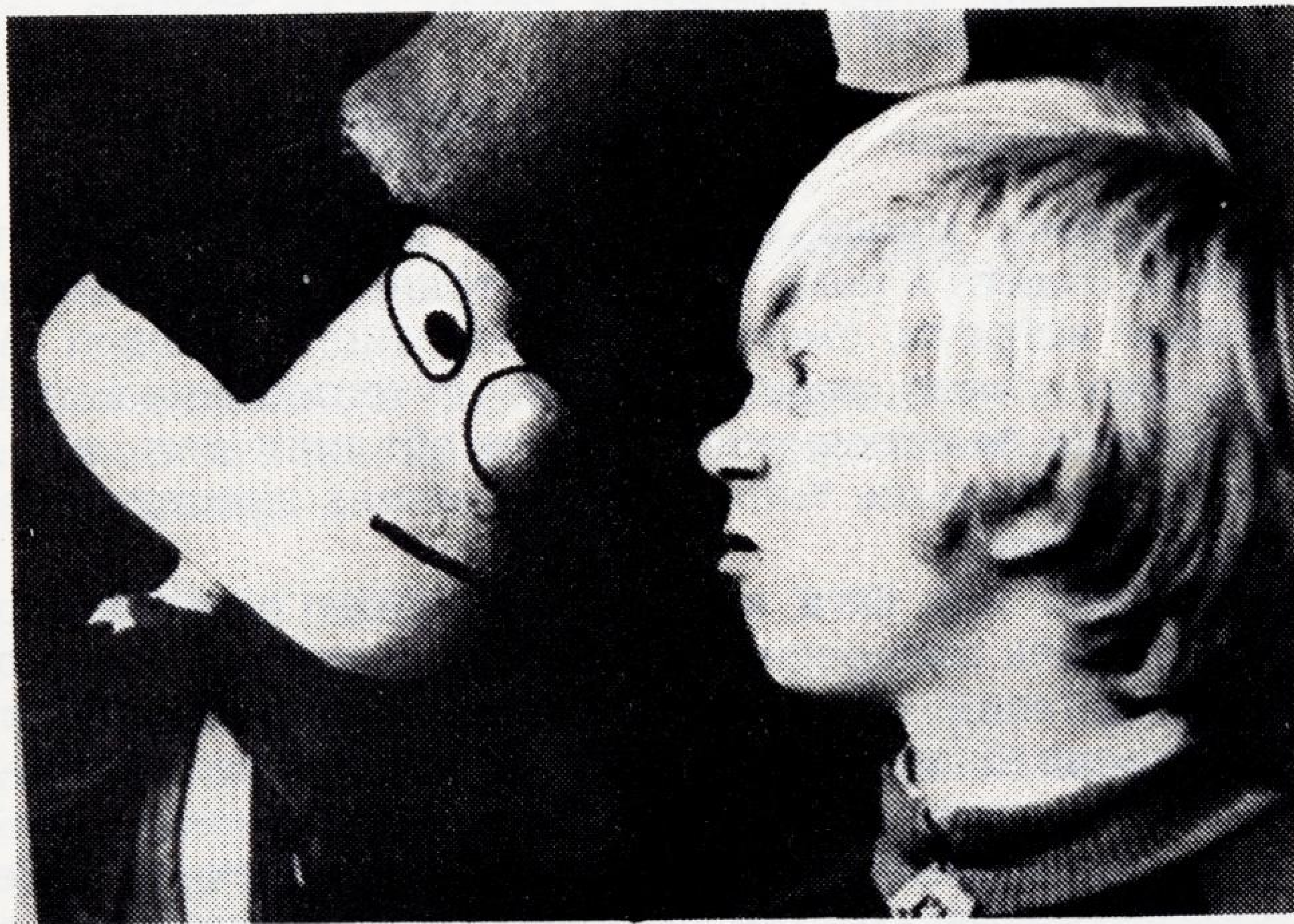
Плохо, когда человек — консервы из добродетелей и усвоенной информации. Консервы сохраняются долго. Что запакуют, то и лежит. В вечной мерзлоте могут пролежать вообще лет сто.

Но личность, чтобы остаться личностью, не имеет права застывать, останавливаться в движении. Ее важные свойства — отсутствие категоричности и неизменности суждений и понимание, что «представления» будут меняться. И с «возрастом», и оттого, что ты постоянно «работаешь», чтобы меняться. Читаешь, думаешь, смотришь и видишь, слушаешь других, пытаешься понять. Их, себя.

О категоричности

В вашем разговоре Оля Асонова высказывает мысль, что Сэмюэль Коэн, создатель нейтронной бомбы, не является интересным человеком, потому что он злой. Оля Ракитская говорит, что его «никто и ни за что на свете не будет считать интересным». Вообще давать категоричные утверждения о целом свете довольно странно. Ведь кто-то может сказать: «Он изобрел оружие огромной силы. Интересно, какой из себя нейтронный взрыв?» Коэн не дурак, ведь дурак не изобрел бы нейтронную бомбу. А ребята сказали, что интересный человек — это тот,

который хорошо умственно развит. Из всего этого не следует, что я его одобряю.

Без подписи, г. Одесса.

Мне лично тоже из всех человеческих качеств менее всего приятна категоричность. Но...

Я думаю, человек без фамилии и сам понимает, что Оля Ракитская, высказывая свое «категоричное утверждение о целом свете», тоже догадывалась, что «целый свет» не бросится тут же подписываться под ее словами. Иначе не надо было бы нынче «целому свету» бояться нейтронной бомбы, тревожиться за свою судьбу. Значит, кто-то думает иначе.

Но мы говорим, чтобы нас поняли. «Я хочу, чтобы никто никогда не считал Сэмюэля Коэна, создавшего оружие, способное лишать людей жизни, достойным человеческого интереса. И я считаю это столь естественной и правильной для любого человека мыслью, что говорю от лица целого света». Вот что хотела сказать Оля.

И ребята поняли ее. В том числе и те, кому менее всего импонирует в людях категоричность. Потому что есть мысли и поступки до такой степени чудовищные, что в отношении к ним уместны категоричность и максимализм.

Я думаю, и ты, не подписавшийся под своим письмом, Олю понял. Но иногда в игре словами, в искусстве спора может потонуть все, в том числе справедливость, истина, понимание. Для тебя и потонуло. «Интересно, какой из себя нейтронный взрыв?» Стремление иметь сверхоригинальное, отличное от других мнение, выделиться, отличить себя от других любой ценой, некоторое пижонство мыслей, столь естественное в твоем возрасте,— и в результате: как выглядит лицо любимого человека, погибшего от этой самой бомбы? Тебе не кажется, что этот «интерес» так страшно и логично может проистекать из первого — «какой он из себя, этот нейтронный взрыв?».

Нет сомнения, ты всего ЭТОГО «не одобряешь». Но слова — опасная вещь. Иногда мы верим — потом говорим. Иногда говорим — потом верим.

О разговорах

Как-то мы собрались для разговора о красоте жизни. Никто и не думал, что тон разговору задаст пятиклассник Жора Тихонов. Он разделил красоту современной жизни на красоту духовную и красоту материальную. Жора утверждал, что у людей, которые только и думают, где бы достать джинсы и магнитофон, очень низкая культура. После этого мы решили, что Жора станет философом.

Павел ЦЫШКОВ, г. Обнинск.

Кто-то рассказал о девочке, которая приходит в класс в новом платье и все мальчики смотрят на нее. Что ж, если она красивая, то почему бы на нее не посмотреть. Вот тема для дискуссии!

Автор не подписался.

Разговаривать — хорошо. Я бы поговорила с философом Жорой и Наташей Ковиной из Красноуфимска и многими другими ребятами, которые написали такие письма, что, прочтя их, хочется говорить с человеком дальше. Я понимаю ребят из Обнинска, которые собираются для разговоров о жизни. Что же касается разговора о «девочке в новом платье», то, по-моему, темы для дискуссии

нет. Потому что я согласна: если красивая, отчего не посмотреть! О чем спорить?

Из ваших споров мне понравились такие слова: «Спорят для того, чтобы понять себя, понять других, выяснить важные для понимания жизни вещи». Это верно. Потому что в жизни встречаешь такие «пороги» интересных вещей, которые один осилить не можешь. И которые можно осилить вместе с интересными людьми.

Лена ПЕТРОВА, г. Курск.

Конечно. А достойна ли девочка в новом платье нашего смотрения, какой магнитофон лучше и где раздобыть кроссовки «адидас»? — это, мне кажется, каждый решает лично, в рабочем порядке, без дискуссий.

Интересные люди, где их взять?

Реплики из писем

Интересный человек — это с которым интересно побыть в обществе.

Света КОВГАНЮК.

Интересные люди — это спортсмены, художники, артисты. Они много видели, у них интересные биографии.

Письмо без подписи.

Сам я никогда не встречал интересных людей. Или встречал давно и не помню об этом.

Костя МИШИН, г. Обнинск.

Все-таки много видят не те, кому приходится много ездить и кому жизнь постоянно подкидывает новые встречи, смену пейзажей, лиц, ситуаций. А те, кто умеет видеть. Много путешествовавший Стендаль заметил, что тот, кто объехал весь мир, знает не больше того, кто всю жизнь просидел на одном месте.

Откуда эта тяга к тем, кто может непременно рассказать интересное? В общем, в ней нет ничего худого, если она не от лени, если она не от собственной неинтересности. Если это не потребность в людях, которые могут развлечь. Ведь настоящее общение — это процесс, в котором все участвуют равно. Даже когда один рассказывает, а другой только слушает и смотрит. Можно провести много времени рядом с интересными людьми. И потом оставшуюся жизнь только пересказывать их рассказы. Маршаковская кошка, побывав у королевы, запомнила только мышку на ковре. Другое дело, когда человек «заряжается» общением, когда услышанное и увиденное дает толчок работе ума и души.

Встречи с интересными людьми — это хорошо. Но человеку должно быть интересно и «побыть в обществе» самого себя.

И потом — вдруг не встретится ни разу в жизни «живой» артист, художник, ученый? Что ж, так и получится, что не было в жизни ничего интересного?

А если встретишь и, вместо того, чтобы развлекать тебя рассказами о своей интересной биографии, интересный человек будет устало молчать, покажется раздраженным и нелюбезным?

Ну, а если не встретил «живого», а только читал книги, видел картины, то есть была встреча с талантом этого человека? Как тогда?

«Я или не встречал, или не помню»,— пишет Костя. Добавлю: или не заметил.

Чур, не я

Я думала, что такого письма в почте не будет. Очень надеялась, что все-таки его не будет. И его долго не было. Были другие.

Реплики из писем

Моя подруга Оля — удивительно интересный человек.

Лена КАРПОВА, г. Магадан.

Своего папу я зову ходячая энциклопедия, он столько знает интересного.

Коля ВОРОНОВ, г. Москва.

Наша учительница географии Анна Никитична — самый настоящий интересный человек.

Лида ЛУЦКЕВИЧ, г. Иваново.

А моя мама...
Ребята, с которыми я дружу...

Одно это уж оправдывает весь наш долгий разговор. Вы были внимательны к достоинствам других и строги к себе.

Реплики из писем

Я не считаю себя интересным человеком.

Тася ПЕТРОВА, г. Орел.

Интересный человек? Нет, пожалуй, так сказать о себе я не могу.

Оля ФЕДОРОВА, г. Таллин.

Вы спорили в письмах, рассуждали, гадали, какой он, кто он, где он, этот интересный человек. И вдруг письмо.

«ИНТЕРЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ЭТО Я».

С фамилией, именем, есть точный адрес. Приезжайте, посмотрите, убедитесь. Интересный человек обнаружен — это я.

Сначала я подумала — это с испугу. Затревожился человек, вдруг мы так и не найдем этого самого интересного человека? Как жить дальше?

Есть такие люди дела — разговоры их пугают, им всегда хочется довести их до результата, итога, поставить точку над «и» и чтобы непременно с конкретным адресом. И вот такой человек решил принести себя в жертву общему делу — «это я». Теперь сидит, волнуется: вдруг приедут, разберутся — окажется, что не соответствует обнаруженный экземпляр эталону.

Но потом стала читать письмо дальше и поняла: не волнуется. Нисколько не волнуется. Уверен, что соответствует.

Казалось бы, что ж худого — по крайней мере, человек спокоен, в душе у него мир — живи в своем счастливом сне самообольщения и покоя: я самый интересный, самый, самый, самый.

Но у снов есть один недостаток — они обрываются на **самом** интересном месте. И чем приятнее сон, тем неприятнее момент пробуждения.

Я могу придумать многое, но проделать эти дела невозможно: ребята не хотят...

...У меня в голове много интересных мероприятий, но, как я сказала, наших ребят на них не соберешь.

Из того же письма.

Несовпадение завышенной оценки самого себя с мнением окружающих и есть один из моментов такого пробуждения. Не стоит искать просыпающемуся виноватого: кто укачал, усыпил похвалами, лестью, излишним одобрением — родители, школа, близкое окружение? Сам-то ты, как говорится, уже БОЛЬШОЙ! И хорошо, если пробуждение состоится в твоем замечательном школьно-подростковом возрасте. Не потому, что дальше будет больней. А будет, конечно, будет. Потому что в сне могут быть потеряны отличные годы, когда человек с наибольшей скоростью и успехом лепит, совершенствует, создает себя. Создает себя — личность. Работает.

Что и говорить, самонадеянность, довольство собой, покой, безудержный оптимизм — я самый интересный, самый, самый — совсем не благоприятствуют такого рода работе.

Интересный человек — нет уж, чур, не я.

Такие уж ли мы плохие?

Нет, не такие. И при всей нашей — прекрасной! — строгости к себе («Интересный человек? Нет, пожалуй, так сказать я о себе не могу») все-таки сами догадываемся — не такие уж мы неинтересные.

Реплики из писем

Не думаю, что я интересный человек. (И дальше, не впадая в отчаяние.— Прим. журналиста.) Но я считаю себя полноценным человеком.

Кира СЕМЕНОВА, г. Волгоград.

И очень нуждаемся в одобрении. Не надо чересчур, но в меру... В меру — очень бы хорошо. Почему мы так любим Карлсона? Потому что малышам, которые выглядывают робко из своих окон в мир, полный грозных фрекен домоправительниц, фулле и рулле, строгих родителей, забияк приятелей, очень нужно, чтобы появился вот такой невероятный, самоуверенный, самый-самый в мире человек. Чтобы почерпнуть от него уверенности, сознания собственной значительности, без которых, конечно, каши не сваришь.

Не надо слишком обольщаться. Но и не надо так уж вешать нос.

Реплика из письма

В каждом человеке есть что-то умное и что-то глупое.

Игорь ЮНУСОВ, г. Ташкент.

Замечательные слова. В них есть что-то умное и что-то... Разговор продолжится, если будут письма.

Над почтой читателей размышляла
И. ХРИСТОВАЯ.

Фотографии Гусейна Рустамова, Сергея Торгунакова, Володи Панчука, Юры Воронина, Нади Шалимовой.

Элинор ФАРДЖЕН

Снегопад

Снег, снег,
Снег идет,
Снег по свету бродит.
И откуда
Он идет
И куда уходит?

Снегопад,
Снегопад,
Снежное паденье.
Снег идет
Наугад,
Словно сновиденье.

Сны земли,
Сны небес
Видит, засыпая,
Белый сад,
Белый лес
Снегом засыпая.

Новый год

Привет вам, сэр! И вам, и вам —
И всем, кто здесь живет!
Я только что из вечности,
Я — самый Новый год.

Мне было нечем поиграть,
И я скучал, хоть плачь,
Но тут я Землю увидал:
Вот это мяч так мяч!

Цветной, зеленый от лесов
И синий от морей!
Я разглядел на нем сады,
Людей, детей, зверей...

А старый год погладил мяч,
Подкинул, покрутил
И вдруг как крикнет мне: «Лови!» —
И я его схватил.

Теперь он мой, теперь он мой!
Вот я его держу,
Подбрасываю, и ловлю,
И глажу, и гляжу.

Кручу-верчу куда хочу —
Уж поиграю всласть!
Эй, там, на голубом мяче —
Держись, чтоб не упасть!

Утренние звуки

С утра, спозаранку
Я слышу во сне,
Как с улицы звуки
Стучатся ко мне:

Шаги почтальона,
Шуршанье газет
И ветра и веток
Привет и ответ,

Подков лошадиных
Размеренный звон,
Скрипучих повозок
Кряхтенье и стон,

И голос молочницы
Издалека,
И грохот бидонов,
И плеск молока.

Я слышу мычание
Сонных коров —
Как будто дыханье
Далеких лугов.

Когда прогоняют
Овец под окном —
Мне слышится эхо
В овраге лесном.

...Но звуки все громче —
Лай, щебет, возня,
И солнце сквозь ставни
Находит меня

И шепчет:
«Глаза поскорее протри,
Довольно подслушивать,
Встань и смотри!»

**Перевела с английского
Марина БОРОДИЦКАЯ.**

Полярная звезда

Я — звезда мореходов,
Древний маяк небес.
Я вела аргонавтов
Волнам наперерез.

Я помогала Колумбу
И его кораблям.
Тезка мой — Марко Поло —
Верил моим огням.

Я направляла к цели
Сквозь океанский мрак
Викингов и флибустьеров,
Смельчаков и бродяг.

Свет мой искали в небе
Нельсон и Магеллан,
И желторотый юнга,
И седой капитан,

Хитрый купец ганзейский
И караибский пират,
Амундсен и Джон Сильвер,
Одиссей и Синдбад.

Мне хорошо известны
Все их дела и дни,
Как они начинали,
И чем кончали они.

Чтобы спасти от бури
Кормчего и ладью,
Я на небесной вахте
Ночь напролет стою.

Земля

Знаешь ли ты, что Земля —
Это тоже звезда?
Представь —

Где-то далеко-далеко
Кто-то глядит в небосвод,
Где средь флотилий звезд
Наша Земля плывет,
И говорит:
«Взгляни!
Как ярко сегодня светит Земля!
Переливается вся,
Словно из хрусталя!
Как там, наверно, светлы
Реки, холмы и леса!
Как там сверкает роса!
Как там мерцают стволы!
Как там на узкие листья ракит
Вечер сияние льет,
Как там осока блестит
Ночью по краю болот!
Как там искрится в лугах
Утром жемчужный туман!
Как полыхает в лучах
Днем голубой океан!
Какое, должно быть, чудо —
Родиться там, на Земле,
Плывущей в просторах неба,
Сияющей ярко во мгле!»

Веришь ли ты, что рожден
На звезде?
И что это не сон?

Перевел с английского
Григорий КРУЖКОВ.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Если ты
хочешь стать ЧАРОДЕЕМ,
возьми карандаш, обмотай его серебряной фольгой и представь, что в руках у тебя ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА. Скажи еще: «Крибле, крабле, бумс!..» — и вот перед тобой открылась новогодняя

КНИГА ИГР И ЧУДЕС

Глава 1, в которой происходят всякие превращения

Это удивительно просто. Настолько просто, что сначала даже невозможно поверить. А ты и не верь! Попробуй и убедись сам. Чуть-чуть волшебства, чуть-чуть сноровки — и свершилось самое обыкновенное чудо.

Здравствуйте, ребята! Давайте познакомимся: меня зовут Анатолий Сергеевич Шаг-Новожилов. Я фокусник. И, как все фокусники, немного волшебник. В Новый год я люблю превращаться в Деда Мороза. Делается это очень просто. Один взмах волшебной палочки — и вот на мне шуба, расшитая снежинками, шапка в серебряной изморози, а в руках — ледяной посох и мешок с чудесами. В таком наряде я и отправляюсь в школы и дома пионеров на веселые новогодние праздники.

Там я дарю ребятам подарки. И подарки эти, как и у всякого фокусника-волшебника, чудесные. Зеленая еловая шишка, которую я только что снял с елки, превращается в прекрасный цветок, стеклянные рыбки оживают... и даже начинают плавать в банке с водой. Все, как видите, просто.

И на каждом празднике какой-нибудь мальчик просит меня научить его делать фокусы. Я никогда не отказываю: чем больше на Земле добрых волшебников, тем лучше!

Вот и недавно ко мне подошел мальчик и спросил: «Дедушка Мороз, а я могу научиться делать фокусы?»

Вместо ответа я попросил мальчика снять часы, завернул их в листик бумаги, позвал своего помощника и сказал ему: «Теперь ты целиком и полностью отвечаешь за эти часы». Помощник не хотел отвечать за чужие часы — он повернулся, чтобы уйти, и уронил часы. Когда мы подняли их и начали трясти, они забренчали — сломались. Мальчик возмутился: он хотел получить назад целые, а не бренчащие часы. Тогда я попросил помощника ударить по сломанным часам чем-нибудь тяжелым. Помощник ударил, и часы пошли! Но все-таки продолжали бренчать, если их потрясти. Мальчик просто дрожал от негодования и, наверное, думал: что это за волшебник — и чудесам не научил, и часы сломал! Но тут я достал из кармана брюк помощника несломанные и небренчащие часы и вручил их мальчику...

В этом простом и веселом фокусе нет ничего удивительного. Вы вполне можете повторить его на новогоднем вечере. Как же делается фокус с часами?

Фокусник заранее подбирает партнера — помощника. На репетициях они учатся незаметно подменять настоящие часы на поддельные. Берут два одинаковых листка бумаги. Один — для настоящих часов — находится у фокусника. Во второй листок заранее заворачивают железную коробочку, похожую на часы. В коробочке — осколки стекла. Когда помощник выходит на сцену, в руке у него зажаты поддельные часы. Фокусник вручает ему настоящие часы, помощник берет их в свободную руку и при резком повороте роняет поддельные часы. В то мгновение, когда фокусник поднимает их с пола, помощник делает вид, будто достает из кармана брюк носовой платок, а сам незаметно опускает в карман настоящие часы. В конце представления фокусник и достает эти часы.

Как видите, ребята, все очень просто.

С Новым годом!

Марина МОСКВИНА

ПИРАМИДА

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Я никогда не мечтала играть в духовом оркестре. Наоборот! С самого первого класса я хотела танцевать с лентой. Как представлю: я скачу по ковру! За мной — лента, вся красная! Музыка!.. Зрители!.. В первом ряду мама с папой. А на тренерском месте — Ботиныч!

Это наш физрук — Борис Константинович. В глаженом спортивном костюме, в кроссовках, рост — метр восемьдесят три... У нас в школе в него все девчонки влюблены! И все хотят стать гимнастками.

Но гимнастическая секция Ботиныча — чемпион Москвы, и он туда кого попало не берет. Меня, например, не принял.

Потому что я из всех девчонок самая толстая.

Ботиныч так и сказал:

— Ты мне, Шишкина, всю картину испортишь. Худеть тебе надо. Девушка должна быть как березка.

Мне так обидно стало! Хожу по школе — слоняюсь. Даже домой идти не хочется. Слышу, на втором этаже духовой оркестр репетирует.

— Величественней! Ве-ли... кхе-кхе-кхе!..— закашлялся духовик Евгений Леопольдович. (Еще бы! Разве их перекричишь?!) — Напевней, други мои! Шире! Та-ри-ра-ра-па-ра-ра-ра... Валторны!.. Па-ри-рам!..

Я приоткрыла дверь и заглянула в класс.

Евгений Леопольдович стоял ко мне спиной. Вернее, не стоял, а подпрыгивал. Круглый, на макушке лысина.

— Три-ра-ри-ра-пам-ба-рам!!! Барра-бан! — Евгений Леопольдович так замахал руками! У него даже лысина вспотела.— Внушительней, други мои! Крещендо!!! А теперь...— Он немножко присел, а потом как вскочит! Как закричит: — Фортиссимо!!!

Мишка Маслов из 6 «А» — мне его лучше всех видно — щеки надул, уши красные, того гляди лопнет!

— Стоп-стоп-стоп...— Евгений Леопольдович постучал дирижерской палочкой.— Не слышу тарелок! Кузнецов! Где Кузнецов?!

Все молчат — не знают. Я тогда просунула голову в класс и говорю:

— Кузнецов, ваш тарелочник, в нашем 5 «Б» учился. А позавчера ушел в другую школу. Они переехали.

— Как же так? — растерялся Евгений Леопольдович.— У нас на носу ответственное выступление во Дворце пионеров!!! В финале — без тарелок... Нет! Это невозможно!

И тут он подошел ко мне.

— Девочка! — сказал Евгений Леопольдович.— Хочешь, я научу тебя играть на тарелках?

Я вспомнила Ботиныча.

«А,— думаю,— теперь все равно. Хоть на кастрюлях».

Ответственное выступление во Дворце пионеров назначили на вторник. Правда, это будет «СОРЕВНОВАНИЕ ПО ГИМНАСТИКЕ СРЕДИ ЮНИОРОВ»... Мы только и сыграем — вначале марш, а в конце туш для победителей, но Евгений Леопольдович все равно очень волновался.

И я волновалась.

Для меня сейчас успех — все! Как представлю: я на сцене с тарелками!.. Тарелки блестят! Я стучу! Заключительный удар марша — бум-м!!! Аплодисменты! Может, кто-нибудь из публики крикнет: «Браво! Шишкина!»

А Ботиныч уже за кулисами! И ко мне — через весь оркестр.

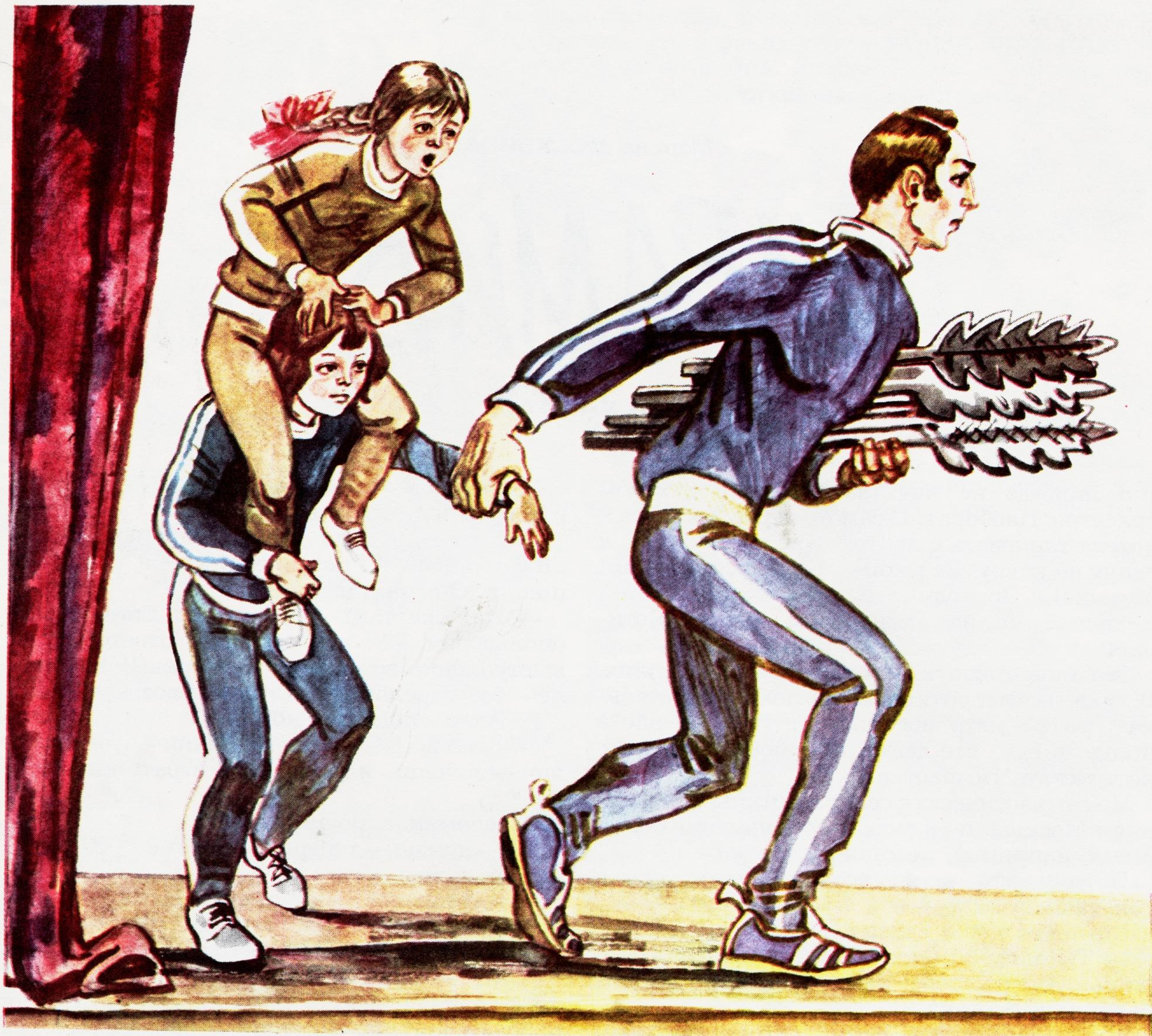
— Прости,— скажет,— Шишкина. Я ж не знал, что ты у нас талант! А раз такое дело — приходи на тренировку и танцуй себе на здоровье с лентой!

В общем, еле дождалась я этого вторника. И вот после уроков в парадной форме, с начищенными трубами мы прибыли во Дворец пионеров.

Евгений Леопольдович в военном кителе. На груди — ордена и медаль «За отвагу». Мы его таким еще никогда не видели. Он выстроил нас на сцене и сказал:

— Ну, други мои! Не подкачайте!

Занавес открылся. Евгений Леопольдович махнул мне дирижерской палочкой, и я ударила в тарелки!

Ботиныч схватил меня и утащил со сцены — прямо с ревущей Гусь на плечах.

Играли мы громко и здорово. Точно как в «Айвенго», когда музыканты созывают рыцарей на турнир! Евгений Леопольдович даже жмурился от удовольствия. А я, хоть оркестрантам нужно все время смотреть на дирижера, стала коситься в зал — нашла маму с папой, дедушку, двоюродного брата Лешку и давай им подмаргивать, чтобы не подумали, что я какой-нибудь, как говорит папа, «Фома, не помнящий родства». До того доподмаргивалась — чуть свой заключительный удар не прозевала.

Ну, нам хлопали! Минут пять, не меньше.

— Триумфально! Три-ум-фаль-но!..— бормотал Евгений Леопольдович и по очереди нас обнимал.

...А за кулисами — через весь оркестр — ко мне шел Ботиныч.

— Шишкина,— быстро зашептал Ботиныч.— Выручай! Мы — первые! А Давыдова из пирамиды заболела. И заменить некем... Будешь в основании, есть?

— Есть! А вдруг не смогу?

— Да там несложно! По команде «Стройсь!» — застынь, как бетон. Пока не скажу: «Рассыпьсь!» — умри, но стой! Выстоишь — так и быть, запишу в секцию. Идет?

— Конечно, идет!

Уж сейчас-то я окончательно докажу Ботинычу, какой я для его секции незаменимый человек.

Сама не помню, как напялила костюм длинной тощей Давыдовой, влезла в огромные белые тапочки и с другими гимнастками строем (я последняя) вышла на сцену.

Ботиныч уже там. Улыбающийся! В таком нарядном синем с беленькой полосочкой ко-

стюме! В руках у него сноп колосьев, вырезанный из фанеры и обернутый фольгой. Посмотришь на Ботиныча — сразу ясно, для кого мы будем туш играть!

— Стройсь! — весело скомандовал Ботиныч.

Ко мне двинулась толпа гимнасток. По очереди — одна за другой — они стали на меня вскарабкиваться. Правда, не все. Половина взбиралась на Борзакову — моего товарища по основанию. Борзакова схватила меня за руки и своими острыми коленками уперлась в мои.

— Раз! — хлопнул в ладоши Ботиныч.

Вверх поднялись остатки пирамиды — Прохорова со Щеголевой.

— Два! — Ботиныч подбросил сноп, а Щеголева с Прохоровой поймали.

В ту же минуту товарищ по основанию Борзакова закусила губу, вся покраснела и, вцепившись в меня, как утопающий за соломинку, начала медленно опускаться на пол.

Пирамида качнулась.

— Три! — выпалил Ботиныч, и все, кто стоял на Борзаковой, загремели вниз.

Мои, конечно, тоже попадали. Только одну удалось удержать — старшеклассницу Гусь. Я ее за ноги схватила. Сказал Ботиныч: «Умри, но стой»,— вот я и буду стоять, хоть тут что!

Гусь рвется, а я не пускаю.

— Рассыпься! — крикнул Ботиныч.

А я не могу. Застыла, как бетон.

В зале шум поднялся! Смех! Свист!

— Это еще что за пирамида Эхиопса? — громко сказал главный судья соревнований.

Ботиныч схватил меня и утащил со сцены прямо с ревущей Гусь на плечах.

— Ну, Шишкина! — прошептал Ботиныч за кулисами.— Считай, два в четверти тебе обеспечено!

...Ну, вот, а когда все выступили, наш оркестр опять построился на сцене. Главный судья объявил чемпионов соревнования. Им вручили награды. Мы сыграли туш и уже собрались расходиться...

И тут главный судья сказал:

— Дорогие участники соревнования! Уважаемые зрители! По единогласному решению судейской коллегии за проявленные во время соревнований стойкость и волю к победе ученица 5 «Б» класса 23-й школы Елена Шишкина награждается Почетной грамотой!..

Все стали хлопать. Наши снова туш заиграли. Евгений Леопольдович вывел меня из оркестра и, пока я получала грамоту, держал мои тарелки.

А через несколько дней на физкультуре Ботиныч мне и говорит:

— Ладно, Шишкина. Я тогда погорячился. Это Борзакова во всем виновата. А ты — идеальное основание для пирамиды. Со временем я тебя во второй ярус переведу. А там, глядишь, и с лентой выпущу. Тренировка завтра. В четырнадцать тридцать.

Но я не смогла. У нас была репетиция. Мы вальс один разучиваем. Красивый такой, старинный. Там нельзя без тарелок.

М. МАТВЕЕВА,
заведующая отделом коммунистического воспитания

ОСТАЛАСЬ КОРКА ОТ ОБЕДА...

Свет юпитеров освещает парты, работают камеры кинооператоров, корреспонденты газет и журналов делают пометки в блокнотах... В Камышеватской средней школе Кировоградской области идет открытый урок «Свято чтить и беречь хлеб».

Почему именно эта школа привлекла внимание журналистов? Разве мало у нас школ, где проходят уроки бережливости?

5 „А" ДОЕЛ ВЕСЬ ХЛЕБ?

Начали они, казалось, с дела малого и обычного — беречь каждую крошку хлеба.

Лет десять назад ученики Камышеватской школы задумались: бережно ли они относятся к хлебу — нашему богатству? В школьной столовой остаются обгрызенные куски, корки плавают в тарелках с недоеденным борщом...

Зачем брать хлеба столько, сколько не съешь? Может, надо его резать потоньше? Или, к примеру, отмечать, сколько хлеба получил сегодня на обед 5 «А» класс, а после обеда проверять, весь ли хлеб они доели. Если не доели, на следующий день получайте поменьше. Так в столовой появились посты — дежурные, ответственные за экономию хлеба. Только не подумайте, что дежурные кому-то хлеба вообще не давали. Нет, ешь, сколько сможешь, но только ешь.

И все равно, хоть небольшие, но отходы на кухне неизбежны. Что с ними делать? Выбрасывать? Не

по-хозяйски. Дома-то все идет в дело. И в школе завели десяток кроликов и трех-четырех поросят. Поле, сад, парники были и раньше, и получилось свое маленькое хозяйство.

Все крестьянские премудрости: как поле к севу подготовить, как урожай большой вырастить да сохранить,— сельские ребята узнают еще в школе.

Вот что рассказывает **Олег Коваленко** из 10 «А» класса:

— С седьмого по десятый класс мы работаем в ученических производственных бригадах. Я в звене трактористов. У нас в школе есть три трактора и новенький комбайн «Нива». Целиком обрабатываем школьное поле (86 гектаров лучшей в колхозе земли!): засеваем пшеницу, просо, кукурузу, сажаем картофель, тыкву... Сами пропалываем, собираем урожай, осенью возим на поле удобрения. Весной, осенью работаем каждый день. Часа полтора после уроков. А зимой — когда надо.

Со школьного поля и сада урожай идет в нашу столовую. У нас погреба есть, там все и хранится.

Летом, в каникулы, все классы по две недели отрабатывают в колхозе практику. Со своим школьным полем, садом справимся, на колхозные поля идем. Что наша школьная техника зря будет стоять!

Деньги, что мы за практику зарабатываем, колхоз на спецсчет переводит. И мы сами на школьном собрании решаем, что на них купить. В этом году купили инструменты для эстрадного оркестра и для духового.

У нас в классе одиннадцать мальчиков, и восемь из них хотят остаться в селе. Многие девочки на ферме остаются. Мой старший брат после армии домой вернется, шофером будет в колхозе работать, как отец.

Как бы ты ни был мал, и в школьном хозяйстве, и в домашнем тебе найдется работа по силам.

Алина Толмачева из 6 «Б» класса и **Валера Гибаленков** из 7 «Б» ухаживают за школьными кроликами. У Алины восемь кроликов, у Валеры семь. По семь-восемь кроликов взялись вырастить многие их одноклассники. Осенью они сами косят для кроликов траву, на школьном огороде отбирают мелкую морковку, из дома овощей, если надо, приносят. Кормят кроликов три раза в день, дважды в неделю чистят клетки и несут полную ответственность за то, чтобы зверьки были живы-здоровы и быстро росли. Впрочем, справляться им с этой работой нетрудно. У всех дома есть свои кролики, как их кормить и растить, ребята знают.

Лариса Горбенко и **Виктория Шестюк** учатся в 4-м классе. Ни кроликов, ни свиней, ни поле им пока не доверяют. Зато у них есть свой цветник. Когда начинаются каникулы и учителя не могут уже проверить, как ты трудишься на своем участке, девочки все равно каждый день прибегают на школьный двор поливать и пропалывать клумбы. Как же можно о цветах забыть? Не приди день-другой, и они погибнут!

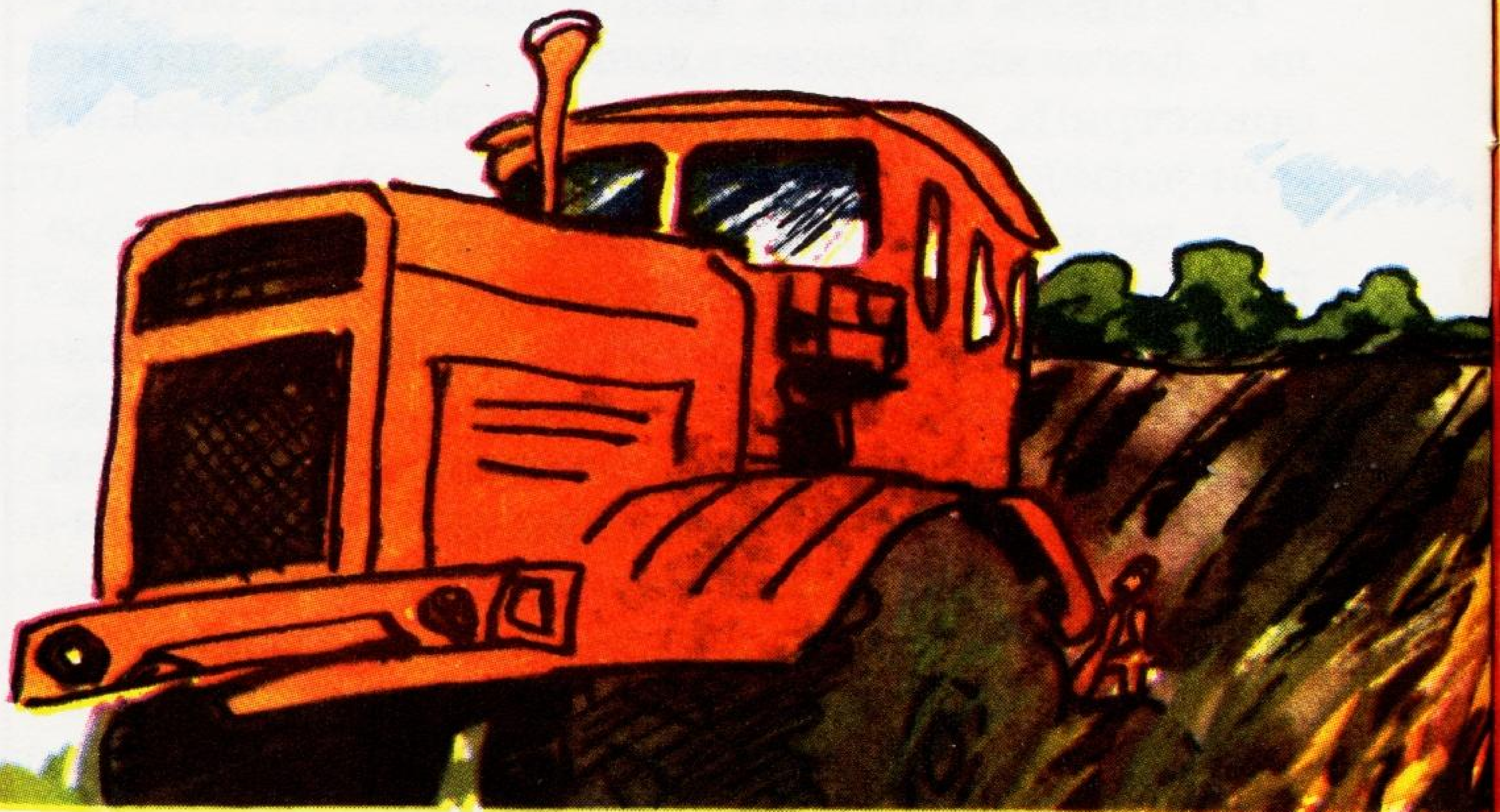
Если кто-то из вас, прочитав про жизнь Олега, Алины, Валеры, Ларисы, подумает: «Вот несчастные — занятия в школе, уроки дома, кролики, тракторы, грядки... Да когда же они отдыхают?» — он глубоко ошибется. Успевают ребята отдыхать. Олег занимается в баскетбольной секции. Валера учится делать чеканку, любит музыку и спорт. Алина и Лариса ходят в музыкальную школу. Все много читают. Просто сельские ребята не тратят время на бесконечные мечтания у окна, на никчемные длинные разговоры по телефону и лежание в легкой дреме на диване, чем часто грешат ребята городские.

Детство — это жизнь, а не подготовка к жизни. И труд в этой жизни составляет естественную, необходимую часть.

Для сельских ребят труд привычен с малых лет. Так было, так есть. И без этого нельзя вырасти хорошими хозяевами. Сельские ребятишки своим родителям очень рано начинают помогать: и дома, и на огороде, и за скотом ухаживать.

А вот горожан иногда до пятого класса к плите не подпускают (газ сам не зажигай, еще обожжешься,

обед твой в термосе тебя ждет). Взрослые говорят: только учись да книжки читай, еще наработаешься. Но разве только книги человека к жизни готовят? Нельзя все школьные годы быть «ребенком», а на следующий день после выпускного вечера проснуться взрослым, самостоятельным человеком, умеющим трудиться. А хитрые горожане ох как любят перед родителями прикидываться «детьми» и делать вид, что ничегошеньки они не умеют делать.

Камышеватские школьники каждое лето после обязательной для всех практики, когда можно ехать уже в пионерский лагерь или к родственникам в гости, хоть немного еще работают в колхозе. Кто месяц, кто две недели. И получают за свою работу деньги. Олег Коваленко, например, с седьмого класса помогает бабушке выращивать шелкопрядов. Порядочную сумму уже заработал. Недавно на эти деньги родители купили ему мотоцикл.

Заработки Валеры и Алины пока скромнее. Но не в величине суммы дело. Ребята с шестого класса знают цену деньгам. И это просто здорово, что деньги на желанные транзисторы, магнитофоны, фотоаппараты они не клянчат у родителей, а могут сами за-ра-бо-тать!

А что делать городским ребятам? В городе найти для них работу труднее. Ну, наверное, прежде всего надо снять с родителей бремя домашнего хозяйства. Убрать квартиру, приготовить обед, отнести белье в прачечную, обувь в ремонтную мастерскую, взять младшего брата из детского сада — все это могут ребята. И, конечно, взрослые должны подумать, какую работу в городе можно поручить подросткам: разносить телеграммы, убирать парки, ремонтировать скамейки и песочницы во дворах, продавать мороженое и газеты...

Но вернемся к нашему уроку бережливости. На урок ребята пригласили бригадира тракторной бригады Александра Васильевича Гиталова. Их односельчанин знаменит: дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, наставник молодежи, он создал свою, гиталовскую школу передового опыта. Четырнадцать учеников Гиталова стали Героями Социалистического Труда.

На уроке разговор шел о том, как важно еще в детстве научиться трудиться и ценить чужой труд, чтобы вырасти хорошим работником и рачительным хозяином.

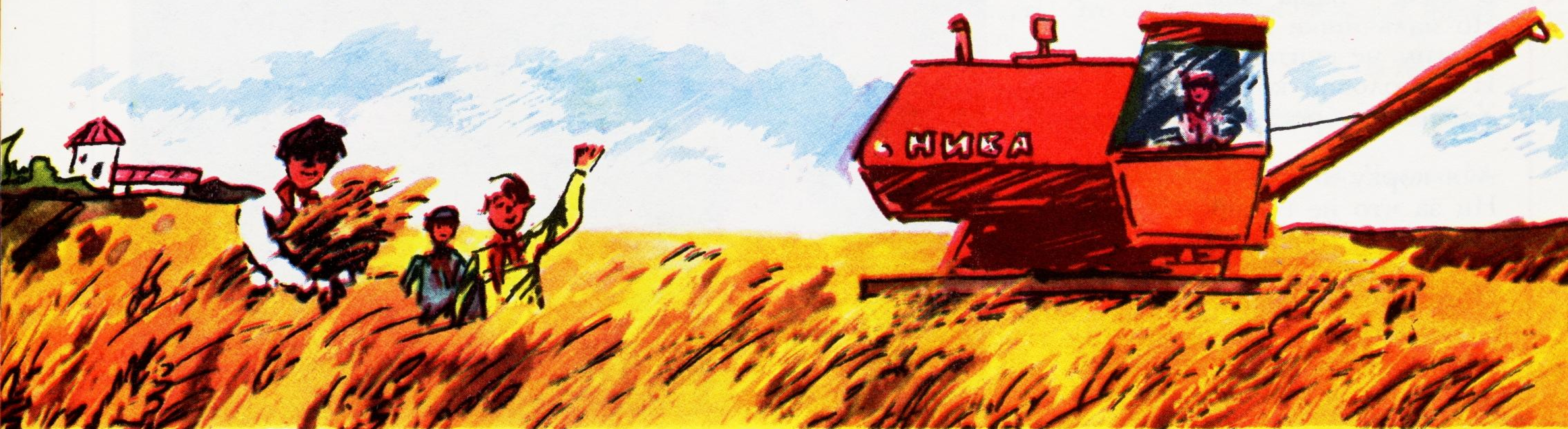
Александр Васильевич рассказал ребятам, как сначала он был пастушонком, а в пятнадцать лет уже самостоятельно работал на тракторе. Сегодняшние школьники четырнадцати-пятнадцати лет с техникой на «ты». Но по закону до семнадцати им на тракторе одним работать нельзя. Александр Васильевич считает, что не дать парню в пятнадцать лет сесть на трактор, за штурвал комбайна, когда ему это так хочется, а «додерживать» до семнадцати лет — все равно, что засеять поле не весной, а летом: урожай будет совсем не тот! Но пока вопрос об изменении этого закона обсуждается, мальчишки могут работать на тракторах рядом со взрослыми.

Вырастить хлеб, сберечь его — это пока забота взрослых. А ребята, и сельские и городские, как могут им сейчас помочь?

Главный экономист колхоза Виктор Михайлович Антоненко на уроке бережливости вместе с ребятами разобрал такую задачку. Если семья из четырех человек будет в день выбрасывать всего по 100 граммов хлеба, сколько они выбросят за год? 36,5 килограмма. А если каждая семья? Для всей страны потери будут огромными. Чтобы восполнить их, придется распахать и засеять 1,3 миллиона гектаров земли — это примерно территория Кировоградской области. Вырастить на каждом гектаре по 16 центнеров зерна. А чтоб из муки выпечь хлеб, понадобится еще 18 тысяч тонн прессованных дрожжей, 50 тысяч тонн соли... А труда людского сколько надо на это положить?! Хотя всего-то, кажется, пустяк — каждая семья выбросила за день 100 граммов хлеба.

На открытом уроке в Камышеватской школе говорили о бережном отношении к хлебу. О хлебе не только как о продукте питания, а как о символе труда человека, как о богатстве земли. Ребятам было понятно, что хоть говорят они сейчас о хлебе, беречь надо не только его, беречь надо все, что сделано руками человека, что дает человеку земля, и саму землю, такую щедрую в этих краях, тоже надо беречь. Тогда можно будет сказать, что относятся они к жизни по-хозяйски.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Соня СИЗАЯ живет в Свердловской области, в селе Николо-Павловское, учится в 5-м классе школы № 5. Соня любит сочинять стихи и повести, а еще она увлекается лыжным спортом.

Хлебушко

Хлебушко — мягкий,
хрустящий,
Пахнущий ветром полей,
Силу и мудрость дарящий —
Щедрый кормилец людей.

Тяжким трудом добытый,
Солнцем согрет и землей,
Свежий, румяный,
душистый,
Солнышком налитой.

Саша ЗНАМЕНСКАЯ — киевлянка, пятиклассница. Учится в школе № 153, которая носит имя Александра Сергеевича Пушкина.

Кусочек хлеба

Говорила бабушка,
Мама говорила:
— Хлеб — наше богатство,
В хлебе — наша сила.
Но мальчишки в школе
С этим не считаются
И в столовой корками
Хлебными бросаются.

А я корку хлеба
Ни за что не брошу,
Потому что хлеб наш
Вкусный и хороший.
Потому что много
Стоило труда,
Чтобы хлеб наш вкусный
Был у нас всегда.

Наташа МЕЛЬНИКОВА — москвичка, она учится в спецшколе № 81, в 8-м классе «б».

Как родится хлеб

Хлеб начинается
с заснеженных полей,
Где сладко спят зеленые ростки,
Чтобы нескоро,
через много дней
Взойти и превратиться
в колоски.

Их будет ветер бить.
Сушить жара,
Дожди их заливают
через край...
Но явится желанная пора,
И колос превратится в урожай.

Созревшее зерно грузовики
На элеватор дружно отвезут,
А из сухой просеянной муки
Ковриги хлеба люди испекут.

И снова отберут особое зерно,
Что будет ждать распаханной
земли,
Где вновь взойдет росточками
оно,
И скажем мы:
«Озимые взошли».

Вот так родится хлеб:
И белый, и ржаной,
И в именины — радость пирога.
Поэтому от хлеба нам с тобой
Крупинка каждая
Должна быть дорога.

Бехчат ХАШИМОВА живет в Узбекистане, в городе Бекабад, учится в 6-м классе школы № 17.

Из чего сделан хлеб

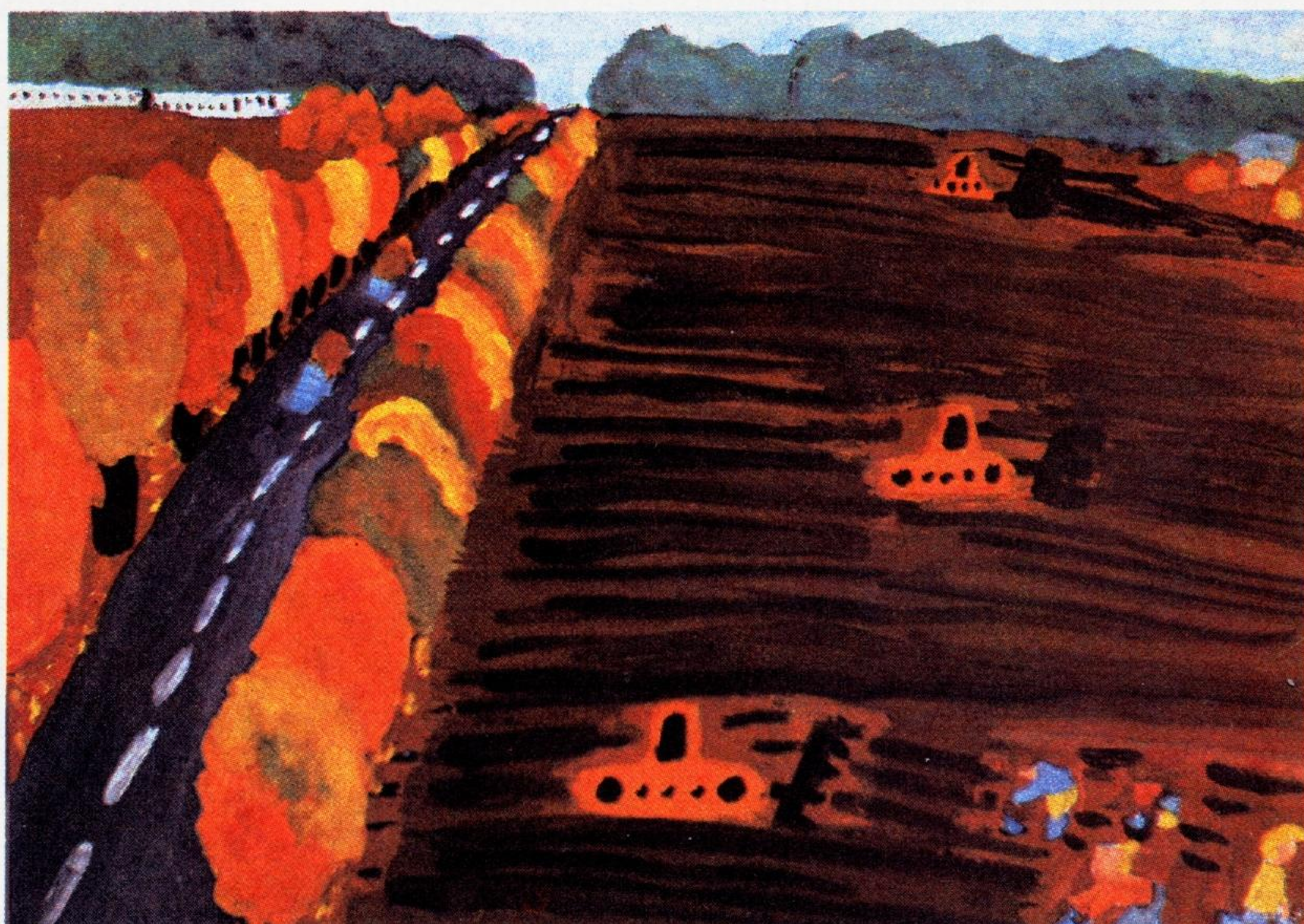
Мама хлеба испекла
И на стол нам подала.
И сказала вдруг она,
Что без хлеба жить нельзя.
Что находятся внутри:
Золотые колоски,
Солнца свет,
Лучи зари,
Даже капельки росы,
Человека рук тепло
И земное все добро.

Это стихотворение пришло из Хабаровского края. Прислал его человек 12 лет по имени Женя — ни фамилии, ни точного адреса в письме не было. Но стихотворение всем понравилось, и капитан «Кораблика» приказал принять его на борт.

Летний дождь

Дождь полился с неба.
Этот дождь — для хлеба,
На столе чтоб он лежал
И детишек поджидал,
Весь поджаристый,
душистый,
С мягкой коркой золотистой.

«НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ». *Работа Лены АЛЕКСЕЕВОЙ, 10 лет.*

Владимир РАЗУМНЕВИЧ,
Владимир МОЛЬКО

СКАЗКА ПРИДЕТ ЗАВТРА

Окончание. Начало в № 11.

Сцены из пьесы о легендарном начдиве и его юных соратниках

Рисунки В. ДУДКИНА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Чапаев — начальник дивизии.
Пелагея — его жена.
Саша, Клава, Аркаша — их дети.

Плясунков — комбриг.
Егор Раданов — разведчик Чапаевской дивизии.
Ванюша — его сын.
Тимоша — связист при штабе дивизии.
Архип Ермаков — боец Чапаевской дивизии.
Лука, Степан — его сыновья.

Пленный белогвардеец.
Белочех.
Есаул.

Время действия — 1918—1919 годы.

Сцена четвертая

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОМБРИГА

В штаб дивизии, где по телефону с кем-то разговаривает Чапаев, вбегает Тимоша.

ТИМОША. Василий Иванович, комбриг Плясунков к белым подался. С ним четверо — на конях. Их окликнули, а Плясунков только рукой махнул. Изменник!..

ЧАПАЕВ. Ты думай, прежде чем такими словами бросаться. И вообще пора тебе понять: ты теперь не просто Тимоша — связной или порученец, а инструктор для особо важных поручений при командире дивизии. Читал приказ?

ТИМОША. Плясункова нет нигде, все дома обошли...

ЧАПАЕВ. Прекрати вредные сплетни разносить! Чтоб такой человек да к белым переметнулся... Ты видал, сколько он во вчерашнем бою их уложил — не счесть! Это он после боя шальной, никак не очухается.

ТИМОША. Василий Иванович, слух по дивизии нехороший ползет.

ЧАПАЕВ. Прекратить сплетню! С корнем вырвать!

(Тимоша уходит. Звонит телефон. Чапаев берет трубку.)

ЧАПАЕВ *(по телефону)*. Это ты, Ермаков? Давай закончим прерванный разговор. Повторяю, без Плясункова лучше не возвращайтесь! Никаких оправданий не приму: под землей найдите, и ко мне! *(Бросил трубку.)* Где же он, рыжий черт, куролесит?.. Отдам под суд, хватит!..

(Входят Лука и Степан.)

ЛУКА. Разрешите, Василий Иванович!

ЧАПАЕВ. В чем дело? Мне сейчас не до песен, братцы.

СТЕПАН. Мы пленного поймали. Сидим в секрете, а он — то ли с перепугу, то ли в темноте заблудился — прямо на нас... Мы его с лошади стащили и...

ЧАПАЕВ. Да пропади он пропадом!

ЛУКА. Он о Плясункове кое-что знает...

ЧАПАЕВ. Где он?

СТЕПАН. Тут, с караульным сидит.

ЧАПАЕВ. Плясунков?

ЛУКА. Вроде там... у белых...

ЧАПАЕВ. Давайте сюда вашего пленного!

(Лука уходит.)

СТЕПАН. Говорит, при офицере был. А тот — при легковом автомобиле. Серьезная, видать, цаца...

(Лука возвращается с пленным.)

ЛУКА *(подталкивая)*. Что скукожился? Не перед алтарем стоишь. Перед Чапаевым.

ЧАПАЕВ. Выкладывай. Сбрехнешь — смотри...

ПЛЕННЫЙ. Не сбрешу! Ей-богу, не сбрешу! Приехали мы в село народ в нашу армию звать. Собрали митинг. Глядим — мужиков не густо. Прапорщик осерчал... Не успел он приказать старосте согнать всех, кто призыву подлежит,— конный разъезд нагрянул. Пятеро. Впереди этот самый, рябой, рыженький, лохматый... Прапорщик наган выхватил, а пальнуть не успел — ваш этот... плетью его вышиб. Спросил: «По какому случаю здесь?» Я перепугался, что они нас порубают, и говорю: так, мол, и так, прибыли мобилизацию производить. Он со своими дружками перекинулся и офицеру: «Я,— говорит,— могу вам помочь. Мой полк вдребезги разбит, и делать мне в Красной Армии нечего».

ЧАПАЕВ. Врешь! Не Плясунков это! Не мог он так сказать.

ПЛЕННЫЙ. Как же... Прапорщик, когда в себя пришел, спросил его: «Кто такой?» А он ему: «Иван Плясунков. Слыхал небось такую фамилию?» Мой начальник тут сразу портсигаром перед ним защелкал: такая важная птица к нам переметнулась...

ЧАПАЕВ. Ну, ты!..

ПЛЕННЫЙ *(пятясь)*. Что ж на меня-то гневаться? Я сбоку припека... Я и сам сначала усомнился: чапаевский командир — и такие речи. «Я обещаю,— наш офицер-то ему,— с самим командующим договориться, чтоб все крестьянское войско отдать под ваше начало, и будет у вас чин полковника».

ЧАПАЕВ. Ну, а этот... Плясунков который, что?

ПЛЕННЫЙ. А он ему: «Хочу,— говорит,— у вас генералом быть». Ей-богу, так и сказал! Потом Плясунков сказал, что надо бы ему с нашим полковником повидаться. Прапорщик крепко-накрепко заверил его, что ежели мобилизация пройдет хорошо, то полковник сам его к генеральскому чину представит. И тут же послал меня в штаб — доложить о Плясункове... *(Смолк.)*

ЧАПАЕВ. Что замолчал? Язык во рту прищемило? Продолжай свою брехню дальше.

ПЛЕННЫЙ. Какой интерес мне брехать? Сущая быль. Вот те крест. А более сказать мне нечего. Как там и что дальше — не знаю. По дороге в штаб меня вот эти двое перехватили, стащили с лошади...

СТЕПАН. Как же не перехватить и не стащить, когда ты не в свой, а в наш штаб ехал?

ПЛЕННЫЙ. Чуть все пуговицы не поотрывали да еще прикладом по голове...

ЛУКА. А ты бы не брыкался!

ПЛЕННЫЙ. Испугался я...

СТЕПАН. Врет он, не прикладом я, а плеткой. С перепугу, видно, не разобрался, что я мягким его...

ЧАПАЕВ *(пленному)*. Все выложил? Посидишь под замком, пока наши разъезды не вернутся.

(Слышны сигналы подъехавшей машины.)

ПЛЕННЫЙ. Наша машина!.. Наша!..

ЧАПАЕВ *(Степану)*. Посмотри, что там?

(Степан уходит.)

ПЛЕННЫЙ. Я по звуку рожка знаю...

ЧАПАЕВ. Если набрехал — пощады не проси.

СТЕПАН *(с порога)*. Плясунков объявился!

ЧАПАЕВ. Что с ним?

СТЕПАН. Живехонек! Прикатил на автомобиле, как генерал.

(Появляется Плясунков.)

ЧАПАЕВ. Где тебя нелегкая носила?

ПЛЯСУНКОВ. Не серчай, Василий Иванович. Так вышло... *(На пленного.)* А этот как здесь?

ЧАПАЕВ. Братья-певцы поймали.

ПЛЯСУНКОВ. Молодцы ребята — что в песне, что в боевом деле!

ЧАПАЕВ *(пленному)*. Ну что, солдат, домой пойдешь иль ко мне?

(Пленный молчит — не верит.)

Не веришь, что отпускаю? А то, пожалуй что, иди домой. Мы не только пулей бьем врага, но и примером. *(Пленный уходит.)*

ПЛЯСУНКОВ *(Чапаеву)*. Колчаковцы там наших раненых и пленных у одной деревни штыками и саблями... А у некоторых звезды на спинах повырезали... Ненавижу. Я бы их...

ЧАПАЕВ. Почему без приказа полк оставил?

ПЛЯСУНКОВ. Что тут скажешь? Не знаю, право, Василий Иванович. Сам знаешь, каково мне было. Места себе не находил. Пошел с ребятами в разъезд. Думал, успокоюсь. А там с белогвардейской кокардой повстречался. Как получилось, тебе, наверное, пленный рассказал. А дальше... Попросил он меня мужиков в гвардию вербовать. Почему ж, думаю, не пособить, коли такая нужда?

ЧАПАЕВ. Что мелешь! Ты мне здесь контру не разводи.

ПЛЯСУНКОВ. Ну вот, опять сердишься. А напрасно. Мне одному, без офицера этого, не управиться бы и за неделю. Он сам мужиков на площадь согнал. И как только начал свою речь, тут-то мои ребята и заткнули ему глотку! А я тем временем с мужиками балакал. Колчака крестил. А народ, слышу, крепче моего того адмирала поминает. На прошлой неделе, вишь ты, колчаковцы в селе троих плетью запороли. Разве кто пойдет к ним служить? И пряником не заманишь! А к нам — всей душой.

ЧАПАЕВ. Чем ораторствовать, лучше бы подумал, как пополнение полку добыть.

ПЛЯСУНКОВ. А я о чем? О том же самом и думал! Вон полюбуйся. *(Подводит Чапаева к окну.)* Идут! Двести человек. Да каких мужиков! Я их новым песням обучил...

В открытое окно врываются возбужденные голоса мужиков. Слышится песня:

Не орел в полет далекий
Выводил своих орлят,
По долинам приуральским
Вел Чапаев свой отряд.
По долинам приуральским
Вел Чапаев свой отряд.

Сцена пятая

СЕМЬЯ НАЧДИВА

Ванюша приводит в избу жену Чапаева и его детей — Сашу, Клаву и Аркашу.

ПЕЛАГЕЯ. А хозяин где? Кто он?
ВАНЮША. Железнодорожник. Отцов знакомый. Вы не бойтесь, наш он — красный, за красных.
ПЕЛАГЕЯ. Как же ты нас нашел под мостом, Ванюша?
ВАНЮША *(отодвигает сундук, открывает лаз)*. Так и нашел. *(Приносит матрац, бросает в лаз.)* Спрячетесь сюда с Клавой! Больше там места нет. А Саша с Аркашей со мной. Нас не тронут. Скажем: сироты, живем у дяди. Или спрячемся где-нибудь. Беляки вас кругом ищут. Они даже приказ развесили: кто будет вас укрывать, того расстреляют без суда. А кулаки список составили, кого повесить. Да вы не бойтесь, хозяин сказал, что белочехи к нему уже наведывались...

(Клава спрыгнула в лаз.)

ПЕЛАГЕЯ. А вдруг? Из-за нас он пострадает. Уж лучше где-нибудь в лесу схоронимся...
ВАНЮША. У вас вон какой хвост. *(Указывает на детей.)* С ними разве упрячешься?.. Идет кто-то!..

(Пелагея скрывается в лазе. Ванюша закрывает лаз, двигает на место сундук. Появляется белочех.)

БЕЛОЧЕХ *(тычет пальцем)*. Кто? Кто? Чап? Чап?
ВАНЮША. Мой дядя на станции железнодорожник... железная дорога... А я за няньку, смотрю за ними.
БЕЛОЧЕХ. Нянька, нянька!.. *(Подходит к сундуку, открывает и роется в нем.)*
ВАНЮША *(быстро достает крынку с молоком)*. Вот, молоко! Молоко! Свежее!..
БЕЛОЧЕХ. О, млёко!.. *(Пьет, причмокивая.)* Хорошо... Ничего... Чапа... Чапа... Знаешь? Ероплан... Чапа... Ж-ж-ж-жу... Саратуф... Саратуф!
ВАНЮША. Да, да, Саратов Чапаев, тю-тю, на аэроплане. Вас испугался... Струсил.
БЕЛОЧЕХ. Чапа трусил! *(Машет рукой.)* Ероплан... тю-тю... *(Двинулся к выходу.)*
АРКАША *(вдруг)*. А папа не струсил! *(Подбегает к белочеху.)* Он казаков побьет, а потом вас — вместе с вашим еропланом!
БЕЛОЧЕХ *(не понимая, что-то подозревая)*. Папа? Кто? Кто?
ВАНЮША *(оттолкнув Аркашу)*. Он говорит, Чапа еще казаков испугался... белых казаков и тю-тю в Саратов. На аэроплане.
БЕЛОЧЕХ. Да, да!.. Так, так!.. *(Пошел.)*

(Аркаша хочет возразить, но Саша хватает его за руку.)

САША. Цыц! А то я тебе!..
АРКАША. Папа никогда не трусит! Его белые боятся!..
ВАНЮША *(провожая белочеха)*. Тю-тю Чапа!.. Тю-тю..
БЕЛОЧЕХ *(смеясь)*. Чапа тю-тю... Саратуф... Ха-ха!..

(Белочех и Ванюша уходят.)

АРКАША *(плача)*. Не трус папа! Не трус! Большие, а за папку не заступились!
САША *(обнимая Аркашу)*. Молчи, Аркаша, молчи!

Сцена шестая

ЛЕНИНСКИЙ ПОДАРОК

Чапаевский штаб. Красноармейцы устанавливают по краям авансцены алые знамена. Напротив Чапаева сидит Тимоша. Они беседут.

ЧАПАЕВ. Ты без пропусков, подробно рассказывай!
ТИМОША. Ну, как добрался до Москвы, не имеет значения. Добрался. Знамена, которыми нас за уфимский бой Совнарком наградил, помог мне получить наш командующий Михаил Васильевич Фрунзе. На мое счастье, его вызвали с фронта по какому-то срочному делу. Поезд отходил вечером, и у меня оставалось свободное время. Фрунзе позвал пойти с ним в Кремль. Сам он — в Совнарком, а я — у Царь-пушки. Не успел я ее как следует осмотреть и ощупать, гляжу, ко мне шагают двое: Фрунзе и — я сперва глазам своим не поверил — Владимир Ильич Ленин! Ей-богу, Василий Иванович, он!
ЧАПАЕВ. Не может быть!
ТИМОША. Доказательство имею!
ЧАПАЕВ. Смотри, Тимофей, за такие фантазии...
ТИМОША. Не перебивайте! Я и так могу сбиться, что-то важное пропустить: такая встреча! Фрунзе указал Владимиру Ильичу на меня: «Это порученец Чапаева, прибыл за знаменами, вечером уезжает». Я вытянулся по стойке «смирно» и сказал: «Здравия желаю, Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин!»
ЧАПАЕВ. Вот балда! Так и ляпнул?
ТИМОША. А как?.. Здравия желаю, Председатель Совета...
ЧАПАЕВ. Товарищ Председатель Совета!.. Товарищ! Эх, голова!
ТИМОША. А дальше как бы вышло? Перед Лениным без слова «товарищ»?
ЧАПАЕВ. В таком случае фамилию необязательно произносить.
ТИМОФЕЙ. А мне хотелось. Не мог я по-другому!
ЧАПАЕВ. Надо было смочь! Не тебя надо было посылать.
ТИМОША. И вы бы не смогли, когда вдруг сам товарищ Ленин.
ЧАПАЕВ. Где же твое доказательство?
ТИМОША. Вы же перебиваете.
ЧАПАЕВ. А ты не тяни — говори!
ТИМОША. Владимир Ильич улыбнулся так... ласково и протянул мне руку: «Здравствуйте. Получено чапаевское донесение — взят Лбищенск. Читал — словно музыку слушал. Хорошая музыка! Кстати, как здоровье товарища Чапаева? Он ведь ранен был».
ЧАПАЕВ. Так и спросил?
ТИМОША. Угу. «На здоровье не жалуется,— ответил я.— Поправился. К нашему Василию Ивано-

3—4. «Пионер» № 12.

вичу болячки не пристают». А Ленин: «Ну вот и великолепно! Мы тут за него очень волновались».

ЧАПАЕВ. Так и сказал?

ТИМОША. Василий Иванович!..

ЧАПАЕВ. Это ты верно насчет болячек.

ТИМОША. Потом Ленин опять посмотрел на меня и спросил: «Не подскажете ли вы мне, в чем ваши красноармейцы нуждаются больше всего?» Я хотел было насчет патронов и сапог, но тут же заверил: «И ни в чем не нуждаются! Все, что нам надобно, мы у врага отбиваем».

ЧАПАЕВ. Молодец! Я знал, кого надо в Москву послать! А дальше?

ТИМОША. Владимир Ильич засмеялся и говорит: «Выходит, белогвардейцы на свое полное обеспечение взяли чапаевцев? Недурно! Напомните, пожалуйста, товарищу Чапаеву, что часть трофеев, отвоеванных у неприятеля, следовало бы переправить другим частям, туда, где не хватает». Это он уже серьезно сказал. И на прощание...

ПЛЯСУНКОВ *(быстро входит)*. Василий Иванович!..

ЧАПАЕВ. Погоди! Не мешай! Слушай!

ПЛЯСУНКОВ *(Тимоше)*. Ты когда прибыл?

ЧАПАЕВ. Слушай, Иван, он самого товарища Ленина видел! Он с ним говорил. Послушай!

ТИМОША. На прощание Владимир Ильич пожал мне руку и сказал: «Приедете на место — передайте от меня привет товарищу Чапаеву, командирам и красноармейцам. Желаю им всем богатырского здоровья и новых успехов в боях». Тут подъехал легковой автомобиль, Владимир Ильич сел в него и уехал.

ЧАПАЕВ. Все?! А доказательство?

ТИМОША *(достает из полевой сумки сверточек)*. Когда товарищ Ленин уехал, Михаил Васильевич дал мне вот эти золотые часы. *(Разворачивает сверточек.)* И сказал: «Владимир Ильич просил вручить лично Чапаеву. Приедешь — передашь...» *(Отдает часы.)* Получите.

ЧАПАЕВ *(рассматривает подарок)*. И надпись есть! Гляди, Иван! В жизни у меня таких подарков не было. Главное, от кого!.. Владимир Ильич знает, кому дарить. У кого победы и трофеи, тому и честь. *(Тимоше.)* А обратно, сюда, как со знаменами доехал?

ТИМОША. Как вы приказали, так и доехал. Знамена я разместил в вагоне, где вооруженная охрана поезда была. Подъехали к Симбирску, а тут, на вокзале, взвод, вами посланный для встречи знамен. Машут мне фуражками, кричат радостно. Сбросили мы брезентовые чехлы со знамен и на машинах с песнями двинулись в город. А когда проезжали мимо деревянного дома, в котором в детстве жил Ленин, знамена вскинули вверх... Потом до Уральска быстро домчали. Там сказали, что вы сюда переместились...

ЧАПАЕВ *(подошел к знамени)*. Спасибо, Тимоша, большой праздник ты нам доставил. Очень большой. *(Отстегнул свои часы.)* Держи! За верную службу. Тебе тоже без личных часов нельзя. А я буду носить вот эти, ленинские.

ТИМОША *(принимая подарок)*. Василий Иванович!.. Спасибо!..

ЧАПАЕВ. Носи на здоровье! Только заводить не забывай. Ну, Иван, теперь докладывай.

ПЛЯСУНКОВ. Все в полном порядке, Василий Иванович. Окружил и разнес их штаб к чертовой матери. Никто не улизнул, ни одна душа.

(Едва держась на ногах, появляется Ванюша.)

ВАНЮША. Василий Иванович, это я!..

ЧАПАЕВ *(подхватывает Ванюшу)*. Жив!.. А мы уже думали... ты с сестренками остался.

ВАНЮША. Не видел я их... *(Дает листок.)* Я сначала к вашим попал...

ЧАПАЕВ. От Пелагеи Ефимовны? *(Разворачивает.)* Как они?

ВАНЮША. Плохо! Прячутся. Надо скорее выручать!

ЧАПАЕВ *(читает)*. Что это? Приговор к смерти?

ВАНЮША. У главного кулака стащил...

ЧАПАЕВ. Ого! Сколько фамилий! И Сашка мой... и Пелагея...

ВАНЮША. Кулаки решили власть захватить, если белочехи отойдут. У них ружья есть и пулемет «максим». Они хотят всех повесить!

ЧАПАЕВ. Ну, этим нас не запугаешь! *(Плясункову.)* Поднимай эскадрон по тревоге!

ПЛЯСУНКОВ. Разреши мне, Василий Иванович!

ЧАПАЕВ. Я сам. *(Посмотрел на часы.)* К утру там будем.

(Плясунков уходит. Чапаев пишет в блокноте.)

ВАНЮША. И я с вами!

ЧАПАЕВ *(оторвал листок. Тимоше)*. В конверт — и лично начальнику штаба.

Сцена седьмая

ИЗ МОЛОДЫХ, ДА РАННИЙ

Идут Ванюша и Тимоша.

ВАНЮША. Смотри — речка. Давай по разику обмакнемся...

ТИМОША. Там же лягушки.

ВАНЮША. Они разбегутся!

ТИМОША. Не могу, у меня пакет. *(Садится на землю.)* Давай побыстрее!

ВАНЮША *(раздеваясь)*. Как думаешь, успел Василий Иванович своих спасти и тех, кого кулаки к смерти приговорили?

ТИМОША. Должен успеть. На то он и Чапаев. Ты же говорил: они спрятались.

ВАНЮША. Кулаки не белочехи: они там знают каждую щель...

ТИМОША. Ты долго будешь языком молоть? Знал бы — не брал с собой. Лошадей напои и в тень заведи, пускай малость передохнут.

(Ванюша уходит. Положив одежду Ванюши под голову, Тимоша ложится на землю, блаженно вытянувшись, широко разбросав руки. С противоположной стороны появляется есаул. Он в крестьянской одежде, с небольшим мешком, из которого достает обрез.)

ЕСАУЛ *(подходит)*. Не шевелись, пристрелю!

ТИМОША *(сел)*. Ты откуда вылез?.. Почему с оружием?

ЕСАУЛ. Бросай наган!

ТИМОША *(потянулся к кобуре)*. Сначала ты свой обрез бросишь...

ЕСАУЛ. Стреляю! Ложись!

ТИМОША *(лег)*. Ну, тогда сам и бери... Бери!

ЕСАУЛ. Где Чапай? Куда он с отрядом ускакал?

ТИМОША. Ах, вот ты о чем?

ЕСАУЛ. Считаю до трех.

— К Колчаку кто пойдет служить? И пряником не заманишь! А к нам — всей душой.

ТИМОША. А зачем он тебе?

ЕСАУЛ. Хочу расцеловать благодетеля бедных... Раз!..

ТИМОША. Откуда я знаю, куда он ускакал! Я из другой дивизии...

ЕСАУЛ. Брешешь, ты при нем, я все высмотрел...

ТИМОША. Если все высмотрел, значит, сам должен знать, где Чапаев. А не знаешь, скажу: Чапаев везде!

ЕСАУЛ. Два!..

ТИМОША. Не дури, батя!.. Жить надоело? Стрельнешь, а кругом наши...

ЕСАУЛ. Раздевайсь!

ТИМОША. Это еще зачем?

ЕСАУЛ. Вытряхивай, что за пазухой!

ТИМОША. Стреляй так...

ЕСАУЛ. Сумку давай сюда!

ТИМОША. Возьми сам...

ЕСАУЛ. Три!..

ВАНЮША *(выскакивает с булыжником в руке)*. Разбегайтесь! *(Истошно кричит.)* Гранатой укокошу! *(Кричит в сторону, как будто там кто-то прячется.)* Не спешите, товарищи! Сам управлюсь!

ЕСАУЛ *(обомлел, пятится)*. Стреляю!..

ВАНЮША *(замахивается)*. Бросаю!..

(Есаул убегает, и сразу же раздается быстро удаляющийся топот копыт.)

ТИМОША *(вскочил, выхватил наган)*. Стой! *(Бежит, стреляет.)* Вот гад, он, оказывается, с лошадью был!..

ВАНЮША *(бросает камень вдогонку)*. Булыжника испугался!.. Давай за ним?!

ТИМОША. А вдруг там засада? Нам ввязываться нельзя, за это Василий Иванович не похвалит. Говорил, не нужно купаться! Здорово ты булыжник вместо гранаты. *(Услышав топот копыт, оглянулся.)* Смотри, двое сюда! На лошадях!

ВАНЮША. Не успеем! Давай в речку и на ту сторону!

ТИМОША. Постой!.. Это наши!.. Наш разъезд!.. *(Приближается топот копыт. Появляются на лошадях Лука и Степан).*

ВАНЮША *(забыв одеться, прыгает от радости)*. Ура! Ура!..

СТЕПАН. Кто стрелял?

ТИМОША. Наскочил какой-то лазутчик.

ЛУКА. Где он?

ТИМОША. В том лесу скрылся. В лаптях, с обрезом, лошадь серая. Надо поймать — он про Чапаева спрашивал...

СТЕПАН *(смеясь, на Ванюшу)*. Гляди, Лука, Адам пляшет, а Ева дома сидит!

ТИМОША. Не смейтесь, он и в таком виде настоящим героем себя показал. Из молодых, да ранний. Вот возвратимся в дивизию — Чапаеву доложу, какой храбрый у него чапаенок!

Сцена восьмая

ЗА ХРАБРОСТЬ!

Во дворе сидят на лавочке Василий Иванович и его дети. Они только что вышли из дома.

АРКАША. Давайте играть в войну! *(Вынимает из кармана деревянный наган.)*

ЧАПАЕВ *(дает Аркаше бинокль)*. Теперь ты настоящий красный командир. Хоть сейчас в бой! *(Надевает на Сашу папаху, подвесил саблю.)* Вылитый Чапай! Еще бы и усы, тогда вовсе не отличишь.

САША. Скажи, папа, у всех красных командиров такие шашки?

ЧАПАЕВ. Кто на коне, у того и шашка.

САША. А если коня нет?

ЧАПАЕВ. Гм... Шашка всякому может сгодиться, кто умеет держать ее крепко в руках.

САША. Ты крепко держишь?

ЧАПАЕВ. Шашку ронять — красноармейскую честь терять.

САША. Ага! А ты ее потерял четыре раза!

ЧАПАЕВ. Это как же?

САША. А вот так! Потеряешь и другую себе возьмешь. В прошлом году у тебя была нарядная — с кисточкой, с серебром на кончике. Потом тяжелая, как гиря. А в прошлый раз — золотая и длинная. Сам говорил, что у белого генерала отбил... Такую шашку потерял! Эх-х!

ЧАПАЕВ. Ту шашку я лихому коннику подарил. За храбрость. В надежных руках мой клинок.

АРКАША. Та была острая. А это тупая, наверное.

ЧАПАЕВ. Не скажи. Смотри... *(Обнажил клинок, хотел перерубить жердь).* Нет, не буду!

АРКАША. Палку жалко? Тогда ударь по полену.

ЧАПАЕВ. Для полена топор существует.

АЛЕША. А если по плетню ударить, перерубит?

ЧАПАЕВ. Перерубить-то перерубит, но делать этого не стану.

АРКАША. Ага-а, боишься? Шашка тупая, потому и боишься.

ЧАПАЕВ. И вовсе не поэтому. *(Любуясь шашкой.)* Потому не рублю, что шашка эта заколдована. *(Показывает ножны.)* Смотрите!.. Читать умеете? Саша!

САША *(читает)*. «Без дела не вынимай, без славы не вкладывай».

АРКАША *(Саше)*. Беги вон туда и наступай на меня!

САША. Там же крапива!

(Саша побежал за Аркашей. Сабля болтается, папаха закрывает глаза, и он падает. Поднявшись, отдает отцу саблю, достает деревянный наган и начинает «стрелять» в брата.)

— Фрунзе сказал: «Владимир Ильич просил вручить часы лично Чапаеву. Приедешь — передашь».

ЧАПАЕВ. Стойте! Стойте! Так не годится! Это белым генералам выгодно, чтобы Чапаевы Чапаевых били... *(Взял палку.)* Вон они, белогвардейцы! Вон сколько крапивы! Слушай мою команду! Сашка с эскадроном обходит врага с левого фланга. Аркаша с полком наступает с правой стороны. Мой отряд атакует в середине. В атаку марш-марш!

(С криками «Ура!», размахивая палками, домашняя армия Чапаева наступает на крапиву. Из-за кулис слышны звуки «боя». Высматривая и озираясь, в широкой юбке, кофте и платке, прижимая спрятанный на груди обрез, проходит есаул. Затем к Чапаеву подбегают сыновья.)

ЧАПАЕВ *(сыновьям)*. Поработали славно! Отнесите на место оружие, и купаться!

АРКАША. Вода еще холодная, я пробовал.

ЧАПАЕВ. А закаляться кто будет?

САША. Я буду.

ЧАПАЕВ. А щук пугать?

АРКАША *(радостно)*. Я! Я!..

(Саша и Аркаша уносят деревянные шашки и ружья. С другой стороны появляется есаул. Платок низко надвинут, рука придерживает под кофтой обрез.)

ЧАПАЕВ. Ты кого тут ищешь, бабушка? А за грудь почему все время держишься? Болит, что ли? *(Бросается к есаулу, хватает за шиворот, обрез падает на землю.)*

ЕСАУЛ. Пусти, дьявол! *(Боднул Чапаева головой, вырвался и убежал.)*

ЧАПАЕВ *(поднял обрез)*. Назад! Слышь?! Ну! Считаю до трех!..

(На крики выходят Пелагея, Клава, Саша и Аркаша. Есаул возвращается с поднятыми руками. Юбка свалилась, мешает идти.)

ЕСАУЛ. Не убивай!.. Христом богом прошу!..

ЧАПАЕВ. Кто послал?

ЕСАУЛ. Я... Мы... Не по своей воле...

ЧАПАЕВ. Мокрая курица ты!..

ЕСАУЛ *(кричит)*. Это он!

ЧАПАЕВ. Кто «он»?

ЕСАУЛ. Господин полковник Горшков! «Ступай,— говорит,— выследи Чапая и убей. А не убьешь, всю твою семью повешаю, а самого пристрелю!»

ЧАПАЕВ. И ты, значит, согласился?

ЕСАУЛ. Испугался... Детей жалко стало...

ЧАПАЕВ. А сколько детей?

ЕСАУЛ. Пятеро — Машка, Санька, Петька, Настасья и Ленка...

ЧАПАЕВ. Надо бы тебя, труса такого, отослать обратно. Пусть расстреливают! Только вот твоего господина полковника уже нет в живых...

ЕСАУЛ *(рухнул на колени)*. Слава богу!.. Кровопийца он! Зверь!

ЧАПАЕВ. И детей твоих жалко... Они не виноваты...

(Появляются Тимоша и Ванюша.)

ПЕЛАГЕЯ. Ванюша! *(Обнимает Ванюшу.)*

ТИМОША. Смотри, Иван, этот здесь! И ряженый какой-то!..

ЧАПАЕВ. Откуда знаешь?

ТИМОША. Мы у речки передохнуть остановились, он подкрался и напал. Если бы не Ванюшка, крышка мне... Ванюшка выскочил из реки и булыжником вместо гранаты испугал этого... Он о вас расспрашивал...

ЧАПАЕВ *(отдает Тимоше обрез)*. Проведи по улицам и сдай нашим разведчикам. *(Есаулу.)* А ну, натягивай юбку! Пусть подивится народ на чучело!

(Тимоша уводит есаула. Саше.)

Принеси мою саблю! *(Саша уходит.)*

ПЕЛАГЕЯ. Скорей бы война кончалась, такое запустение кругом...

(Саша несет саблю и отдает отцу.)

ЧАПАЕВ *(Ванюше)*. Ну, герой, получай боевую саблю!

ВАНЮША. Мне?..

ЧАПАЕВ. Дарю за храбрость! *(Вручает саблю.)* Без дела не вынимай, без славы не вкладывай!

Сцена девятая

ЧАПАЕВСКИЕ УРОКИ

Чапаев рассматривает карту, делает пометки. Пелагея хлопочет по хозяйству, готовит обед.

ЧАПАЕВ *(напевает)*. Ты не вейся, черный ворон...

(Весело вбегают с самодельными школьными сумками Саша, Клава и Аркаша.)

Что за гам, а грачей нет?

КЛАВА. Мы сегодня опять не учимся!

АРКАША. И нас по домам распустили!

САША. Мы сегодня все без дела — учительша заболела!

ПЕЛАГЕЯ. Какое это учение!.. То заболеет, то белых испугается — уедет.

АРКАША. Теле-лень, теле-лень, пусть хворает каждый день.

ЧАПАЕВ. Вот какой у вас праздник! А ну марш за стол! Раз учительницы нет, учить буду я! Может, вы и мне споете «теле-лень», чтоб хворал я каждый день?

КЛАВА. Тебе нельзя хворать.

САША. Ты дивизией командуешь, белых рубишь.

ЧАПАЕВ. Значит, мне болеть не разрешается. А знаете ли вы, что учитель в классе — то же, что командир в армии?

САША. Скажешь!.. Командир на фронте, а учительница... Если бы не она, мы тоже на фронт ушли.

ЧАПАЕВ. Выходит, вас учительница не пускает? Ладно! Пожалуй, я вам в этом деле помогу. Кто желает записаться в дивизию?

(Все поднимают руки.)

Хорошо! Красной Армии во как нужно грамотное пополнение. А то у нас многие едва буквы разбирают. Отважные бойцы, а образования никакого. Вот только... Гм... Ростом вы не того... И возраст.

САША. А Ванюша Раданов?

ЧАПАЕВ. Он постарше и... особую клятву дал.

АРКАША. И мы дадим!

ЧАПАЕВ. Ничего, малый рост не беда. Не в нем сила. Сила ваша — в грамоте. С такой силой и мал — удал! Так что унывать нечего! А ну-ка, смотрите на карту. Вот кружочек — здесь мы. А тут, в сторонке, деревня Брыковка. Генерал Мартынов облюбовал ее, и белые обороняются изо всех сил. Но долго брыкаться мы им не позволим. Выгоним из Брыковки в два счета! *(Кладет линейку на*

— Отныне зачисляю всех вас в резерв Красной Армии. А придет срок — милости прошу ко мне в дивизию.

карту.) А ну, кто скажет, сколько верст нам топать до деревни? Кто самый прыткий? А?

АРКАША. Тут и вершка нет! Значит, мало топать...

ЧАПАЕВ *(смеясь).* Эх ты, грамотей! На карте вершок, а на земле — три десятка верст. Сколько сантиметров в вершке?

АРКАША. Мы сантиметров еще не проходили.

ЧАПАЕВ. Ну вот... А суешь нос в карту. Она для неуча лес темный. Хорошо, оставим карту. *(Достал из сумки бумагу.)* Вот приказ по дивизии. Видишь, какие аккуратные буквы? Как в книжке. Приказ в штабе на машинке отстукали тебе, красному командиру, и твоим бойцам. Они знать должны, как им действовать в бою. Читай! В приказе все подробно расписано. Быстро читай! Противник не ждет!

АРКАША *(засопел, зашевелил губами).* Пр-ка... зы... з... Приз... по... по... ди... ди...

ЧАПАЕВ *(забрал бумагу).* Куда же ты, командир, своих бойцов поведешь, если приказ прочитать не умеешь? В карте запутался, о буквы спотыкаешься. *(Клаве.)* Давай-ка твою тетрадку. *(Клава дает тетрадку.)* Ну-ка, прочти, что ты здесь нацарапала?

КЛАВА *(читает).* Ко-ро-ва.

ЧАПАЕВ. Какая же это «корова», когда здесь черным по белому написано «курува». А дальше что?

КЛАВА. Ко-за...

ЧАПАЕВ. Нет, ты читай, как написала!

КЛАВА. Куза.

ЧАПАЕВ. Сама ты «куза»! За что тебя буква «о» не любит? Каждый раз в букву «у» превращается. Кто в дивизии поймет твою писанину?

КЛАВА. Все поймут!

ЧАПАЕВ. Да? Ну, хорошо. Бери ручку и напиши слово «стол».

(Клава пишет.)

Та-ак!.. Мне нужен был «стол», а ты мне «стул». Видишь, что натворила твоя буква? Пиши: «Осы летают на поле».

(Клава пишет.)

САША *(читает).* Усы летают на пуле! *(Смеется.)*

КЛАВА. Ты, Сашка, не умеешь читать.

ЧАПАЕВ. Это ты писать не умеешь. А все потому, что букву «о» не признаешь.

КЛАВА. Она круглая, вот и укатывается.

ЧАПАЕВ. Это точно! *(Улыбаясь.)* Круглая, как колесо. Вот и выведи колесо, а не усы! Боевой приказ тебе, Саша, пока я на фронте, приучи сестренку писать «корова», а то стыдно будет учительнице в глаза смотреть.

АРКАША. Значит, в дивизию мне и Клавке нельзя?

ЧАПАЕВ. Почему нельзя? Можно! Только придется подучиться.

АРКАША. А долго?

ЧАПАЕВ. Учительница старается, чтобы побыстрее, да ты сам не хочешь.

АРКАША. Как не хочу?

ЧАПАЕВ. А кто плясал от радости «теле-лень»?

АРКАША. Больше не буду.

ЧАПАЕВ. Рад слышать. Значит, признаешь учительницу своим главным командиром?

АРКАША. Признаю.

ЧАПАЕВ. Тогда договор у нас будет такой: отныне зачисляю всех вас в резерв Красной Армии. А придет срок — милости прошу ко мне в дивизию!

ПЕЛАГЕЯ *(несет небольшой кусок хлеба)*. Обедать. Освобождайте стол. *(Дает хлеб мужу.)* Вот, все. Когда уж это разорение кончится!

(Клава и Саша убирают со стола. Пелагея несет миску, ложки. Чапаев режет хлеб на кусочки и кладет каждому.)

ЧАПАЕВ. Не хлеб, а камень!..

САША *(не дожидаясь щей, пытается откусить хлеб)*. Мы понемногу. Вот и засох... *(Взял нож, долбит свой кусок, крошки летят по сторонам.)*

ЧАПАЕВ. Крошишь, Саша! Хлебом не шутят!

САША. Я не виноват, что горбушка совсем не жуется.

(Пелагея разливает щи.)

ЧАПАЕВ. Размочи в щах. Крошка тоже хлеб. Белые воюют против нас не только ружьями и пушками, но и хлебом.

АРКАША. Буханками пуляются? *(Засмеялся.)*

ЧАПАЕВ. Они не такие глупые, как другие озорники! Белые себе загребают весь хлеб подчистую, прячут зерно, закапывают в землю. На прошлой неделе наши красноармейцы раскопали на огороде кулака целых десять мешков с мукой!

КЛАВА. И что они сделали из муки?

АРКАША. Напекли пирогов?

ЧАПАЕВ. Нет! Красноармейцы решили эту муку и хлебный паек, который отпустят им сегодня на обед, отдать голодающим детям.

АРКАША. Я тоже буду есть щи без хлеба. *(Отодвигает от себя свой кусочек хлеба.)*

КЛАВА *(отдает отцу свой ломоть)*. Обойдусь без хлеба.

САША. И я обойдусь!

ЧАПАЕВ *(сложил куски в кучку)*. Это вы хорошо... Кому прикажете отдать?

САША. Голодным детям.

АРКАША. Тем, у которых папы на фронте.

ЧАПАЕВ. Правильно. Мы так и поступим. *(Кладет перед каждым его кусочек.)* Что же вы? Смелее! Али вы не голодные?

ДЕТИ *(хором)*. Голодные!

ЧАПАЕВ. Али папа ваш не фронтовик?

ДЕТИ *(хором)*. Фронтовик!

ЧАПАЕВ. А раз так, то красноармейский паек принадлежит вам по законному праву!

(Входят Тимоша и Ванюша.)

ТИМОША. Василий Иванович!

ЧАПАЕВ. Садитесь с нами, Ванюша!

ПЕЛАГЕЯ. Ванюша, иди к столу...

ТИМОША. На одну минутку, Василий Иванович.

(Чапаев подходит, Тимоша что-то тихо ему говорит.)

ЧАПАЕВ *(воскликнул)*. Когда?! Где он?!

ТИМОША. Только что привезли...

ВАНЮША *(не выдержал, с плачем кидается к Чапаеву)*. Папаню!.. Папани нет!.. Убили отца!

ЧАПАЕВ. Не плачь, не плачь, герой. Мы за отца твоего так отомстим!.. Мы так белякам дадим!..

ПЕЛАГЕЯ. Вася, сестренки-то его совсем осиротели!

ЧАПАЕВ *(Тимоше)*. Сейчас же отправь отряд в Березовку, пусть заберут девчонок.

ТИМОША. Куда их?..

ПЕЛАГЕЯ. К нам, куда же!.. Господи, вот беда-то!..

(Тимоша уходит. Чапаев и Пелагея укладывают детей спать.)

САША. А сестренки у Вани маленькие или большие?

ПЕЛАГЕЯ. Такие, как вы... Приедут, увидите. Спи, сынок.

КЛАВА. А сказка где? Мы без сказки не уснем!

ЧАПАЕВ. Аркаша уснул без сказки, а вы не можете?

ПЕЛАГЕЯ. Некогда отцу, отряд у двери дожидается.

КЛАВА. Расскажи самую малюсенькую.

ЧАПАЕВ. Хорошо. Но прежде договоримся: как кончу — сразу спать. Ну, слушай... Жил-был царь Тафута, и сказка вся тута.

КЛАВА. А дальше?

ЧАПАЕВ. Ты же просила малюсенькую.

КЛАВА. Малюсенькую, да не такую...

ЧАПАЕВ. Ну ладно, расскажу другую. Жил-был царь Овес, он все сказки унес.

КЛАВА. В чем он их унес-то, этот Овес?

ЧАПАЕВ. В мешке, а в чем же...

КЛАВА. Так не бывает. Сказок много. Их в мешке не унесешь.

ЧАПАЕВ. Твоя правда, Клавдюша. Осталась одна. Последняя. Жил-был царь, у царя был псарь, да не было пса. Вот и сказка вся! А теперь ни гугу, спать! *(Целует Клаву, Сашу и Аркашу. Прощается с женой.)*

ПЕЛАГЕЯ. Ты под пули-то не лезь, дети у нас...

ЧАПАЕВ *(обнял жену)*. Береги их...

ТИМОША *(появляется, показывает на часы)*. Пора, Василий Иванович. *(Уходит.)*

ЧАПАЕВ. Вот, подарил ему часы, так он ими же теперь меня подгоняет.

ПЕЛАГЕЯ. Весточки присылай почаще, боимся мы за тебя, Вася...

ЧАПАЕВ. За меня можете не волноваться. Ничего со мной не случится. Я заколдован!.. Проснутся детишки утром, меня спрашивать будут. Скажешь: отец, мол, за сказкой для них пошел — за самой лучшей и самой длинной. И непременно со счастливым концом!

(Пелагея провожает Чапаева. Слышен удаляющийся топот копыт. Громыхает канонада.)

КОНЕЦ

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
Тимуровская операция «САД МИРА» продолжается. Сегодня даем слово москвичам.

Я хочу рассказать, как воевал мой дедушка.

В годы Великой Отечественной войны дедушке было всего семнадцать лет. С первых дней войны его взяли на фронт. Там его назначили командиром мотопехотной части. Дедушка был неоднократно ранен. Совершил немало подвигов. Дедушка воевал на 1-м Украинском фронте. Он погиб на Курской дуге от многочисленных ран. Как это страшно — умирать таким молодым!

Девятого мая мы в семье чтим память дедушки.

Я хочу, чтобы никогда не было войны, а был мир. Я хочу, чтобы нашу планету окружил Сад мира. И чтобы люди дружили.

Владик ГРАЧЕВ.

Я призываю всех ребят, всех людей Земли: «Давайте сделаем так, чтобы никогда не повторились ужасы войны! Давайте посадим Сад мира!»

Я не видела войны, но моя мама помнит ее. Маме было пять лет, когда началась война. Она отняла у моей мамы лучшие годы детства.

На шкафу у нас дома стоит фотография в рамке. На ней — мой дедушка, отец папы. До войны дедушка был учителем, потом пошел на фронт. Недолго воевал мой дедушка, во время боев за Москву он тяжело заболел в окопах, его отправили в госпиталь.

Вскоре моя бабушка получила письмо, в котором ее из госпиталя просили прислать лука, чеснока и различных овощей. Бабушка с большим трудом собрала посылку, но получила письмо, что дедушка умер в госпитале от цинги.

Война убила дедушку не пулей, а голодом. И своему деду я тоже обязана тем, что сейчас живу, и живу свободно, счастливо.

Мой отец часто достает письма дедушки и долго читает их. Папа уже пережил деда на двенадцать лет.

Я комсомолка. Но я всей душой, всем сердцем поддерживаю тимуровскую операцию «Сад мира». Весной я обязательно посажу дерево в память о моем дедушке. Пусть в Саду мира живет и мое дерево. Ребята, сделайте и вы так же.

Аня БАРАБАНОВА.

Как это правильно придумали тимуровцы — посадить Сад мира! Я поддерживаю их предложение. Я — за мир.

Я не испытала ужасов войны, но у меня был дедушка, который сгорел в танке под Орлом, защищая нашу любимую Родину от фашистских захватчиков.

До войны мой дедушка был простым хлеборобом. Жил в деревне. И особенно не славился и не выделялся среди своих односельчан.

Когда началась война, его призвали на защиту Родины. Он ушел, а на руках моей бабушки остались две дочери и один сын. Вскоре наступил голод, и моя бабушка умерла. Дети остались одни, много горя они вынесли без отца и без матери. Волновались и за деда, от которого не было вестей. Только в конце войны получили известие, что в тяжелом бою сгорел в танке отважный боец и хороший товарищ. Мой дед.

Я не видела войны, но я знаю — нет ничего ужаснее войны. Я голосую за мир и призываю других бороться за мир тоже.

Ребята, посадим весной Сад мира! Пусть наши цветы, пусть наши деревья защитят Землю от ядерного взрыва!

Ира ВОРОБЬЕВА.

ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА:

ТИМУРОВЦЫ!

ПРОЙДИТЕ по своим школам, отрядам, классам! Прочитайте всем «Боевой листок», опубликованный в десятом номере «Пионера»!

ПРИСЫЛАЙТЕ во Всесоюзный штаб Тимура свои рассказы о погибших родственниках и обращения в защиту мира.

ПОДГОТАВЛИВАЙТЕ семена и луковицы цветов, саженцы деревьев, чтобы весной в городах, селах, деревнях посадить САД МИРА!

Ждем писем и сообщений о ходе операции.

ВОЙНЫ НЕ ДОПУСТИМ — ПОСАДИМ САДЫ!

ФРАНЦИЯ ПОМНИТ...

В вагон метро вошел старик. На груди у него висел крест — какая-то иностранная награда.

Двое иностранных туристов, сидевших рядом с нами, вскочили, почтительно сняли шляпы и заговорили со стариком по-французски...

Сцена эта настолько заинтересовала нас, что мы решили узнать, кто этот незнакомец и почему французы так обрадовались встрече с ним.

Поиски привели в скромную уютную квартиру на Ленинском проспекте в Москве. Хозяин ее — писатель Владимир Бронеславович Сосинский.

— В тот день отмечался национальный праздник Франции — День взятия Бастилии,— сказал Владимир Бронеславович.— А я награжден французским Крестом Сопротивления. Конечно, когда туристы увидели эту награду, они повскакивали с мест. Человек, награжденный таким крестом, считается национальным героем Франции...

Надо ли говорить, как мы заволновались. Советский человек — национальный герой Франции!

До позднего вечера рассказывал нам Владимир Бронеславович о своей жизни.

— После Октябрьской революции моя семья эмигрировала из России. Знаете, многие не понимали сути происходящих событий, были запуганы белыми офицерами и уезжали за границу... Я в то время был безусым юнцом. Туго нам пришлось на чужбине. Куда только не забрасывала судьба! Работал шахтером в Турции, садовником в Австрии, наборщиком в парижской типографии...

К началу второй мировой войны вместе с женой (тоже русской) и двумя сыновьями я обосновался на французском острове Олерон, что в Бискайском заливе... В 1940 году Олерон оккупировали фашисты. А через полтора года на острове появились первые советские военнопленные. С двумя из них, офицерами Педенко и Орловым, я познакомился и подружился. Они мечтали бороться с фашистами и хотели связаться с подпольем...

В то время я работал на местном заводе и хорошо знал многих рабочих. Уже давно мое внимание привлекал один паренек. Паренек помог нам познакомиться с подпольщиками Олерона. Когда в подполье влились советские военнопленные, антифашистская борьба значительно активизировалась. Мы портили артиллерийские замки на орудиях, уничтожали фашистов, прятали оружие... Руководителем подполья выбрали меня. Дело в том, что фашисты могли меня меньше других заподозрить...

Однажды, уже после открытия второго фронта,— вспоминает Сосинский,— жители Олерона были оглушены взрывом необычайной силы. На месте немецкого порохового склада зияла гигантская воронка! Это была крупнейшая акция нашего подполья...

Много воды утекло с тех пор. Но и сейчас Владимир Бронеславович не может без слез вспоминать далекие события. За героизм в борьбе с фашистами французское правительство наградило его Крестом Сопротивления, одной из самых почетных наград Франции. В память о подпольщиках Олерона на острове воздвигнут памятник. На памятнике высечены слова: «Франция помнит...»

Сбылась давняя мечта Владимира Бронеславовича вернуться на Родину. Сейчас он пишет книгу о своих товарищах по оружию, которые били врага на далеком французском острове.

А. АРХАРОВА, Л. МАКАРОВА.

Рисунок Д. АРТАМОНОВА.

Дорогие кидовцы!

В вашем городе или селе живут люди, получившие награды иностранных государств. Напишите нам, за что они были награждены. Лучшие письма мы напечатаем. На конверте пометьте: «Награды иностранных государств».

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

В 4-м номере «Пионера» на страницах раздела «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ» мы начали разговор пионерских отрядов о том, что значит для юного пионера быть гражданином Страны Советов? Мы получили от ребят письма. Сегодня мы публикуем письмо **Сергея ГУБИНА** из г. Москвы. Сереже 9 лет, он учится в 609-й школе.

«Я считаю, что быть гражданином Страны Советов — значит горячо любить свою Родину, жить и учиться по заветам Ленина. Помогать взрослым, участвовать в пионерских, общественных делах. Во всем помогать своей стране. Собирать металлолом, чтобы рабочие могли сделать из него новые автобусы и машины. Охранять родную природу и еще многое делать на благо своей Родины.

Наш пионерский ответ на призыв: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» — «Всегда готов!». И это значит, что мы всегда должны быть готовы защищать свое Отечество, не допускать войны и бороться за мир, вносить свой, пусть маленький, вклад в общее дело в мирные дни. Мы должны помнить заветы Ленина и по ним строить свою жизнь. Мне хотелось бы посадить хоть одно дерево, помогать во всем октябрятам, помогать маме убирать квартиру, внести свой вклад в дело защиты мира и избегать необдуманных поступков. А если уж я совершу какой-нибудь не очень хороший поступок, то обязательно признаюсь в нем и сделаю для себя выводы. Мне очень хочется быть честным, смелым, трудолюбивым».

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Дорогой «Пионер»! Долго идет к нам, на север Камчатки, почта. Ждем мы всегда «Пионерку» и «Пионер» с нетерпением.

Кто мы? 35 пионеров правофлангового отряда имени Ю. А. Гагарина. Учимся мы теперь в шестом классе, а правофланговыми стали еще в четвертом. Много было у нас интересных дел, а когда взяли пионерское слово, то дел удвоилось. Не зря говорят: «Взял слово — сдержи его». И мы стараемся держать слово!

Нас очень взволновало письмо Светланы Ефимовны Журковской. Пионерскую биографию наших родителей мы начали писать еще в четвертом классе. С чего начинали? Обратились к родителям с просьбой вспомнить свое пионерское детство. И заработал наш пресс-центр, и каждый стал его корреспондентом. Собирали фотографии, клеили листы картона и бумаги для планшетов, писали сочинение «Пионерское детство моих родителей» — и вот летопись готова. Летопись, написанная на красиво оформленных листах, заняла целую стену в классе. В день рождения пионерской организации — 19 мая — встретились все, кто носил и носит красный галстук. Все очень волновались. Выступали пионеры разных лет, и слезы были на глазах у тех, кто выступал, и у тех, кто слушал. Эту встречу мы не забудем никогда! На сборе мы решили написать еще одну летопись «Судьба семьи в судьбе страны». Мы все время следили за этой рубрикой в «Пионере» и участвовали во Всесоюзном сборе-поиске. Написали интересные сочинения «Пятилетка моих родителей». А сейчас изучаем трудовую и боевую биографию наших бабушек и дедушек.

Очень помогает нам знание жизни наших любимых людей в пионерской работе. Да и сами взрослые нам помогают. Все пионерские сборы мы теперь готовим вместе. Мама Миши Осипцева ведет у нас танцевальный кружок. Любим мы и кружок «Умелые руки», который тоже ведут наши родители. Девочки учатся там вязать крючком и спицами, а мальчики работают с деревом. Теперь все подарки друзьям и родителям делаем сами.

Экипаж судна «Космонавт Ю. Гагарин», с которым мы дружим и переписываемся, помог нам создать стенд «Гагарин и гагаринцы». На книжной полке под стендом мы разместили библиотеку книг о Юрии Алексеевиче. Ее мы тоже собрали вместе с родителями.

Мы хотим сказать Светлане Ефимовне Журковской и всем родителям: «Не стесняйтесь, пожалуйста, идите в пионерские отряды своих детей. Вы нам очень нужны, и мы будем вам благодарны за это».

С пионерским приветом пионеры отряда имени Ю. А. Гагарина».

Камчатская обл.,
с. Усть-Хайрюзово,
п/о имени Ю. А. Гагарина,
школа.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Здравствуй, «Пионер»! Мы, **ученики шестого класса Картушинской средней школы, Брянской области,** сообщаем тебе, что у нас в классе больше нет двоек! И скоро совсем не будет троек. Наш пионерский отряд носит имя Ю. А. Гагарина, и мы все стараемся быть похожими на этого человека. Нас всего двенадцать человек, но мы стараемся сделать побольше добрых дел. Мы шефствуем над октябрятами, помогаем ветеранам войны и труда, проводим интересные сборы и конкурсы, вечера и смотры. Отряд у нас дружный и дисциплинированный, а в классе всегда чисто и много цветов. Мы хотели бы дружить и переписываться с ребятами из разных городов и сел и будем рады, если кто-то нам напишет.

Мы учимся в новой прекрасной школе. Эту школу подарили нам строители к 1 сентября 1982 года. Отряд у нас тоже новый. Но теперь очень дружный. Девочки и мальчики всегда вместе, никто не обижает друг друга. Много интересных у нас дел. Но есть среди них одно, которым, нам кажется, мы можем по праву гордиться. Это работа вожатых октябрятских звездочек. Когда вожатые из нашего отряда приходят во 2-й, теперь уже в 3-й «В», их сразу окружает толпа октябрят. Октябрята знают: вожатые обязательно подготовят что-то интересное. Недавно пришла к нам радостная весть: наши младшие друзья заняли на смотре октябрятских «войск» второе место. И утренник получился веселым и радостным! Нам хотелось бы знать, как работают другие вожатые октябрят. Расскажите, ребята!

Отряд 6 «В» класса средней школы № 9, г. Ессентуки.

НА МАРШЕ

Вопрос к ЦС ВПО имени В. И. Ленина

Здравствуй, «Пионер»! Очень понравился нам разговор о том, кого можно считать пионером-активистом, который начала Вика Кожанова из г. Одессы. Мы тоже считаем, что активист — это тот, кто не ждет, когда ему дадут очередное пионерское поручение, а сам предлагает, организует и старается выполнить. **Но что делать, если тебя не слушают и не выполняют твоих поручений? Как заставить ребят болеть за свой отряд?**

Председатели советов отрядов: 6 «А» — Лена Харламова, 5 «А» — Оля Гукова, 4 «Г» — Вика Бекетова, 5 «Г» — Вадим Рябцев, 4 «Б» — Оля Кучеренко.

Московская обл., г. Солнцево, средняя школа № 5.

На вопросы председателей отвечает заведующая сектором ЦС ВПО имени В. И. Ленина **Галина Петровна ЧУБАРОВА.**

Единого рецепта, как сделать всех пионеров активными, нет. Почему некоторые пионеры равнодушны к жизни своего отряда? Чаще всего потому, что они не осознают по-настоящему высокого назначения пионерской организации, не знают ее истории, славных традиций, не понимают своего места в многомиллионной пионерской гвардии.

Прямо скажем: и среди пионерских активистов есть еще ребята, которые не могут внятно и толково объяснить своим товарищам, что пионерский отряд — это не клуб, куда сегодня можно прийти, а завтра, если не интересно, можно и не прийти. Пионерская организация — это добровольный союз единомышленников. И объединены они Торжественным обещанием и Законами пионеров, которые звали и зовут юных ленинцев к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза.

Понимаете! К борьбе!!! К сожалению, не всегда еще пионеры знают, за что и как боролись их юные предшественники в годы становления Советской власти, во время Великой Отечественной войны на фронте и в тылу. Как помогали старшим восстанавливать разрушенное войной хозяйство, мужественно переносили все трудности жизни, как настойчиво учились, занимались в оборонных кружках, закалялись физически, готовили себя к жизни и труду. Словом, во всем следовали заветам Владимира Ильича Ленина. Именно за это пионерская организация награждена двумя орденами Ленина, Красным знаменем ЦК ВЛКСМ. Долг каждого пионерского звена, отряда добиваться, чтобы все пионеры не только хорошо знали прошлое своей организации, но и вносили свой вклад в дела страны и народа. «Как?» — спросите вы. Тут вам поможет Марш юных ленинцев (его программа опубликована 2 сентября 1983 года в газете «Пионерская правда»).

Иногда пионеры равнодушны к пионерским делам и потому, что не представляют результата своей работы. И в этом нередко повинны советы отрядов. Планируя дела, распределяя поручения, советы не учитывают интересов и возможностей ребят.

И еще одно соображение. Очень важно, чтобы задания пионерам давал и проверял их выполнение (обязательно!) коллектив: звено, отряд. В таком случае мера ответственности за поручение всегда выше. И правильно было бы, если бы каждый понимал меру своей ответственности.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Поэта Якова Акима все любят. Друзья — за хороший характер и чувство юмора. Редакторы — за вежливость и аккуратность. Ученики — за требовательность и мягкость. А все мы вместе — читатели его книг — любим Якова Акима за его стихи. Сегодня редакция журнала «Пионер», все его многочисленные читатели поздравляют Якова Лазаревича с днем рождения. А его ученики вспоминают любимые стихотворения, написанные замечательным поэтом Яковом Акимом.

Мечта о счастье

...Я писал для детей
И о летнем дожде, и о каплях,
И о том, как мальчишки
Приплясывают у водостоков.
Я пускал по ручьям
Зарифмованный детский кораблик,
Он бежал по теченью
И не возвращался к истокам...

Это строки из «взрослых» стихов детского поэта Якова Акима. А вот еще другие:

Далекий голос в сонной тишине,
Мечта ребенка и печаль подростка
Ночами возвращаются ко мне
Трехкратным эхом, чистым отголоском...

Что такое детский поэт? Вероятно, это и есть человек, в котором «мечта ребенка и печаль подростка» живут дольше и упорней, чем в других людях. Эта детская «нержавеющая» мечта о братстве и доброте, выдержавшая проверку временем и всеми трудностями взрослой жизни,— она и создает детского поэта, определяет его призвание. И переходит из стихотворения в стихотворение, передается из рук в руки, как эстафета добра и дружбы.

Когда еще никто
Не знал ни слова —
Ни «здравствуйте»,
Ни «солнце»,
Ни «корова»,—
Соседям
Древний человек привык
Показывать кулак
Или язык
И корчить рожи
(Что одно и то же).

Но словом стал
Гортанный резкий звук,
Осмысленней лицо,
Умнее руки,
И человек
Придумал
Слово ДРУГ,
Стал друга ждать
И тосковать в разлуке.

Ему спасибо
За друзей моих.
Как жил бы я,
Что делал бы без них?..

Вы, наверное, читали сказку Якова Акима «Девочка и лев». Помните, у циркового льва разболелась голова? Представление отменили, и все дети преспокойно разбежались, а одна девочка не ушла,

она льва пожалела и приложила ему ко лбу пятак. И шептала ему, как маленькому:

Лев, лев, левушка,
Желтая головушка,
Успокойся,
Меня не бойся,
Не пойдем к врачу,
Я сама полечу...

И лев поправился!

Может быть, когда повзрослеете, вы прочтете стихотворение Я. Акима «Слепой в метро».

...Ему в вагон пробраться помогли.
Он сел. И вдруг у девочки-соседки
В руках почуял запахи земли —
Березок зеленеющие ветки.

И с девочкой старик заговорил,
И, с нею вместе выйдя из вагона,
Не трогая захватанных перил,
Поехал вверх, за веточкой зеленой.
Несла его наклонная река...
И мне казалось, что свершится чудо
И девочка слепого старика
На землю зрячим выведет отсюда.

И вы тогда не удивитесь, потому что эта девочка — доброта — ваша старая знакомая, которая вылечила льва.

Нет, наверное, недаром и у взрослых самые чистые, самые заветные мечты о счастье всех людей связаны с образом детства. Как говорится в том стихотворении Якова Акима «Дождь на площади», с которого мы начали:

...Летний дождик,
Смывай с человечества
черные мысли,
Миром править должны
Умудренные опытом дети!

Марина БОРОДИЦКАЯ.

С днём рождения!

Прошлой весной на Неделе детской книжки я пришла выступать в один московский детский дом. В зале собрались ребята-младшеклассники. Расселись, повытаскивали из карманов сухари — и давай грызть.

— Спрятать сухари! — требуют воспитатели. — Некрасиво! Неуважение — так хрустеть!

А я думаю: «Если б только хрустеть! Они болтают, туда-сюда расхаживают да еще стульями гремят!»

И вот — стою на сцене, а что делать — неизвестно. Ну, я и говорю:

— Стихи Якова Акима. «Пишу тебе письмо».

И негромко начала:

...А листок в конверте чист,
Нет на нем ни букв, ни строчек.
Пахнет осенью листочек —
С дерева опавший лист.

Только адрес твой да имя
На конверте напишу,
Синий ящик отыщу,
Свой листочек опущу.

И вдруг — тишина. Только сухарики: «Хрум-хрум». А я дальше:

Ты письмо мое получишь
И обрадуешься вдруг:
Жить на свете много лучше,
Если друга вспомнил друг.

Сразу мне ответ пиши!
А кончаются чернила —
Просто перышко вложи,
Что синица обронила.

До самого конца стихи дослушали. А заодно и все мое выступление.

Теперь я вот что вспомнила. Когда я была маленькой, у нас в детском саду устроили новогоднюю елку. А за несколько дней до утренника раздали карнавальные костюмы. Мне досталась ослиная маска и серый тряпочный хвост.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Иду домой — реву. Мне-то хотелось быть не ослом, а снежинкой. Но мама сказала: «Зря ты, Марин! У нас есть отличное стихотворение про ослика. Выучишь — будешь «гвоздем» программы».

Дома она взяла с полки книжку и прочитала. Это было стихотворение Акима. Оно так и называлось — «Про ослика».

На празднике я его рассказывала.

«Ослик! Ослик! Настоящий ослик!» — кричала я из-под елки. В одном месте забыла, но ребята из старшей группы подсказали. Дальше мы уже кричали вместе: «Ослик! Ослик! Вот упрямый ослик!!!»

И было так здорово, что все «снежинки» чуть не лопнули от зависти!

В стихах Якова Акима живет праздник. А в праздник человек должен чувствовать себя счастливым.

Это когда ты шагаешь по улице — и у тебя за пуговицу привязаны воздушные шары.

И когда несешься верхом на палке и вопишь во все горло: «Яблоки-веники — весело мне! Весело мне, я скачу на коне!»

И когда утром на твою кровать садится чиж:

Чив-чив,
Чего, чего ты спишь?
Чив-чив, пора вставать...

И когда в парадном строю важный музыкант из духового оркестра даст тебе ударить настоящей колотушкой в огромный барабан.

И еще — когда ты учишься быть литератором у Якова Акима.

— Рассказывать ребятам можно обо всем, даже о самом грустном,— говорит он своим ученикам — молодым писателям.— Лишь бы это не было скучно и уныло. Это должно быть — как письмо к человеку, которого вы любите и чье мнение дорого для вас. Надо «поймать» тот голос, которым вы разговариваете с собой, писать о том, что близко и пережито. Тогда веришь, что человек не врет.

О близком и пережитом пишет Аким. О дружбе, войне, о природе, о маме, о «деревянном тихом городке» Галиче, в котором он жил в детстве.

Однажды поэтесса Инна Гамазкова в шутку придумала стихи-плакат:

Ты почему не стал таким,
Как Яков Лазаревич Аким?!

И точно! Все, кто знаком с Акимом, стараются хоть чуточку, хоть в чем-то быть на него похожим.

Но это не так-то просто! Каждый день Яков Аким изучает английский язык и тренируется с гантелями.

Недаром наша с вами любимая актриса Рина Зеленая сказала про него:

«Это удивительный человек и прекрасный поэт».

Марина МОСКВИНА.

Глава 2, морская, полная приключений и штормов

Говорят, в Новый год исполняются все желания.

Не мечтал ли ты путешествовать по морям-океанам? Что же ты медлишь? Вот перед тобой морская чудесная викторина. Морская потому, что герои ее — мореплаватели и путешественники. Чудесная потому, что все они из твоих любимых приключенческих книг.

Юный мореход! Попутного ветра тебе! И ждем писем с ответами.

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтоб я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам...

О море, море! Что было бы с человечеством, если бы не существовало морей. Корабль — это настоящая колыбель цивилизации! Подумайте, друзья мои, если бы земной шар был огромным континентом, то мы даже в девятнадцатом веке не знали бы и тысячной части его.

Я жадно рассматривал старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой. Они слонялись по берегу. Если бы вместо них мне показали королей и архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше.

Я тоже отправляюсь в море! Я отправляюсь в море на шхуне, с боцманом, играющим на дудке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправляюсь в море, я поплыву к неведомому острову искать зарытые в землю сокровища!

Я сел на военный корабль и отправился в Америку, где нет ни крокодилов, ни львов.

Мы плыли десять дней без приключений, но вдруг невдалеке от Америки с нами случилась беда, мы налетели на подводную скалу.

Удар был такой сильный, что сидевшего на мачте матроса отбросило в море на три мили.

К счастью, падая в воду, он успел ухватиться за клюв пролетавшей мимо красной цапли, и цапля помогла ему продержаться на поверхности моря, пока мы не подобрали его.

Мы налетели на скалу так неожиданно, что я не мог устоять на ногах: меня подбросило вверх, и я ударился головой о потолок своей каюты.

От этого голова моя провалилась в желудок, и лишь в течение нескольких месяцев мне удалось понемногу вытащить ее оттуда за волосы.

Скала, на которую мы налетели, оказалась вовсе не скалой.

Это был кит колоссальных размеров, который мирно дремал на воде...

Что касается меня самого, то я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ногу, но не мог нащупать дно; и вот в то время, когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, буря значительно утихла, и я почувствовал под ногами землю... По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я хотел встать, но не мог пошевельнуться: я лежал на спине и чувствовал, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле... Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человечка, ростом не более шести дюймов...

1. Как вдохновенно любит море этот путешественник, как мечтает о дальних плаваниях. Но прочитай внимательно — один ли это человек? Может быть, их несколько? Герои каких книг рассказали нам эту историю?

2. Перед тобой портреты знаменитых путешественников. Назови их имена.

3. «Туман еще не рассеялся; в нем гасли очертания огромного корабля, медленно повертывающегося к устью реки. Его свернутые паруса ожили, свисая фестонами, расправляясь и покрывая мачты бессильными щитами огромных складок, слышались голоса и шаги. Береговой ветер, пробуя дуть, лениво теребил паруса; наконец, тепло солнца произвело нужный эффект; воздушный напор усилился, рассеял туман и вылился по реям в легкие алые формы, полные роз. Розовые тени скользили по белизне мачт и снастей, все было белым, кроме раскинутых плавно двинутых парусов — цвета глубокой радости!»

О каком корабле идет речь? Нарисуй его.

4. Заполни белое пятно. Как называется эта страна? Кто ее придумал?

5. «Антилопа», «Наутилус», «Испаньола», «Пилигрим», «Дункан», «Беда», «Попрыгунья», «Секрет», «Св. Мария».

Кто капитаны этих кораблей? Назови тип каждого судна.

6. Как долго прожил Робинзон на необитаемом острове?

7. «Монморанси выскочил из лодки и трижды полным ходом обежал вокруг острова, время от времени останавливаясь и зарываясь носом в прохладную грязь».

Кто такой Монморанси? Сколько человек было, кроме него, в лодке?

8. Животные из каких книг собрались в нашем живом уголке?

9. «Кто изменит этому честному слову — не получит пощады, пока не сосчитает, сколько в море песку, сколько листьев в лесу, сколько с неба падает дождевых капель. Захочет идти вперед — посылай назад, захочет идти налево — посылай направо. Как я ударяю моей палкой о землю, так гром поразит того, кто нарушит это честное слово. Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Герои какой книги дают друг другу эту клятву? Остаются ли они ей верны?

10. «Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!».

«...Страшными тучами вкруг обложил беспредельное небо
Зевс, и взбуровил он море, и бурю воздвиг отовсюду,
Ветры противные скликав. И гибель моя наступила».

«Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;
Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился...
...А гребцов веселый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»

Назови произведения, из которых взяты эти строки, и их авторов.

11. Что ты знаешь о современных путешественниках, какие книги читал? Какие качества, на твой взгляд, необходимы путешественнику?

Авторы лучших ответов будут награждены книгами.

Рисунок Е. ДВОСКИНОЙ.

БЕДА
4
Как называется страна вне всех?
Кальдония
плен
Война
Бальвония
Пилигвиния
„Антилопа"
„Испаньола"
Пилигрим
„Беда"
„Св. Мария"
„Попрыгунья"
„Дункан"
„Наутилус"
5
ЖИВОЙ УГОЛОК

Леонид ЯХНИН

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

НИЧЕГО ИЛИ ПОЧТИ НИЧЕГО

ЗИМА В КВАРТИРЕ И НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА

Мы включаем телевизор и смотрим кино. Самым жарким днем в нашем холодильнике зима. Но совсем необязательно быть электриком, механиком, радиотехником, чтобы управлять телевизором или холодильником. Мы можем пользоваться многими вещами, совершенно не зная, как они устроены.

«Пользоваться» искусством, не понимая его, невозможно. Труд писателя пропадет даром, если читатели не поймут, не почувствуют того, что он хотел сказать. Прочитанная книга останется непрочитанной. Ученому, наоборот, достаточно, чтобы суть его изобретения поняли и оценили только специалисты.

Искусство архитектуры непосредственно связано с техникой. Это его особенность. Техника не стремится быть понятной всем и каждому. Но архитектор, используя достижения науки и техники, хочет создать произведение искусства — архитектурное сооружение,— понятное тем, для кого оно создается. Впрочем, это только одна трудность. Есть и другая.

СТАКАН И СИНХРОФАЗОТРОН

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.
Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Кто не помнит этих смешных строк из стихотворения Маршака! Но почему они смешные? Человек рассеянный употреблял привычные вещи не по назначению. Когда дело касается простых вещей, это всем ясно — мы знаем, как они выглядят. Но попробуйте догадаться, какой формы синхрофазотрон, если вы совершенно не знаете, как он устроен.

Форма старых, привычных вещей говорит нам о том, для чего они существуют. А непривычные формы? Вот она, вторая трудность,— человеку нелегко понять и принять новую форму.

САМОДВИЖУЩАЯСЯ ПОВОЗКА, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЯ

В конце прошлого века на улицах некоторых городов Европы появилась карета без лошадей. Она двигалась, нет, неслась с невиданной скоро-

стью — чуть ли не десять километров в час! Самодвижущаяся повозка! Так называли тогда такой обычный сегодня автомобиль.

Во Франции есть музей старых автомобилей. Здесь можно увидеть золоченую карету с витыми колонками и густой лепниной украшений. Шофер должен был сидеть впереди на открытой скамеечке, словно кучер на облучке. А рядом стоит повозка, запряженная лебедем. Только лебедь механический: внутри него запрятан двигатель.

Сегодня нам странно смотреть на эти забавные сооружения: как люди не могли понять, что автомобиль — новое средство передвижения и выглядеть он должен тоже по-новому.

Но не спешите смеяться над нашими предками. К современному дому мы относимся подчас так же: ищем сходства со старыми привычными формами, не замечая, что, *по существу, дом XX века совершенно отличается от такого же дома, построенного сто лет назад.*

КРЫША-СКАЛА И ДОМ БЕЗ КРЫШИ

С чего началась архитектура? С усложнения. Человек прятался от дождя и ветра под навесом скалы. Но ему мало было крыши над головой. Он хотел огородить свою «крышу» со всех сторон. Так возникли стены. В укрытие, огороженное стенами, надо войти. И человек сделал дверь. Ему необходимо было знать, что происходит за стенами его жилища. И он проделал в стенах окна.

Проходили тысячелетия. Человек все усложнял и усложнял свой дом. И вот наступило время, когда наше жилище так прочно отгородилось от природы, что нам ее просто стало не хватать.

И архитекторы снова стали «упрощать» конструкцию дома, стараясь привести в город — лес и луг, а в комнату — солнце, свет, небо. Дома отрываются от земли и становятся на опоры, чтобы освободить землю для травы и деревьев. Делаются огромные окна и сады на крышах. Но и этого кажется мало!

Появилась целая теория, суть которой можно передать четырьмя словами: НИЧЕГО ИЛИ ПОЧТИ НИЧЕГО. Но можно ли сегодня осуществить эту теорию?

ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ И «АРТЕК»

У меня к столу привинчена громоздкая машинка для заточки карандашей. Изготовлена она в Англии в конце прошлого века. А держу я ее вовсе не потому, что лучшей нет. Но меня забавляет сложное устройство этой старинной английской машинки. Она величиной почти с мясорубку и внутри нее множество шестеренок, полых цилиндриков, винтообразных ножиков, пружин. Все это приходит в движение, когда нужно заточить обычный карандаш.

Можно подумать, что в прошлом людям просто доставляло удовольствие создавать сложные механизмы. Но это не так. На самом деле тогда лишь зарождалась сегодняшняя могучая техника и приходилось делать сложно то, что теперь научились делать намного проще. Коснулось это и архитектуры. Современная строительная техника позволила упростить конструкцию дома.

У подножия скалистого Аю-Дага, в «Артеке» построен пионерский лагерь «Прибрежный»: семьдесят зданий, не похожих одно на другое. Кто бы мог догадаться, что все эти террасы с раздвижными стеклянными стенками, навесы-солярии на крышах, вырезные силуэты лестниц собраны всего-навсего из шести элементов?

Из двух типовых элементов — железобетонной стойки, похожей на букву «Г»,— и уложенной на нее плиты перекрытия собирались двух- и трехэтажные дома. Пристроенные к ним выносные открытые лестницы состоят тоже из двух деталей — опоры, которая напоминает поднятую на длинной ноге наковальню, и лестничного марша. Над костровыми площадками и ленинскими комнатами на открытом воздухе устроены навесы. Эти навесы-грибы тоже состоят из двух элементов — круглой стойки и железобетонного треугольника-покрытия.

Авторам проекта, сумевшим создать красивые и совершенно разные современные здания всего из нескольких основных деталей, была присуждена Государственная премия СССР.

ПАРЯЩИЙ ДОМ

Известный теоретик советской архитектуры Г. Борисовский почти в каждой своей книге непременно дает рисунки и

описание разработанного им города будущего. Называет он его «Висячий город». На высоких стойках-лифтах натянута сетка, к которой подвешены огромные «дома-планеты». Каждый такой дом висит на паутине сверхпрочных нитей миллиметровой толщины. На этих нитях подвешены не только дома, но и сады, магазины, спортивные площадки, кафе и даже улицы. Представим себе, что такой город сегодня построен. Но... Захочет ли ваша бабушка ходить в висячую булочную по висячей улице? Отпустит ли мама своего сына играть в хоккей на парящей высоко над землей легкой спортивной площадке?

Бабушку и маму можно понять. Дома обычно стоят на земле, а не подвешиваются, как елочные игрушки. Очень уж непривычен этот Висячий город. И совершенно естественно для каждого человека настороженно относиться к тому, что противоречит его многолетнему опыту.

И все же опыт нас часто обманывает.

ПРИВЫЧНЫЙ ДОМ В НЕПРИВЫЧНОМ ВИДЕ

Так ли уж отличаются висячие дома от всем привычного панельного дома? Каждый, наверное, видел, как возводятся многоэтажные панельные дома, которыми застроены наши улицы. Сначала ставят колонны — остов, каркас дома. Потом к колоннам привешивают панели стен. Когда панельный дом построен, то кажется, что стены его, как и в кирпичном доме, стоят на земле. На самом же деле они только касаются земли, а всю тяжесть здания несут железобетонные колонны.

А теперь представим себе, что каркас дома оказался не внутри его, а снаружи. И стены подвешены не вплотную к колоннам, а на прочных тросах. Останется только лестницы и лифты спрятать в колонны-стойки, которые, конечно, станут намного мощнее. Вот и все — получился фантастический Висячий дом!

МОСТОВАЯ МОСТА

Мы говорили о Висячем доме. А так ли уж необычна висячая улица? Часть одной из главных улиц Москвы вот уже сорок с лишним лет подвешена в воздухе.

Давно уже прошло то время, когда город стоял по одну сторону Москвы-реки. Москва перешагнула через реку, перекинула через нее десятки мостов — продолжение улиц и проспектов. Но только один из них действительно висит над водой. Это Крымский мост.

По две мощные опоры, усеянные заклепками, словно тело самолета, высится на каждом берегу реки. От опоры к опоре протянулся витой металлический трос-канат. Вот к этому тросу на тросах потоньше и подвешен Крымский мост. С 1938 года парит над Москвой-рекой надежная стометровая громада моста. Пройдешь по его металлической мостовой и слышишь, как он упруго гудит под ногами.

Значит, не так уж и фантастичен Висячий город. Формы его заложены в современной архитектуре. Их нужно только увидеть, понять. А техника, материалы? Есть ли они?

ГРУЗОВИК, КОТОРЫЙ ЛЕГЧЕ ТАБУРЕТКИ

Как-то в журнале мне попалась картинка — девочка держит над головой на вытянутых руках... грузовик! Девочка самая обыкновенная, и грузовик настоящий — трехтонка.

Не фокус ли это художника, который к фотографии девочки с поднятыми руками приклеил фотографию грузовика? Или это Пеппи Длинныйчулок, которой ничего не стоит поднять паровоз, не то что какой-то там грузовик? Все разъяснила подпись. Оказывается, грузовик сделан из очень легкой пластмассы и весит не более табуретки.

В распоряжении архитекторов оказались поистине чудодейственные материалы. Есть пластмасса, которая в два раза прочнее стали и в десять раз легче ее. Есть такое стекло, что на тонкой нитке, сделанной из него, можно удержать самого свирепого быка. Есть такие прозрачные ткани-пленки, которые можно надуть, как воздушный шарик, и раскинуть куполом над огромным городом.

Строительная техника сегодня достигла такого могущества, что позволяет осуществить чуть ли не любой фантастический проект — город под землей или под водами океана, город, висящий в воздухе, или город на Луне. Можно даже построить пирамиду «вверх ногами» — попросту стоящую на своей острой вершине. Кстати, такая «перевернутая пирамида» уже существует — это музей в Каракасе, спроектированный известным бразильским архитектором, лауреатом международной Ленинской премии мира Оскаром Нимейером.

Сегодня можно не только воздвигать сложнейшие здания, но и делать их простыми по форме и по конструкции. Дом станет легче, проще, его можно будет построить «почти из ничего».

ДОМ-ПЛАТФОРМА

На лесной тропинке, рябой от солнечных пятен, сидит бабочка. Она распластала широкие разноцветные крылышки и замерла. Но шевельнулись, переместились солнечные блики, набежала тень, и бабочка вздрогнула, резко сложила крылья. Подняла, опустила и снова успокоилась. Крылья ее опять распластаны по земле.

Точно так же, как крылья бабочки, можно поднимать и опускать стены дома. Над крышей возвышается мачта. От каждой панели стены к мачте тянутся тонкие тросы, собираясь на ее верхушке в пучок. Человек, сидя дома, нажимает кнопку, и тросы, натягиваясь, поднимают панели стен. Вот уже и не дом стоит, а площадка с широким навесом, терраса.

По своему желанию вы можете поднять одну панель, две, три. Можете открыть дом с солнечной стороны или с теневой. Такой дом назвали домом-платформой.

ДОМ-ФОНАРЬ

Жил когда-то я на маленьком полустанке у стрелочника, и он подарил мне фонарь. Стеклянный кубик с металлическим дном и с широкими металлическими полосками по углам. Внутри фонаря масляным желтым светом горела стеариновая свечка. Обыкновенный фонарь-клетка, какие были раньше у любого железнодорожного обходчика.

Я вспомнил об этом фонаре, потому что недавно появился проект дома-фонаря. Уж очень такой дом похож на тот стеклянный кубик старого стрелочника. Стеклянные стены, стеклянная крыша, а посредине, словно свечка, стоит цилиндр кухни и ванной. Стены дома-фонаря раздвигаются, будто двери вагона метро. И кажется вам, будто вы не в помещении, а на открытом воздухе, среди природы: сидя дома, вы видите все, что происходит снаружи, а ваша квартира защищена от посторонних взглядов зеркальным блеском стекла.

ДОМ ИЗ ВОЗДУХА

Знаменитые Петергофские фонтаны. Струи воды, словно фейерверк, рассыпаются на фоне темного вечернего неба. Текучая бесформенная масса воды вдруг принимает причудливые формы. Фонтаны-зонтики, фонтаны-карусели, фонтаны-деревья. Вода возносится в небо серебряным столбом, стоит в воздухе туманом брызг, распластывается над землей тонкой выпуклой пленкой, похожей на лоскут радужного мыльного пузыря.

Форма струи зависит от формы и ширины трубы, из которой она вылетает, и от напора воздуха, выталкивающего ее. А если отключить воду, но оставить напор воздуха? Фонтан будет продолжать работать, только вместо воды из труб его понесется невидимая воздушная струя. Эту струю можно расплющить, превратить в сплошной «воздушный купол».

Теперь остается лишь расставить под этим невидимым куполом мебель, построить легкие раздвижные перегородки — и дом готов. Воздушная пленка-крыша такая плотная, что ее не разорвет ветер, не пробьет дождь. И топить в таком доме не надо — воздух подается любой температуры: зимой — теплый, летом — прохладный. А если к тому же «подкрасить» воздушный купол светом цветных прожекторов, он станет непрозрачным.

Вот как можно сегодня построить дом «из ничего». Кстати, любой из нас не раз уже сталкивался с частичкой такого «воздушного дома». Во многих магазинах зимой открыты двери, их заменяет струя теплого воздуха — воздушная завеса.

ЛУНОХОД И ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

События в романах Жюля Верна казались когда-то фантастическими. Сегодня корабль капитана Немо превратился в обычную подводную лодку, а на Луне побывали люди, и долго шагал по ее поверхности советский луноход.

Так и в описанных мною проектах нет ничего фантастического для современного человека. Правда, авторы их не настаивают, чтобы превратить эти проекты в жилые дома, кинотеатры, стадионы *немедленно*, сегодня, строить повсюду. Это *проекты-идеи*. Они показывают нам, какие возможности заложены в современной архитектуре и как их можно использовать в ближайшем будущем.

Сто лет назад парижане были возмущены уродливым, по их мнению, сооружением, поднявшимся над городом,— Эйфелевой башней. Не прикрытая ничем металлическая конструкция казалась вызывающе некрасивой и бессмысленной, как динозавр. Великий французский писатель Ги де Мопассан не мог без отвращения вспомнить об этом «монстре».

А сегодня Эйфелева башня — символ и одна из основных достопримечательностей Парижа, а ее конструкция давно стала привычной во многих проектах мостов, башен, вокзалов.

Непривычные формы некоторых современных зданий перестанут быть странными, когда мы поймем, как и зачем они созданы.

Юрий КОВАЛЬ

САМАЯ ЛЕГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Окончание. Начало в №№ 9—11.

Рисунки автора.

Глава XXII

Папашкина ночь

И снова к полуночи явился над озером туман. Он заволок поверхность воды, спрятал остров, укрыл подножие холма, только до вершины, где сидели мы с капитаном, не добрался.

Костер угас, и мы разгребли уголь, постелили еловые ветки и легли на землю, нагретую костром. Жар земли охватил нас, и казалось, что мы лежим внутри горячего черного шара, заброшенного с Земли на другую планету.

— А мне кажется — мы у Папашки в брюхе,— шептал капитан.

С озера не слышалось ни шелеста, ни плеска. Тихо было в лесах и болотах, только очень далеко, у деревни Коровихи, скрипел однообразно дергач.

В жаркой темноте отяжелела голова, я преклонил ее к плечу капитана, и капитан прикорнул — и мирно уснули мы на берегу Илистого озера рядом с многоглавым Папашкой.

Странные далекие сны пришли ко мне. Мне приснились Орлов, граммофон и девушка Клара Курбе.

Пробудился я часа через три-четыре.

Тьма была непроглядная, а с озера слышалось негромкое бульканье, будто ручей потек с холма. К бульканью добавлялись вздохи и шипенье.

— Пар спускает,— шепнул капитан, просыпаясь.

— Чего?

— Папашка пар спускает. Высунул хобот из воды и дышит. Слышишь?

Бульканье затихло, и теперь с озера не доносилось ни звука, и все-таки я слышал что-то, а что — не понимал.

— Он на берег вышел,— шепнул капитан.— Сейчас на холм полезет.

Приподнявшись на локте, я вслушивался, и, верно, чудилось — шаркают босые огромные ноги по мокрой траве. И мерещилось — оживает озеро, шевелится, дрожит, а холм поворачивается медлен-

но, круче наклоняется к озеру, чтоб сбросить нас в воду.

— Сюда идет,— тревожно шептал капитан.— Неужели сало не заметил? Сало-то белорусское, с чесноком!

Прижимаясь ко мне, капитан шептал о сале, цепляясь за него, как за последнюю надежду. Все страшно, все зыбко, все непонятно было в окружающей нас ночи, кроме куска сала, лежащего где-то на берегу.

«Какой черт занес нас сюда? — думал я.— И чего мы хотим? Только глянуть, есть ли и вправду на земле Папашка. Но зачем это дурацкое сало на крючке?»

— Зря я с этим салом связался,— вздохнул потихоньку капитан.— Вопьется крючок Папашке в губу — вот заорет-то! Пойдет крушить направо и налево!

— Тише,— шепнул я.

Теперь уж совсем неподалеку слышались шаги. Без гула земли, без топота — скользкие и летящие. По траве ли, по воздуху?

— Ауа,— послышалось,— а-а-уу-а...

«Папашка! Это Папашка! — думал я.— Неужто сожрет и сало, и нас с капитаном?»

Когда мы плыли на озеро, я еще не знал, еще не понимал, есть ли и вправду на белом свете Папашка, и только сейчас, ночью, понял, что он рядом. Что же он сделает сейчас — протянет ли из темноты руку, чтоб схватить нас, или ласково погладит по голове думающего о сале капитана? А может, просто глянет всевидящим оком и уйдет, не сказавши слова?

Черные руки летали в темноте перед моим лицом — искали нас с капитаном.

— Ауа, а-а-у-у-а-а...

Я совершенно затаил дыхание и боялся, что капитан откроет рот и брякнет что-то о сале. Но капитан дышал тихонько, как мотылек.

Душная и мрачная Гора надвигалась на нас, вот-вот навалится на грудь и на плечи. Я задохнулся, еще бы минута, и, наверно бы, закричал, но Гора отодвинулась, скользнула за спину, с озера повеял ветерок. Ни шагов, ни шелеста не было больше слышно. Пропал Папашка — то ли прошел мимо нас, то ли пролетел над нами.

— Прошел,— шепнул капитан.— Не заметил.

И ночь над нами внезапно зашевелилась. Подул ветер — и ночь сдвинулась в сторону. За дальним берегом, за болотами объявилась в небе серенькая полоса. Она отделила небо от земли, отразилась в озере, и стал виден на воде маленький темный островок.

Близкий рассвет обрадовал нас. С надеждой смотрели мы, как расширяется его полоса, наливается розовым чайным тоном. Только остров на озере был черен и густ, как бархат. Не островом казался он сейчас, а спиною дракона, выставившего гребень из воды.

— Смотри-ка,— сказал капитан.— Смотри на остров... Он... шевелится.

— Не болтай...— прошептал я.

— Шевелится, говорю! Плывет по воде!

Я всматривался в черный гребень — нет, не плыл, не шевелился остров, это волны, поднятые ветром, колыхали его, притапливали и подымали.

Сбоку где-то зашелестели камыши... И вдруг раздался плеск, потом гулкий удар по воде — и мигнуло электричество на берегу.

— Вспышка сработала! — крикнул капитан, сорвался с места и побежал к берегу.

Я поспешил за ним.

В предутреннем свете мы увидели, что фотоаппарат и тренога валяются на земле. Ни сала, ни крючка не было — топор перерезал леску.

Дрожь била капитана. Он поднял с земли аппарат, дунул в объектив, огляделся.

— Смотри же! — сказал вдруг он и указал в озеро омертвевшим пальцем.

Я оглянулся и увидел, что острова, заросшего болотными травами и таволгой, не видно нигде.

Глава XXIII

Папашкин след

С рассветом снова запылал на холме костер.

Мы вскипятили чай и, попивая его, глядели на озеро.

Ни травинки не подымалось из воды в том месте, где вчера еще был остров. Налетела стайка чирков, опустилась на середину.

— Бывают на свете плавающие острова,— заметил я.

— Бывают,— устало согласился капитан.— Но это был не остров, а Папашкин хребет.

— Таволга там росла,— сказал я.— Таволга.

— Какая таволга? Шерсть рыжая, аж зеленая, а за ней пена.

Сверху, с холма, было хорошо видно, как четко отпечатались на седой от росы траве наши с

Капитану приснилась рыба, стоящая на голове.

капитаном следы. Они вели от костра к берегу и обратно. Никаких других следов не было. Но в некоторых местах трава была не седой от росы, а зеленой. Здесь она была суха, будто кто-то слизнул росу. Суха, но не примята.

— Это и есть Папашкин след,— сказал капитан.— Он траву не мнет, идет, чуть касаясь.

— Как же он не наступил на нас?

— Пожалел,— пожал плечами капитан.— А может, и наступил, да мы не заметили. Я чуть не задохнулся.

— Ты думаешь, у него такая легкая нога?

— Почти воздушная.

Мы замолчали, пытаясь хоть как-то связать воздушную ногу с утонувшим островом. Но это никак не увязывалось, и если утонувший остров был и вправду хребтом Папашки, то откуда у такого чудища воздушная нога?

— В конце концов все можно объяснить,— сказал я.— Сало схватила здоровая щука, или выдра, или ондатра, а остров утонул сам по себе.

— А воздушная нога?

— Какая нога? Ты что — видел ее? Хватит с нас летающей головы!

— Ты ничего не понимаешь,— сказал капитан,— все дело в том, что мы перешли границу.

— Какую?

— Нормальную границу. Границу нормальной жизни. Я думаю, что это случилось на Багровом озере, а мы и не заметили. Как только у деда Авери оторвалась голова, я сразу понял: мы в ненормальном мире.

— С головой это действительно черт знает что,— сказал я,— но в остальном все в порядке. А остров сам по себе утоп, бывает.

— Ну нет,— сказал капитан,— если одна голова летает, значит, и все остальное — чушь. Мы в ненормальном мире.

— А Кузя как же? Кумкузя-то здесь живет! Чем Кузя ненормальный?

— Кузя — нормальный. Но и в ненормальном мире может жить хоть один нормальный человек. Так и Кузя, живет кое-как, чай пьет, стесняется.

«Прав капитан, прав,— думал я.— Мы в необычной волшебной стране. Ну и что ж такого? Для этого я и строил «Одуванчик», чтоб попасть в места необыкновенные».

— Что же теперь будем делать? — спросил капитан.

— Дальше плыть. На Илистом озере мы побывали, надо теперь добраться до Покойного. Вон там, в том углу, очевидно, протока, которая ведет в Покойное.

Капитан затоптал костер, спустившись к воде, смело ступил на плот, ополоснул ведро и котелок.

— Нам нечего бояться,— сказал он,— плывем себе, никого не трогаем.

Капитан был, конечно, прав. В конце концов головы летают, острова тонут, а нам-то надо плыть дальше.

Спокойно, неторопливо собрали мы вещи, уложили рюкзаки, спустили на воду «Одуванчик». Пробоину залепили мы крепко, надежно, течи не было.

Капитан, как всегда, устроился на носу, я — в корме, и вот уже плавно пошел «Одуванчик» через Илистое озеро. Спугнув чирков, проплыли мы и над тем местом, где затонул островок. Напряженно всматривался я в воду, и мне казалось: вот сейчас подымется остров, и мы окажемся на мели, на Папашкином хребте. Но никто не подымался со дна, спал, видно, Папашка, сосал капитанское сало.

— Вон и протока,— указал капитан.

Среди моховых низкорослых сосен бежал по болоту узкий ручеек — протока, ведущая к Покойному озеру.

Неторопливо вошел в нее «Одуванчик», несколько взмахов весла, и пропало за спиной Илистое озеро вместе с Папашкой, дремлющим на дне.

— Интересно,— сказал капитан,— как называется эта протока? Там у нас были макарка и кондратка, а это что?

— Акимка, наверно,— сказал я.

— Акимка,— повторил капитан.— Неплохо.

Тихо текла акимка среди моховых сосновых болот. Кончились болота — пошли по берегам луга. Лес то подходил к воде, то отступал подальше. Ни стога на лугу, ни забора, ни срубленного дерева в лесу — никаких признаков человека не было вокруг — чистый, нетронутый мир.

— Как тихо,— сказал капитан,— как спокойно. Знаешь что, давай договоримся, если что-нибудь произойдет там, впереди,— не будем удивляться или пугаться. Нас ведь, пожалуй, теперь ничем не удивишь.

— Идет,— сказал я, и мы с капитаном пожали друг другу руки.

Довольные таким уговором, поплыли мы дальше, никак не ожидая, что удивиться нам придется через десяток минут.

Акимка вынесла лодку на широкий солнечный луг, и мы увидели на берегу кусты козьей ивы, за ними — забор и где-то неподалеку за забором — крышу, крытую осиновой щепой. Меж кустами козьей ивы бродили козы с козлятами.

Но ни забор, ни крыша, ни козы не удивили и не напугали нас.

На мостках, которые спускались к воде, стоял странный человек и приманивал нас издали пальцем.

— Эй! — покрикивал он.— Давайте сюда! Я уж вас жду-жду, никак не дождусь.

— Только не пугайся,— шепнул капитан, и я не напугался, не выпал из лодки, я стал шарить в рюкзаке в поисках малосольного огурца.

Перед нами на берегу акимки стоял на мостках художник Орлов.

Глава XXIV

Сила малосольных огурцов

Если б не малосольные огурцы, я, наверно, с ума бы сошел.

В кармане рюкзака нащупал я огурец, данный нам Кузей, вытащил его и откусил с хрустом.

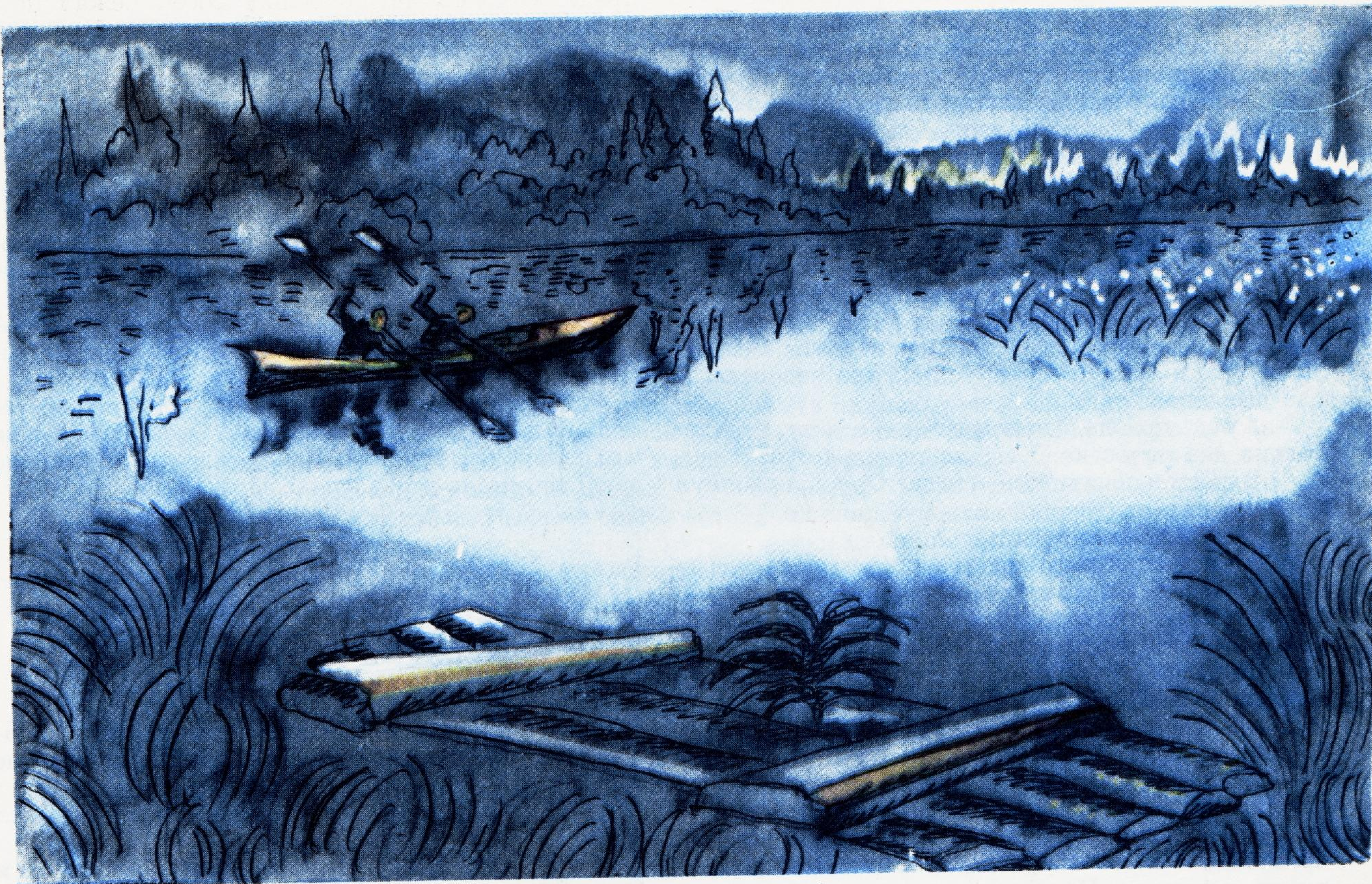
— Оставь огурчика! — кричал Орлов, к которому мы неминуемо приближались. Удивительно, как это он издали разглядел, что я ем.

Нос лодки уткнулся в песок, я вылез на берег. Мы обнялись, мешая огурцу.

В жизни я и прежде не раз полагался на малосольные огурцы. В печали и в радости огурец был мне верный товарищ, помогал найти себя, принять решение.

Стоит порой в минуту колебаний откусить огурца — и вдруг просветляется взор. Если есть в голове твоей усталая мысль, если есть на душе тревога и туман,— огурец всегда отведет ее, сгладит, оттянет.

Полупрозрачный, пахнущий укропом и окреп-

Илистое озеро.

шим летом, совсем немного соли добавляет он в нашу жизнь, но облегчает душу.

О лекарственный!

Капитан-фотограф выудил из рюкзака еще пару огурцов, сунул огурчик Орлову, и с минуту мы трое хрумкали, разглядывая друг друга.

Я молчал, ожидая, когда прочистятся мозги, когда начнет действовать целебная сила огурца. Но мозги не прочищались, а вся сила малосольного снадобья ушла на то, чтоб немного меня успокоить.

Я глядел на Орлова, я глядел на старого друга, узнавая родное московское лицо. Боже мой! Откуда оно взялось?

Нет, никак не могло оно — московское лицо — оказаться здесь, неподалеку от Илистого озера. Оно осталось далеко-далеко, и никакой огурец не в силах был объяснить его появление.

Между тем огурец капитана оказался мощней моего. Засосав препарат вместе с хвостом, капитан хлопнул Орлова по плечу.

— Орлов,— удивленно сказал он,— ей-богу, это Орлов!

— Конечно, Орлов,— сказал Орлов.— А кто же еще? Конечно, это я — Орлов.

— А откуда ты взялся?

— Из Москвы, откуда же еще... Решил вас догнать.

— Да как же так? — продолжал капитан.— Как же это «нас догнать»? Догнать-то ведь нас невозможно.

— Почему это невозможно? — хмыкнул Орлов.— На автобусе я доехал до Керосиновки, ну, а уж оттуда до Коровихи пешком...

— Автобус,— повторил капитан и потер лоб, мучительно вспоминая, что означает это слово.

— Непонятно,— сказал он, обернувшись ко мне.— Автобус...

Я молчал, цепляясь за огурец. Никакой автобус на свете не мог привезти сюда Орлова, и все-таки Орлов стоял передо мной и говорил:

— Чего ж тут непонятного? В Керосиновке все знают, что два каких-то типа по болотам лазят. Я и пошел в Коровиху, а Кузьма Макарыч сказал, что вы поплыли на Илистое. Тогда я и решил вас перехватить, и Кузьма Макарыч привел меня сюда, к шурину своему. Это ведь дом его шурина, Шуры.

— Решил нас догнать,— задумчиво сказал капитан.— Ты решил нас догнать. А зачем?

— Что зачем?

— Зачем тебе нас догонять? Сидел бы себе в Москве.

Орлов слегка нахмурился.

— Я догонял не тебя,— сказал он капитану.— А его.

— Догнал ты нас обоих,— сказал капитан, решительно откусив огурца.— Так что объясни: зачем?

— Погодите, ребята,— сказал я,— давайте присядем. Орлов, дорогой мой, как я рад тебя видеть! Ведь ты мне сегодня снился! Как же это ты нас догнал?!

Я обнял Орлова, усадил его на травку, сам присел рядом.

— Ты понимаешь,— объяснял я Орлову.— Мы тут в таких местах побывали, такого понавидались, что немного... устали... не обращай внимания. Ты-то на автобусе, а мы-то по болотам... Да присядь ты, капитан, посиди, успокойся.

— Пускай объяснит, зачем нас догонял,— жестковато повторил капитан.

— Ты понимаешь,— сказал Орлов и положил

руку мне на плечо,— трудно объяснить, зачем догонял. Просто душа за тебя болела. Лодку мы строили вместе, а поплыл ты один. Нехорошо, что я бросил тебя. Вот я и решил догнать. Нельзя так в жизни бросать друг друга. Должны уж как-то вместе. Вместе строили — вместе надо плыть. Понимаешь?

— Ну, конечно,— сказал я,— конечно, понимаю.

— А я не понимаю,— сказал капитан. Он попрежнему стоял в стороне, не желая подсаживаться к нам.

— Садись,— протянул я ему руку,— чего ты не понимаешь?

— Не понимаю, как он мог нас догнать. Ведь он знает, что в лодку влезает только два человека. А нас уже двое.

— А ведь правда,— вспомнил я,— в лодку влезает только два человека. Как же теперь быть?

— Вдвоем и поплывем,— сказал Орлов и хлопнул меня по плечу.

— А капитана куда девать?

— А он пускай домой едет, автобусы ходят через день. Поплавал и хватит.

Совершенно посеревший капитан, прищурившись, смотрел то на меня, то на Орлова.

— Да ты не обижайся,— сказал ему Орлов,— ты меня просто на время заменил. Мне ведь тоже охота поплавать. А мы и бамбук вместе доставали и лодку вдвоем строили. Понимаешь?

— Понимаю,— сказал капитан,— прекрасно понимаю, что все это Папашкины штучки. Вначале хотел нас подошвой раздавить, а теперь вот что придумал: Орлова нам подсунул, чтоб мы дальше плыть не могли. Но только ни черта из этого не выйдет. С лодки я не слезу.

— Что ты говоришь? — сказал Орлов.— Какой подошвой? Какой Папашка?

— Тот самый Папашка, двухголовый. А тебе, дураку, надо было в Москве думать. А то вдруг явился, покататься на лодочке ему захотелось. На автобусе катайся.

— Что ты кричишь! — сказал Орлов.— Не тебе решать, кому плыть. Ты к лодке никакого отношения не имеешь. Настоящий капитан — он,— и Орлов указал на меня пальцем,— ему и решать.

Понурившись, сидел я на траве. Смотреть не хотелось ни на Орлова, ни на капитана.

«И вправду,— думал я,— все это похоже на Папашкины штучки. Надо же такой сюрприз: Орлов на берегах акимки!»

— Что ж ты молчишь? — сказал Орлов.— Или не рад, что я появился? А помнишь, как мы лазили в подвал за бамбуком?

— Помню, конечно, помню. И очень рад, что ты появился. Только настоящий капитан у нас — фотограф. Он капитан, а я матрос. Ему и решать.

— Я уже решил,— твердо сказал капитан,— мы плывем дальше, а Орлов, если хочет, может идти за нами по берегу.

— По этим-то болотам,— сказал я,— разве он пролезет?

— Пролезет,— сказал капитан,— с Папашкиной помощью.

Широко открыв глаза, смотрел на меня Орлов. Обняв колени, сидел он, сгорбленный и жалкий, и в спине его торчал нож, всаженный мною. Он-то мучился, он-то переживал, он-то рвался догнать друга — и догнал, а получилось, что он никому не нужен, в лодку его не берут, и какой-то капитан-фотограф запросто решает судьбу нашей дружбы.

— И вообще ты мне не нравишься,— сказал капитан, подозрительно оглядывая Орлова.— Я тебя как-то не вижу. Странно, что ты тут появился.

— Чего же странного?

— Очень странно,— повторил капитан и остановился, потоптался на этих словах, поставил знак особенного препинания.— Очень и очень странно, что ты не спрашиваешь, кто такой Папашка. Ты раньше слыхал о нем? Или вы знакомы? А может быть, это он тебя и подослал?

— Кто такой Папашка? — сказал Орлов, ошеломляясь.— Не знаю никакого Папашку.

— Что-то вроде дракона,— пояснил я.— Двухголовый. Живет здесь, неподалеку, в Илистом озере.

— Вы его видели?

— Чувствовали,— четко выговорил капитан.— А хребет видели... И сало он мое сожрал,— неожиданно добавил капитан укоризненным тоном.

— Сала я вам привез...— сказал Орлов,— но теперь не знаю, что мне и делать... Это... Дело в том, что... Короче... Не знаю, как и сказать... Вместе со мной приехала эта... ну... Клара Курбе.

Глава XXV

Шуршурин дом

Самый пупырчатый, самый укропистый малосольный огурец помочь мне теперь решительно не мог.

— А граммофон ты с собой не привез? — спросил капитан.

— Не привез,— краснея, ответил Орлов.— Я и Клару брать не хотел, но она напросилась.

— Странно,— сказал капитан-фотограф, неприязненно качая головой.— В лодке два места. Ты приехал сам да еще и Клару с собой приволок.

— Я думал, как-нибудь обойдется. Покатаем ее в лодке, и поедет домой.

Эти сбивчивые и какие-то детские объяснения Орлова ничего, конечно, не объяснили. И слова «покатать Клару» звучали дико и неестественно. Мы тут мучаемся в болотах, тонем и мокнем, преодолеваем, а они приехали «покататься»! Черт знает что!

— Слушай, Орлов,— сказал капитан,— говори прямо. Зачем приехал сам? Зачем привез Клару? У вас с Кларой, может быть, это... Как это называется...— И капитан повернулся ко мне в поисках нужного слова.

— Чувство...

— Вот именно... Может, между вами чувство?

— Ты что, с ума сошел! — воскликнул Орлов.— Просто покататься просила. Какое чувство!

Орлов покраснел и насупился.

— Никакого чувства! — повторил он.— Напросилась покататься!

— Катайтесь в парке культуры,— сказал капитану,— а мы плывем дальше.

И капитан, не прощаясь с Орловым, шагнул к лодке. Опираясь на весло, перекинул он ногу через борт, уселся на свое место. Волей-неволей и я потянулся за ним. Орлов потрясенно молчал.

— Садись,— приказал мне капитан, и я сел в лодку, взял весло.

— Что же это вы делаете? — сказал вслед Орлов.— Зайдите хоть в дом. Там уж все собрались, ждут вас обедать.

— Нечего нам там делать,— сказал капитан.— А Кузьме Макарычу поклон передай.

Решительно взмахнув веслом, капитан двинул «Одуванчик». Мы отошли от берега.

— Неловко как-то,— потихоньку сказал я капитану.— Все-таки ждут нас. Зайдем хоть на полчаса.

— Не тянет,— сказал капитан,— нельзя нам туда заходить. Опасно.

— Да ничего страшного,— сказал я.— Подумаешь, Клара. Наплевать. Зайдем. Орлова жалко.

— Это не Орлов,— прошептал капитан.— Это подделка.

— Господь с тобой, что ты говоришь? Опомнись. Какая подделка? Самый натуральный Орлов.

— Не верю,— сказал капитан.— Орлов сюда никак не может добраться. Это все вранье.

— Ладно тебе, успокойся. Надо все-таки вернуться. Хоть на полчаса.

— Ну смотри,— сказал капитан, разворачивая лодку.— Мое дело — предупредить.

Нос «Одуванчика» снова уткнулся в берег рядом с мостками, мы вылезли и как-то порознь — впереди капитан-фотограф, за ним Орлов, сзади я — пошли через поле к дому шурина Шуры.

Дом этот был стар и кособок. Нижние венцы его прогнили, осели глубоко в землю, крыша от этого задралась острым горбом. Над крыльцом, над окнами дома повсюду были натянуты какие-то шпагаты и веревочки, на которых сушились белые грибы и черные ромбические окуни. Ведь дом был завешан сухою рыбой и грибами, а в палисаднике перед домом бушевали свирепые заросли крыжовника и малины.

Шуршащие под ветром сухие чешуистые окуни, шелестящие грибы, скрипящие ступени — весь дом был пронизан тихими шорохами, и название «шуршурин» очень подходило к нему.

Капитан поднялся на крыльцо и вошел в дом, за ним — Орлов.

Я замешкался на пороге, снимая сапоги. Босиком прошелся я по гусиной травке, короткой и мягкой, которой заросла лужайка у крыльца. В дом идти не хотелось.

Умылся под рукомойником и, выставив к солнцу лицо, решил обсохнуть, как-то не хотелось пока идти в дом.

Сзади послышался шорох.

— Добрый день.

Я оглянулся.

Из палисадничка, из какой-то земляничной калиточки в заборе вышла Клара Курбе.

В сарафане, украшенном голубыми цветочками, босиком, с распущенными до плеч волосами. В руках она держала блюдо, наполненное и смородиной, и малиной, и крыжовником. Удивительно еще, что в блюде не оказалось огурца.

— Привет,— ответил я.— С приездом... Только должен сразу сказать, что в лодку мы вас взять никак не можем... Места мало. Мы, знаете, дальше поплывем, а уж вы...

Клара поставила тарелку на ступеньку, подошла поближе и вдруг поцеловала меня.

— О боже! — бормотал я, вырываясь.— С приездом, с приездом...

Шуршурин дом со стороны акимки.

Глава XXVI

Нога в крапиве

Кум Кузя сиял.

Щека его, укушенная, почти вошла в свои берега, и тряпочку голубую кум с головы снял, оставил только шапку-треух. Одно ухо треуха торчало к потолку, другое прикрывало все-таки укушенную щеку.

— Вот и свиделись! — вскрикивал кум, обнимая меня, тиская капитана.— Будто не расставались!

Шурин Шура — человек с виду маленький и невзрачный, сидящий за столом без рубахи и босиком,— качал головой, разглядывая нас, и повторял вслед за кумом:

— Вот и свиделись!

Из погреба и из чуланов шурин вымел на стол, очевидно, все огурчики и сметану, выставил квасу жбан, рыбник щучьей длины занимал полстола, а рядом с ним стояла глубокая глиняная миска. Там, в этой миске, в коричневатой, утомленной сметане плавали целенькие беленькие грибки.

Поближе к миске пристроились Орлов и Клара, напротив присоседились к рыбнику и мы с капитаном. Сбоку от капитана сидели рядышком кум Кузя и шурин Шура, а справа от меня некоторый человек Леха Хоботов, тот самый, у которого — по рассказам деда Авери — летала рука.

Волей-неволей косым взглядом поглядывал я на Лехины руки. Правая пока спокойно лежала на колене, а левая нервничала. То совалась она к рыбнику, то к грибочкам, но тут же убиралась назад, не решаясь притронуться ни к тому, ни к другому. Как видно, она ждала сигнала.

И сигнал не заставил себя ждать.

— Дядя Кузя,— сказал шурин,— все собрались. Можно начинать?

Кум ласково оглядел всех, улыбнулся и сказал радостно:

— Налетай!

И тут же руки Лехины вспорхнули с колен, закружили над столом, как две корявые птицы. То одним, то другим коготком схватывали они сальца, баранки, пельменчика и прямо с лету совали это в рот птенцу, на которого, впрочем, никак не был похож носатый Леха Хоботов.

Вслед за Лехиными и другие руки залетали над столом, как чайки над причалом.

Орлиные лапы капитана пали на рыбник, взломали хрустящую корку, из которой высунулась злая щучья голова.

В общем хоре летающих рук я не замечал рук Клары. Девушка Клара Курбе как-то потерялась за столом и руки свои прятала под скатертью. Зато уж длани художника Орлова парили вокруг Клары и пикировали каждую секунду на ее тарелку, с голубиной ловкостью подкладывая то грибок, то луковку.

— Скушай сальца с горчичкой,— ворковал Орлов. И Клара благодарно улыбалась. Давясь горчичными слезами, жевала сало. Орлов, однако, не унимался. Следующим заходом он тащил ей без разбора и пельмени, и сотовый мед.

Между тем руки над столом стали летать помедленней, зато языки подразвязались. Первым подразвязался язык шурина Шуры.

— Вы художники, люди ученые,— говорил шурин.— А мы тут живем в глуши — люди неученые. Но и у нас есть памятник культуры.

— Что за памятник? — спросил Орлов.— Не граммофон ли?

— Да нет,— сказал шурин,— там вон у нас, за сараем, в крапиве, памятник культуры валяется. Очень интересный памятник.

— Знаешь что, Шура,— неожиданно сказал кум Кузя,— помолчал бы ты лучше.

— Почему? — удивился шурин.

— Потому что неприлично за столом про памятники рассказывать.

— Да? А я и не знал,— сказал шурин.— Ладно, не буду.

— Нет-нет, расскажите,— сказал Орлов.— Это интересно.

— Я извиняюсь,— сказал кум,— а вы в Вологде пивали чай?

— Пивал,— ответил Орлов.

— А в Архангельске?

— Чего в Архангельске?

— Пивали чай?

— Да что вы мне про чай! Расскажите, что за памятник в крапиве.

— Нога! — послышался вдруг резкий голос с другого конца стола. Это открыл рот Леха Хоботов.

— Нога? — удивился Орлов.— Какая нога?

— Нога в крапиве,— повторил Леха и высосал бокал квасу.

— Эх, Леха-Леха,— укоризненно покачал головой кум,— как неловко — про ногу за столом. Некультурный ты.

— Балабол,— подтвердил шурин Шура.

— Какая нога? — приставал Орлов.— Объясните толком.

— Памятник культуры — нога,— досадливо пояснил кум.— Мужская каменная нога. Валяется в крапиве. В доисторические времена она была при-

делана к каменному телу. А ты, Леха, не очень культурный — про ногу за столом!

— Балабол,— снова подтвердил шурин.

— Кто сказал, что я балабол? — тяжко проговорил Леха Хоботов.

— Это я сказал, Леха, потому что некультурно за столом про ногу говорить.

— А кто начал про памятник культуры?

— Я и начал, Леха. Но ведь я не сказал про ногу, потому что дядя Кузя сказал, что это некультурно, а про ногу сказал ты, и тогда я сказал, что ты балабол... но я не...

Довести свою мысль до конца шурин не успел.

Правая Лехина рука, недослушав Шуру, внезапно и быстро отделилась от тела.

Она пролетела над столом и, обогнув самовар, изо всей силы врезала шурину по зубам.

Охнув, шурин грохнулся на пол, а рука, описав в воздухе дугу, как австралийский бумеранг, вернулась к хозяину и, грубо говоря, присобачилась к телу.

В наступившей тишине послышался голос кума:

— Я извиняюсь, а вы в Архангельске пивали чай?

Глава XXVII

Щучья голова

Ответить на вопрос кума Орлов пока не мог.

Зрелище полета Лехиной руки потрясло его. Орлов окаменел не хуже той ноги, что валялась в крапиве.

Шурин же поднялся с пола и, потирая челюсть, сел на свое место.

— А ты, Леха,— сказал шурин,— не только балабол. Ты еще и забияка.

Орлов зашевелился.

— Это что же такое? — обиженно почему-то сказал он.— Это рука, что ли, летала?

— Да нет,— сказал кум,— это так, ничего особенного.

— Как же ничего особенного? Ведь если в Москве рассказать, что тут руки летают, знаете, что будет?

— Что?

— Ну, я не знаю, но что-то будет!

— А ничего и не будет.

— Да ведь она же летает!

— И пускай летает,— сказал кум.— А я вот интересуюсь, вы в Харькове пивали чай?

— В Харькове я пивала,— неожиданно открыла рот Клара Курбе.— Чай был индийский со слоном, а к чаю — варенье клубничное. А вот насчет полета отдельных частей тела я и прежде слыхала, но наблюдаю впервые. Интересно, как вы этого достигаете?

Обмакнув вареник в сметану, Леха улыбнулся.

— Тренировка,— сказал он.

Между тем капитан мой фотограф на полет Лехиной руки вниманья не обратил. Так и сяк обсасывал он щучьи плавники, запивал квасом, заедал коркою рыбного пирога.

Я тоже особо не взволновался, но все-таки отметил про себя, что рука Лехина отрывалась вместе с рукавом пиджака, а потом рукав как бы пришился. Это было забавно.

— Странно, очень странно,— сказал Орлов, удивленно оглядывая нас с капитаном.— Все восхищаются, что у человека летает рука, а эти — ноль внимания.

— А чего тут восхищаться,— сказал капитан,— она ведь не только летает, она еще по зубам бьет... Если б она собирала цветочки.

— По зубам это я так, для примера,— сказал Леха.— Можно и цветочки.

И он крутанул рукой, примериваясь к форточке.

— Да ладно, верю,— сказал капитан, но Леха уже сделал бровями какое-то метательное движение, и рука шмыгнула по воздуху к окну, через форточку улизнула на улицу.

Все замерли. И даже шурин перестал жевать. Неудобно все-таки есть пельмени, когда чья-то часть тела покинула общий стол. Несколько минут все напряженно молчали. Наконец послышался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул шурин.

Дверь распахнулась, и рука Лехина ворвалась в дом, зажав в кулаке ромашку. Галантно изогнувшись в воздухе, она поднесла цветок девушке.

— Спасибо,— сказала Клара Курбе и тут же вплела ромашку в волосы.

Все дружно зааплодировали.

— А теперь капитан доволен? — спросила она.

— Меня все это не касается,— хмуро ответил капитан.

— Да он просто завидует,— подал голос Леха Хоботов.— У него-то ничего не летает.

— Завидовать тут нечему,— сказал капитан.— Видали мы кое-что похлестче летающей руки... А вот некоторые девушки меня удивляют.

— Чем же это? — спросила Клара.

— Не знаю, как это объяснить... Но нельзя брать ромашку у той самой руки, которая только что зубы дробила.

Капитан встал, тронул меня за плечо.

Мы вышли на крыльцо. Капитан держал меня за руку, и я чувствовал, как мелко и нервно дрожит он.

— Слушай,— сказал капитан,— ты сказал, что Орлов снился тебе там, на берегу Илистого.

— Снился.

— А Клара?

— Снилась,— чуть смутившись, подтвердил я.

— Да,— задумчиво сказал капитан,— теперь все ясно. Загляни в окно,— неожиданно сказал он,— погляди, что они делают?

Я поднялся на цыпочки, заглянул в окно и вздрогнул. Вся компания, что сидела за столом — и Кузя, и шурин, и Леха Хоботов, и Орлов с Кларой,— все смотрели в окно, прямо мне в глаза. Я отпрянул.

— Поздно,— сказал капитан.— Заметили. Догадались, что я догадался. А я уж давно все понял, но когда она взяла ромашку...

— Что ты понял? Объясни.

— Папашка раздвоился. У него же две головы — щучья и медвежья. Ну вот, щучья — это Клара, а медвежья — Орлов. Приделал к головам по телу и явился к нам. Настоящий Орлов сидит в Москве, и Клара там, а эти поддельные. Подсмотрел твои сны — и раздвоился.

Где-то в доме хлопнула дверь. По ступенькам крыльца спускалась Клара. Она встала у забора, у земляничной калиточки, и задумчиво глядела на дальние леса, на небо, на закат.

— Щучья голова,— шепнул мне капитан,— оставаться нам здесь нельзя. Пойду-ка гляну, цел ли «Одуванчик».

Капитан пошел к берегу, и, как только он отдалился, Клара сразу направилась ко мне.

Долго, очень долго приближалась ко мне Клара.

Между нами и было три шага, но, кажется, она сделала все пятнадцать. Она шла ко мне, но то и дело сворачивала в сторону. Уже подойдя вплот-

ную, она завернула, и я думал: пройдет мимо — и уже прошла, уже миновала,— но все-таки схватила меня за руку. Пальцы ее были сухими и слишком горячими для щуки.

— Что вам угодно? — сказал я.

— Ничего.

— Ну я тогда пошел.

И я вправду куда-то пошел, но рука моя попрежнему оставалась в руке Клары.

— Я приехала к вам.

Клара застыла, замерла. Глаза ее то меркли, то переливались. Вдруг она выхватила из волос ромашку и бросила на землю. Раздражала все-таки эта ромашка, принесенная летающей рукой.

— Возьмите меня в лодку,— шепнула Клара.— Самая легкая лодка в мире — это смысл жизни. Возьмите меня.

Клара прикрыла глаза, отчего еще сильней заблистала под ресницами какая-то ртуть.

— А как же капитан-фотограф?

— Мне надо в лодку,— шептала Клара.

— А куда же я дену капитана? — ошеломленно твердил я.

В двух шагах от нас стоял художник Орлов. Он был потрясен, скомкан и смущен.

— Вы что это? — испуганно сказал он.

— Орлов, пойми,— сказала Клара,— мы теперь поплывем вместе.

— Интересно,— усмехнулся Орлов,— меня на лодку не взяли, мешал капитан-фотограф. А тут никто не мешает. Меня побоку, капитана — за борт. Уже плывут, уже мечтают.

— Нет-нет, меня это не устраивает,— вырвался я.— Хватит, я пошел...

— Куда ты? Постой! — воскликнула Клара, схватила меня за руку.

— А ну отпустите его! — послышался грозный голос, и, тупо топая болотными сапогами, из-за забора вырвался капитан-фотограф.

В два прыжка он пересек двор, с разгону оттолкнул Клару. Орлову же врезал под ребра и методом подножки опрокинул его.

Потрясенный художник свалился в малину.

Букет, собранный Кларой

Глава XXVIII

Скрип дергача

Сумерки, сумерки, сумерки!

Сумерки опустились на землю — из небесных глубин, из кисейного облака.

В сырых лугах заскрипел однообразно дергач, бесконечные звезды поднялись над лесами, притягивая все глаза земли.

Нет ничего страшнее этих далеких звезд, этих дивных расстояний, непонятных ни глазу, ни сердцу. Лишь бедный ум старается их постичь, но, заторможенный скрипом дергача, вязнет в пространстве.

Как прочно, как чудесно для моего сердца связан этот скрип и вечерний запах близкой реки, посеревшие в сумерках кусты козьей ивы и посиневшие леса, как надежно связаны они с вечным мерцанием далеких звезд.

В сумерках слился с березой, растущей у крыльца, шуршурин дом, потемнел, огорбател. Как бык или дикий вепрь пополз по берегу, выставив клыки столбов и щетину забора. Сумерки, сумерки!

Гневен в сумерках был капитан-фотограф. Тяжело дыша, привалился он к моему плечу, готовый отбиваться. Капитан был твердо уверен, что перед ним раздвоившийся Папашка.

Донна Клара, донна Клара...

И вот медвежья голова валялась в малине, а щучья — плакала у забора.

Я чувствовал напряженное плечо капитана, но никак, конечно, не верил, что такое безобразие, как раздвоение Папашки, на свете возможно. Ну, летающая симпатичная голова деда Авери, ну, рука-бумеранг, но раздвоение... Нет, никогда!

А орловская голова в сумерках и впрямь медвежьей казалась. Лохматая борода слилась с лицом, высунулись откуда-то невероятные уши, покраснели от обиды и угрюмости вечерние глаза. Тяжело и грозно подымался на ноги Орлов, медведем смотрел на нас из малины.

В самое глупое, самое бессмысленное положение попал он в жизни. С чистым сердцем догонял друга, а друг отвернулся. Оскорбленному, обиженному, ему еще бьют под ребра, методом подлой подножки бросают в малину.

— Эй вы! — покрикивал капитан.— Оборотни! Соединяйтесь! А мы поглядим, как это делается.

— Что с тобой, боцман! — сказал Орлов, медленно ворочая глазами.

— Брось прикидываться, медвежья лапа! На автобусе он приехал! Подсмотрел наши сны и раздвоился!

— Я никогда не раздваивался,— сказал Орлов. Мрачно и молча стоял он перед нами. Сгущались сумерки вокруг его головы.

Крик дергача-коростеля стал к ночи свежее и ярче. Так упорно, так настойчиво пел-скрипел коростель, как будто звал кого-то.

— Ну вы, бракобесы! Будете воссоединяться или нет? — покрикивал капитан.

Будто вняв капитанскому призыву, Клара отошла от забора, взяла Орлова под руку. Приподнявшись на цыпочки, она приблизила свою голову к орловской. Светлым в полутьме сарафаном она закрыла от нас художника, и вот уже две головы вознеслись над сарафанным телом, и ничего страшнее, чем этот сарафан, увенчанный двумя головами, видеть мне в жизни не приходилось. Головы, пока еще человечьи, вот-вот должны были преобразиться.

Но ничего такого не произошло. Кларина голова шепнула что-то орловской и отпрянула. За головою двинулся сарафан — Клара направилась к нам. Орлов же пошел к дому, поднялся на крыльцо, хлопнул дверью, скрылся.

— Отойди,— сказал я капитану.— Отойди, дай нам поговорить.

Темным, совсем темным в сумерках было лицо девушки Клары Курбе. Растрепанные волосы соединились в воздухе с ветками шуршуриной березы — сквозь волосы ли, сквозь ветки пробивались звезды?

«Северный Крест,— подумал я, узнавая созвездие.— А Орион выйдет позже, совсем поздно, в предутренних сумерках».

— Мы устали,— сказал я Кларе,— мы сдвинулись от летающих рук, все в голове смешалось...

— Говорите.

— Представляете, капитан вообразил, что Орлов — медвежья голова, а вы... рыбная... Ерунда, конечно...

Я замолчал, перевел дыхание. Клара слушала меня, но неясно было, понимает она что-нибудь или нет.

Дергач, который все кричал в лугах, постепенно приближался к шуршуриному дому, к реке. И наконец откуда-то снизу, с реки, из-под кустов козьей ивы, ему отозвались. Речной дергач скрипел помедленней, поленивей, но тоже двигался к нам.

— Скажите еще...— повторила Клара.

— Я же говорю, он вообразил, что у вас от рыбы...

— Это бред. Скажите другое.

— Он вообразил... Ну ладно, вы поймете, не могу я так сразу бросать капитана, сажать вас в лодку.

— Сразу не можете? А как вы можете?

— Не знаю...— сбился я.

Клара отвернулась от меня и пошла к дому.

— Эй, постойте! — крикнул я.

— Чего ждать? Вы же не можете.

— Я не знаю,— бормотал я.— Как-то все внезапно... Потом, когда я вернусь из плавания...

— Потом сможете?

— Еще не знаю, но думаю...

— Я все поняла. Ум у вас маленький, а мир — большой. Вы дурак и не достойны иметь самую легкую лодку в мире.

Клара взбежала на крыльцо, хлопнула дверь, и больше никогда в жизни я не видел девушку Клару Курбе. Только слышал.

Глава XXIX

Вяжем ли мы?

Потом-то я часто вспоминал, часто думал, что же должен был сказать Кларе, и никогда не мог придумать ничего путного.

Мой невеликий ум никак не мог вместить в одну лодку и Клару, и Орлова, и капитан-фотографа. Но ведь все на свете имеет свои пределы, свои возможности. А ум мой давно раздулся от материала, который ему пришлось вместить. Папашка и бесы, летающие руки и головы плавали в нем, как в аквариуме, и только крик дергача казался светлой соломиной, за которую и хватался я, утопающий в собственном переполненном уме.

Много раз в жизни слышал я этот странный — сырой и вечерний — скрип дергача.

Стрелкой вытянув шею, приклонив к земле острую голову, ходит дергач около дома в густой траве. И кажется, вот он, рядом, под этим лопухом. Зажжешь фонарик — и не видно никого в траве, то ли пропал дергач, то ли спрятался, то ли вовсе не было его.

Невидимый, неуловимый, скрипит он под нашими окнами каждую ночь, а глазу не поддается.

Между двух дергачей стоял я. Скрипуны медленно приближались друг к другу, и я стоял на том самом месте, где они назначили встречу. Место это надо было скорее освободить.

Вдруг дергачи замолчали. Наверно, подошли ко мне так близко, что скрипеть было стыдно. Притихли дергачи, которых иначе называют коростелями, а над лесом, над шуршуриным домом стоял огромный Северный Крест, который, кстати, иначе называют — созвездие Лебедя.

— Капитан! — крикнул я.— Пошли в дом. Надо попрощаться и дальше плыть.

— Давай так поплывем,— неожиданно близко отозвался капитан.— Давай так поплывем, не прощаясь. Заночуем в лодке. А то как бы чего не вышло.

— Обойдется,— сказал я и поднялся на крыльцо.

Приоткрыв дверь, мы заглянули в комнату. Орлова и Клары за столом, к удивлению, не было. У керосиновой лампы сидели кум, Леха и шурин.

У каждого из них мелькали в руках сверкающие стальные прутики. Остро отточенные, они шевелились, позвякивали, а у Лехи даже прищелкивали. У него и прутики были особенные — с красными, кровавыми шариками на концах.

— Двадцать два, двадцать три, добираю...— бормотал Леха.

— Сорок восемь...— под нос себе колдовал шурин.

Увидев эти прутики, ум мой невеликий оторопел. Особенным колдовским прибором показались мне они в первую минуту, и поразительно было, что у шурина на концах этих прутиков шевелился черный мужской большой носок с огромной пяткой.

Тут я заметил, что и у других приделано что-то к прутикам. У Хоботова — варежка с охотничьим пальцем, а у кума что-то длинное и черное, отчасти похожее на штанину.

Наконец, я сообразил, что прутики — это вязальные спицы, и понял, чем занимается вся компания. Они вязали.

Мирное это занятие показалось мне диким, несуразным, предательским и опасным. Жутковато было, что и летающая рука занималась этим немужским делом.

Никто не поднял головы, когда мы вошли в комнату, никто не оторвался от вязания.

Завороженно глядя на сверкающие спицы, мы присели на лавку у стены.

Картина неуместного вязания сразила капитана. Сидя на лавке, тревожно вертел он головой.

— Извиняюсь,— сказал он, откашливаясь.— Вы что же это — вяжете, что ли?

Никто не ответил. В тяжелом и мертвом молчании из-под стола вдруг выкатилось какое-то черное пушистое и круглое существо. Повертевшись посреди комнаты, оно всосалось под стол. Это был пухлый и мохнатый, кошачьего склада клубок шерсти.

Кум наконец щелкнул спицами, положил вязанье на стол и поднял глаза к нам. Внимательно-внимательно, строго и сосредоточенно разглядывал он нас с капитаном.

— Вот вы спрашиваете,— сказал кум,— вяжем ли мы? Отвечу откровенно: да, вяжем. Но и нас интересует: вяжете ли вы?

— Как то есть? — не понял капитан.

— А так, очень просто. Вяжете вы или нет?

Расширив глаза, глядели мы с капитаном на кума Кузю и не знали, что же ответить на этот простой и чудовищный вопрос.

«Что за наваждение? — думал я.— Откуда взялось это вязанье? Какое отношение имеет оно к самой легкой лодке в мире, к моему плаванию, к мечте? Нет, никогда в жизни не увязать мне, что происходит в мире, в людях, во мне самом. Пора в конце концов подумать, что, в самом деле — вяжем ли мы?»

Глава XXX

Мыльные пузыри

— Что же вы молчите? — сказал кум.— Вопрос очень простой: вяжете вы или нет?

Капитан оглядывался на меня, но я ничем не мог ему помочь. Растерянно, как школьник, капитан ответил:

— Нет, мы не вяжем.

— Вот я и чувствую, что вы не вяжете,— сказал кум.— А ведь надо вязать.

Оглядываясь на меня, капитан разводил руками. Он явно не понимал, как выплыть из этого дурацкого разговора.

— Мы постараемся,— неожиданно пообещал он.— Мы вообще-то давно мечтали вязать и, если надо, будем.

— Что за чушь? — сказал я.— С чего это мы будем вязать?

— А что? — спросил капитан.

— А то, что плавание и вязание несовместимы. Лично я вязать не собираюсь.

— Напрасно,— мягко заметил кум.— Вязание в жизни необходимо.

— Не вижу такой необходимости,— ответил я,— я вязать не буду и капитану не дам.

— Это почему же ты не дашь мне вязать? — раздраженно спросил капитан.

— Не дам, и все.

— А я буду вязать! — повысил голос капитан.— Подумаешь! Он не хочет вязать — значит, никто не должен. Я давно мечтал вязать. Одолжите мне спицы.

Шурин Шура, ухмыляясь, вскочил с места. Он заподмигивал капитану, нырнул в сундук, вытащил оттуда запасные спицы и клубок шерсти. Капитан же фотограф, который прежде и спиц-то в глаза не видал, схватил их и довольно шустро принялся рыться ими в клубке.

— Хочу и буду,— бубнил он себе под нос.

— Вот и молодец,— отечески поощрил его кум.— Вязание способствует хорошему сну, располагает к миру. Не мешает оно и чаепитию.

Неожиданно предательство капитана на почве вязания взбудоражило меня. Сжав кулаки, наблюдал я, как он тыкает вслепую спицами, пытаясь ухватить их кончиками тонкую нить. На старого китайца, который ест палочками рис, похож был сейчас капитан-фотограф. Всем ясно было, что вязать он никогда не научится, а сейчас водит спицами просто так, чтоб поспорить со мной.

— А ну брось спицы! — крикнул я.— Брось немедленно.

— Ни за что. Я давно мечтал вязать. Мне нужен свитер.

В глазах у меня потемнело. Я подпрыгнул, вырвал спицы из рук капитана и бросил со звоном на пол.

— Или спицы, или лодка! — задыхаясь, крикнул я.— Выбирай!

Капитан вскочил с места, как теленок, наклонил голову, будто собираясь бодаться. Леха Хоботов бросил спицы и стал принакручивать правой рукой, целясь мне в ухо.

Кум, однако, перехватил руку его.

— Ты что, нельзя! На место! — сказал кум.— Он же из Москвы...

— Хочу вязать... хочу вязать,— насупившись, бубнил капитан.— Что я тебе сделал?

— Пускай вяжет человек,— сказал Леха, убирая руку в карман.— А то спицами бросаетесь на пол.

— А ты, Леха, помолчи,— сказал я.— Ты со своими руками разберись. То она у него вяжет, то летает. Выбери что-то одно. Или вязать, или летать.

— У Лехи рука хоть и летающая, но трудовая,— сказал кум.— Мы его нарочно так приучиваем, чтоб его рука не только в воздухе болталась, но и делом занялась.

— Не верю,— сказал я,— не верю, чтоб летающая рука вязала варежки. Все ваше вязание для отвода глаз. Не понимаю только, от чего вы наши глаза отводите.

— Мы любим вязать в свободное время,— сказал кум, глядя мне в глаза.— И никому ничего не отводим.

— Вы просто не хотите, чтоб мы плыли дальше. Это Папашка велел остановить нас?

— Что за глупость? Что вы придумали? Никакого Папашки и на свете-то нет. Ну, а плыть вам дальше не советую. Опасно: болота, топи. Пожили бы здесь, у Шуры — рыбалка, грибы, ягоды. И ваши друзья с вами — Орлов, Клара...

— А где они сейчас, Орлов и Клара? — спросил я, глядя куму в глаза.

— Да здесь они, неподалеку. Пошли прогуляться, на звезды поглядеть.

— Ерунда,— сказал я.— Их здесь и вовсе не было. Настоящие Орлов и Клара в Москве сидят, а эти поддельные, мыльные пузыри. Где сейчас Клара? Где? Возникла на миг — и пропала.

— А ведь в жизни всегда так,— сказал неожиданно шурин.— Возникнет на миг — и пропадет. И ты, и я, и все мы.

— Но мы с капитаном пока еще не пропали,— сказал я.— Брось спицы, дурак. Мы плывем дальше.

— Куда это вы плывете? — прищурился шурин.— Папашку, что ль, искать?

— Да нет, так просто поплывем, сами по себе. А Папашка, если надо, сам нас найдет.

— Вот это верно,— засмеялся шурин.— Но, по правде говоря, Папашка вас давно уже нашел.

— Как это? — не понял капитан.

— А так,— ответил шурин,— Папашка — это я.

Глава XXXI

Разговор с кустами козьей ивы

Капитан-фотограф все-таки не удержал спицы в руках. Со звоном упали они на пол, клубок шерсти покатился под стол.

А коростеля-то скрипуна я всё-таки заметил

— Так вот кто Папашка...— заикнулся капитан.— А я-то думал...

— Да, я — Папашка,— подтвердил шурин.— А дядя Кузя с Лехой — моя бригада.

Шурин гордо оглядывался. Его некрупные малоголубые глаза с большим достоинством мигали над щеками.

— Самый незаметный, самый скромный,— сказал капитан.— Его бьют по щекам, он падает на пол, и он же Папашка.

— Пускай бьют,— сказал шурин.— Пускай тиранят. Но Папашка — это я.

— И он еще вяжет! — воскликнул капитан.

— Да, я вяжу,— скромно подтвердил шурин.— Вяжу носок для каменной ноги. Скажу вам честно, в крапиве валяется вовсе не памятник культуры. Это моя собственная запасная нога.

— Просто смешно слушать все это вранье,— сказал я.— Шурин Шура — Папашка, ну, уморили! Кому нужен Папашка, который вяжет носки, подставляется под удары летающей руки! Это не Папашка, это...

— Почему же нельзя прикинуться? — сказал шурин.— Я скромный.

— Нельзя, никак нельзя прикидываться,— сказал я.— Настоящий Папашка — это остров, тонущий в озере, это ночь, которая давит на сердце, это два дергача. Папашка — это жизнь и смерть, а такой дурак не может быть Папашкой.

Сам не знаю для чего, я вскочил с места, подлетел к шурину и изо всех сил дернул его за нос.

— О! — закричал ошеломленный Шура.

— Привет, Папашка! — крикнул я и побежал к двери, и сразу же ринулась за мной летающая Лехина рука. Забыл, забыл-таки Леха Хоботов, что я москвич! Уж не знаю, что хотела сделать со мною его рука — поймать ли, задержать, дать по шее, но не был бы я москвичом, если бы вдруг на пороге не прищемил дверью Лехину конечность, а дверь заклинил на крючок.

В безымянной тьме добежал я до берега и увидел светлую лодку на черной воде. Я прыгнул на свое бамбуковое место, «Одуванчик» сразу вынес меня на средину реки. Я и весла-то взять не успел, а «Одуванчик» уже летел по реке подальше от шуршуриного дома...

Есть на свете такие люди, которые умеют убегать.

Сидят, сидят вместе со всеми за дружеским столом, едят, смеются — и вдруг вскакивают, хлопают дверью и бегут!

За ними гонятся, кричат, извиняются, уговаривают, а они бегут, бегут, убегают. А потом уж падают в траву и плачут.

Мне такие люди не очень нравятся, но я, между прочим, и сам такой человек. Не знаю почему, но порой я и сам так вскакивал и убегал, прятался и плакал, а потом уж бежал дальше. Где бы я ни был, где бы я ни жил, я в конце концов обязательно оттуда убегал, только скорость была разной — то помедленней, то побыстрей.

Вот и сейчас я убегал, но не плакал, а смеялся. Мне было легко и весело, и если бы настигла меня сейчас летающая рука, я бы ее немедленно утопил.

Но летающая рука не настигала меня и не могла настигнуть. Летающие руки обычно ленивы. Летать-то они летают, но зачем им, скажите на милость, без толку летать? Ну, настигнет, ну, даст по зубам, а дальше-то что?

А ведь ночь была уже на земле. Полная, окончательная ночь. Ничего светлого не светило в ней, только серебряный «Одуванчик» да немыслимый Орион.

Под Орионом перед «Одуванчиком» уже шевелился, уже мутно набухал новый, досолнечный туман. От берегов, от корней осин, из осок вываливал он, но был еще легок и нежен, тающ и невесом.

— Э-э-э...— послышалось издалека.

«Капитан-фотограф зовет,— подумал я.— Эх, надо возврашаться, бросать его нельзя. Я и так уж его обидел: помешал вязать. Интересно, чего это я так восстал против вязания? Ну, сидел бы себе на носу лодки и вязал. А Орлов и Клара? Их тоже жалко бросать. Настоящие они или поддельные — все равно друзья. Да, жалко, что я построил самую легкую лодку. Надо бы строить понадежней, покрепче, чтоб все влезли: и Орлов, и Клара, и капитан. А так неловко получилось, построил для себя — сам и поплыл».

Я развернул «Одуванчик», взмахнул веслом и скоро увидел свет в окнах шуршуриного дома, темные шары козьей ивы на берегу.

— Ты куда делся? — послышался голос, на берегу вспыхнул огонек орловской папироски.

— Надоело в доме сидеть,— сказал я,— решил покататься.

— А меня, что ж, бросил? — послышался голос капитан-фотографа.

— Да нет, что ты,— ответил я.— А насчет вязания ты не обижайся. Вяжи сколько душе угодно. Сиди на носу лодки и вяжи.

— Насчет какого вязания? — послышался третий голос. Как ни странно, это была Клара.

Капитан что-то забормотал ей в ответ, я не мог расслышать. Ясно было, что они пререкались.

— Вылезай на берег,— сказал Орлов.— Пошли спать к шурину на сеновал.

— Да нет,— сказал я,— мы дальше поплывем. Капитан, садись на корабль.

— Эй, вы! — крикнула вдруг Клара.— Плывите один, капитана я не отпущу.

— Видал,— сказал Орлов,— она его уже не отпускает.

— Ерунда,— отозвался капитан,— никто меня не удержит. Завтра после обеда поплывем.

— Ну да, конечно,— иронически протянул Орлов.— Завтра после обеда. Нет, брат, не жди капитана, плыви один.

— Может быть, ты со мной, Орлов?

— Да ведь я опоздал. А кто опоздал, тот опоздал. Плыви один, не теряй времени. Скоро и луна взойдет.

Я шевельнул веслом, отвел лодку от берега — «Одуванчик» заскользил мимо кустов козьей ивы.

— Ну ты что, плывешь или на месте стоишь? — спросил Орлов.— Я не вижу в темноте.

— Боюсь оставить капитана,— ответил я.

— Да ничего страшного,— сказал Орлов.— Все обойдется. Ну, так ты что — плывешь или стоишь?

— Я еще не знаю,— сказал я.— Я думаю.

Сено, про которое я совсем забыл, сено, которым наполнена была лодка, шевелилось и шуршало. Запах сухого клевера и зверобоя, подмаренника и душицы охватывал меня. Я был в середине огромного букета, собранного со всей земли.

Раздумывая, как мне быть, сидел я в лодке, и течение несло «Одуванчик» вперед к Покойному озеру.

КОНЕЦ

Глава 3, со снегом, льдом и веселой игрой

И снова тебя ждет чудо... Хотя нет, постой, от чудес тоже надо отдыхать. Звенит лед под голубыми лезвиями коньков, снежинки пахнут леденцами... Зимний прозрачный день — вот что удивительнее и прекраснее самых невероятных чудес.

Скорее на улицу! Там расправляет свои волшебные крылья игра.

Разрешите представиться — Борис Николаевич Зажорин, ведущий телевизионной передачи «Веселые старты». В детстве я любил и люблю до сих пор играть на улице зимой. Если хотите, сегодня мы можем поиграть вместе.

Для начала слепите большого снеговика и пропустите сквозь него канат. Потом разделитесь на две команды, встаньте друг против друга в двух-трех метрах от снеговика и возьмитесь за канат. Сигнал — и каждая команда начинает тянуть канат в свою сторону. Победят те ребята, которым удастся перетянуть соперников так, чтобы они обняли снеговика.

Рядом с вашим домом или на школьном дворе скорее всего залит каток. На катке я предлагаю организовать старинную русскую игру «котёл». В нее играли задолго до того, как появился хоккей. Попробуйте и вы!

На ледяной площадке начертите круг диаметром десять метров, а внутри него еще один круг диаметром один метр. Это и есть «котёл».

Бросьте жребий: кто вытянет, тот — водящий. Он должен охранять «котёл», чтобы туда не попала шайба.

Возьмите клюшки. Передавая шайбу по кругу или поперек него, старайтесь неожиданно ударить по шайбе так, чтобы она попала в «котёл». А водящий пусть внимательно следит за вами, чтобы не пропустить шайбу. Если же она попала в «котёл», водящий входит в общий круг, а тот, кто сумел забросить шайбу, становится на его место.

Во время игры не стойте на месте — двигайтесь по кругу.

До новых встреч в новом году!

Разрешили держать

...Этого пса я увидела впервые на Птичьем рынке. Он сидел, не двигаясь, среди текучей и шумной толпы. Хозяева привели продавать его к концу дня, не нашли удобного места и пристроились почти на проходе.

Пес был серый, даже серебристый, очень мохнатый и совсем небольшой. Густая челка над глазами пса была заколота двумя черными невидимками. Бедняга сидел, глядя перед собой и оцепенев от тоски. Тут-то я его и купила.

Он был молод — недавно исполнился год. Прежних хозяев он очень любил. У меня дома пес не ел целую неделю. Он все время лежал у стены, раз в сутки вставал и лакал воду из миски. Гулял вяло, равнодушно трусил за мной. Пес заметно слабел, а нос у него был сухой и горячий.

Пришлось мне съездить к его прежнему хозяину и уговорить, чтобы приехал ко мне и покормил Тобку — так звали пса... После визита своего хозяина он как будто смирился с новой судьбой. Уже вечером на прогулке начал бодро нюхать под кустами и взлаивать на мимо бегущих котов. Он даже немного пробежался...

Часто я слышу от какого-нибудь мальчишки — хочу собаку, но только овчарку. Или только дога. Или непременно охотничью.

Но порода не просто внешний вид собаки. Это определенные качества пса, его характер, способности... Люди выводили породы веками. В каждой закрепляли нужные свойства. Верность хозяевам, агрессивность к чужим — в собаках сторожевых. Прекрасное чутье и быстрые ноги — в гончих. Силу и доброту — в собаках-«спасателях».

Вот эти-то качества и характеры нужно умело развить. А такая задача по плечу лишь человеку, имеющему опыт дрессировки.

Я советую тебе завести беспородного пса. Дворнягу. Верного и вечного спутника человека. В дворняге заложены свойства всех пород. Психика дворняги пластична и податлива, мышление находчиво, поведение гибко и приспособлено к любым ситуациям. Когда-то был проведен опыт: на необитаемый остров завезли собак самых разных пород, в том числе дворняг. Через год на острове жили одни дворняги. Они оказались выносливее.

Дворняги поддаются дрессировке куда лучше собак с родословной. У сторожевых породистых псов характер часто бывает врожденно злобным. Злобную дворнягу встретить трудно, если ее только не приучили быть такой. Как правило, дворняга общительна, приветлива, понятлива, а самое главное — бесконечно предана человеку...

Есть в Москве необычный собачий клуб. Называется он «Дружок». Существует уже восемь лет. И объединяет хозяев беспородных собак. Афиши клуба, которые появляются весной на стенах московских домов, начинаются так: «Уважаемые владельцы беспородных собак». Кстати, зарегистрированных беспородных собак в Москве около шестидесяти тысяч. А породистых только двадцать тысяч... Клубы, подобные «Дружку», есть и в Свердловске, Челябинске, Риге.

В московском клубе «Дружок» рассказывают, как правильно вырастить и содержать собаку, устраивают встречи с ветеринарным врачом. В клубе организованы курсы дрессировки, проводятся конкурсы красоты.

В клубе «Дружок» я встретилась и разговорилась с Надей Корнеевой, инструктором служебного собаководства. Когда ей было двенадцать лет, она пришла в клуб. Дома Наде разрешили взять собаку. Но с одним условием — все для своего питомца она будет делать сама.

Г. ПОТАПОВСКАЯ

Собаку...

— Мою первую собаку звали Керзон,— рассказывает Надя.— Он был неведомой породы, но очень хорош собой. Свой первый в жизни суп я сварила именно для него. Половую тряпку я взяла в руки первый раз в жизни, чтобы вымыть пол, когда его испачкал мой пес. Я стала убирать квартиру от шерсти и два раза в день подметать. В общем, научилась все делать, чтобы мама уверилась: я могу содержать Керзона. Он приучил меня не только к труду: из-за него я начала заниматься спортом. Да-да, не шучу. Чтобы собака была здоровой и выносливой, ей нужно прыгать и бегать. И я стала бегать и прыгать с Керзоном... Сейчас у меня два пса — дворняга и дог. Но дога я завела, только когда узнала все тонкости дрессировки...

Ошибаются те, кто думает, что на соревнования по дрессировке допускаются только породистые собаки. На все соревнования: городские, общесоюзные, районные — беспородные собаки допускаются наравне с породистыми. Крупные беспородные псы могут участвовать в соревнованиях по буксировке лыжника, розыскной и спасательной службе. Дворняги награждаются теми же медалями и жетонами, что собаки любых пород. И на площадки дрессировки в любом городе допускаются все желающие с собаками любой породы. Каждая городская собака должна быть непременно обучена простейшим правилам поведения на улице и в квартире.

А теперь — о самом главном. Дорогой читатель, ты должен договориться с родителями, чтобы они разрешили тебе держать собаку. Без их согласия не надо приводить щенка домой: это не шутка — отвечать за жизнь четвероногого друга... И с самого начала помни, что кормить, выгуливать, дрессировать собаку должен ты сам, не перекладывая своих обязанностей на родителей.

Если тебе разрешили держать дома собаку, послушай несколько советов.

Прежде всего сходи в библиотеку и почитай те книги, которые посвящены собаководству.

У собаки непременно должно быть свое место в квартире, но не в проходе, чтобы не мешать никому в доме, и не возле двери, где собака может простудиться из-за сквозняка.

Заведи отдельную посуду для приготовления корма и мисочки для еды, лучше всего эмалированные. Составь график кормления щенка, с равномерными промежутками между кормежками. Их должно быть не больше трех в день.

Щенку, которого ты поселишь на улице в будке, нужно давать больше корма, чем домашнему псу. Весной добавляй в корм щенка зелень: ошпаренную, а затем охлажденную крапиву, ботву свеклы, капусту. Если щенок не доел корм, его надо убрать.

Не корми щенка у стола, когда ты ешь сам! Не приучай его попрошайничать. Если он отказывается есть, не заменяй один корм другим.

Выводи щенка на прогулку после каждого кормления и после сна. Так щенок станет чистоплотным. Наказывать щенка за то, что он оправился в комнате, нельзя.

Заведи щенку резиновые мячики, чтобы он не грыз вещи.

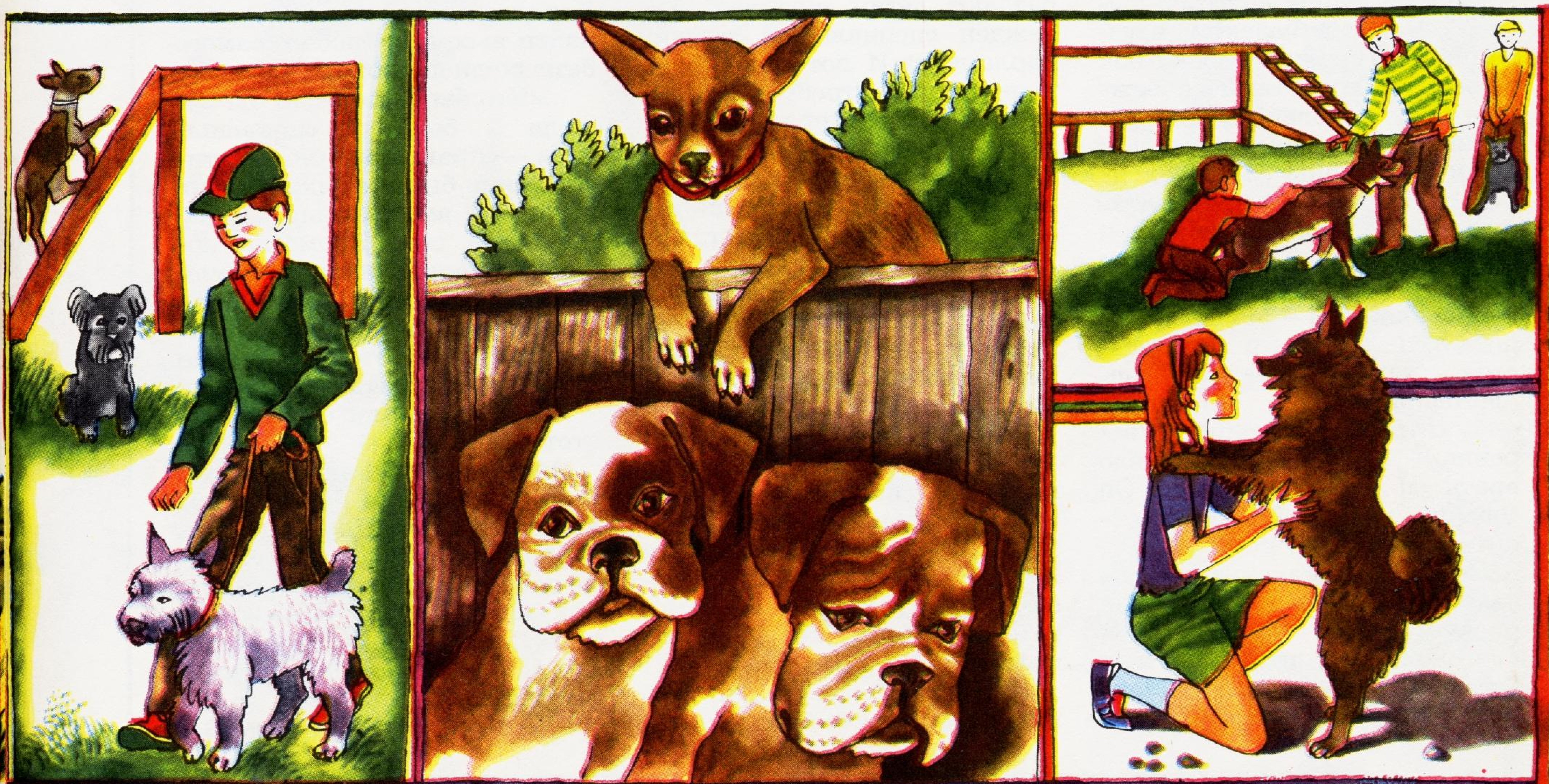
Первая команда, которой следует обучить щенка,— «Ко мне!». Когда щенок подбегает на зов, дай ему четверть кусочка сахара и приласкай. Если ты скомандовал «Ко мне!», когда щенок провинился, нельзя его наказывать. Он может не выполнить команду в следующий раз.

Начиная с двух месяцев, приучай щенка садиться по команде «Сидеть!». Команда должна звучать всегда одинаково. Нельзя вместо «Сидеть!» говорить «Сядь» или «Садись». Когда щенок сел, дай ему кусочек сахара. Не утомляй щенка — повторять команду более двух-трех раз не надо. Не спеши начинать следующий прием или усложнять его, если предыдущий плохо усвоен.

Приучай щенка гулять в любую погоду. Закаливай его и закаляйся вместе с ним.

Дорогой друг! Если там, где ты живешь, нет клуба собаководства, не огорчайся. Напиши нам в редакцию. Мы постараемся тебе ответить и дать совет. Попробуй вместе со старшими организовать клуб «Дружок» у себя в городе или поселке. Думаем, тебе и твоим друзьям поможет местное общество любителей собаководства.

Рисунки А. БОРИСОВА.

КОГДА КОРОЛЬ — МАЛЬЧИШКА!

Нет на свете человека, который бы взялся читать книгу польского сказочника **Януша Корчака** и сказал: «У, скука!» Или вообще не дочитал до конца.

Взять хотя бы книжку о короле Матиуше. Она довольно толстая. В ней две повести: **«Король Матиуш Первый»** и **«Король Матиуш на необитаемом острове»**.

С первой же страницы начинаются сногсшибательные происшествия. По городу ползут слухи. Вроде бы вместо живого короля Матиуша во дворце на троне сидит... фарфоровая кукла! И, между прочим, не просто сидит. Она разъезжает по улицам в автомобиле. А во время аудиенций канцлер незаметно дергает за веревку, и кукла кивает головой и отдает честь!

Вы спросите, куда подевался король.

Он тайком удрал из дворцовых покоев на войну. Правда, не на белом коне, как мечтал Матиуш. И жители столицы не усыпали его дорогу цветами. Вместе со своим другом — сыном сержанта Фелеком, неузнанный, он сражается бок о бок с простыми солдатами и побеждает трех королей!

Множество людей окружает Матиуша. Разные, непохожие, но все они, как считает Матиуш, делятся на **спокойных** и **беспокойных. Беспокойные** люди бывают злые и добрые.

Беспокойный — Молодой Король из соседнего королевства — жадный, вредный, неблагодарный. И его шпион — хитрый журналист, уверенный, что в газетах все надо врать. И царь Пафнутий! Он говорит, что детей можно воспитывать только ремнем.

Но ведь и маленький почтальон-крысенок, который, рискуя своим здоровьем и благополучием, пробирается на остров Белого Дьявола и приносит Матиушу письмо от африканской девочки Клу-Клу, тоже **беспокойный.**

А сама Клу-Клу! Да она любому мальчишке нос утрет! Знаете, как она стреляет из лука?! А ловит лошадей с помощью лассо? А как она спасла город, победив в схватке один на один матерого волчищу?!

Но самый беспокойный из всех героев книжки — это, конечно, Матиуш. С тех пор, как он вступил на престол, все в королевстве идет кувырком! Министры в панике: как бороться с «дурацкими» затеями короля, когда король — мальчишка?!

Раньше во дворце царила гробовая тишина, теперь — смех, беготня, крик! Повсюду солдаты с грузовиков раздают детям шоколад! Учрежден специальный детский парламент! И вот что неслыханно: король требует дать детям такие же права, как и взрослым!

Под знаменем цвета травы и листьев он хочет объединить всех детей, решив, что тогда на Земле прекратятся драки, ссоры и войны. Ведь ребята привыкнут жить в мире и, когда вырастут, не захотят воевать. Как не хочет воевать сам король Матиуш.

Он даже не побоялся отправиться в Африку, чтобы познакомиться и подружиться с черным-пречерным вождем дикарей и людоедов благородным Бум-Друмом. (Правда, тот пообещал, что скорее съест самого себя, чем тронет Матиуша пальцем.)

Матиуш мечтает увидеть своих подданных счастливыми. Он чувствует ответственность за все и за всех, он честно и бескорыстно трудится. Но его усилия оказались напрасными. Король детей Матиуш не знал, как изменить и улучшить мир. И что дети тоже бывают разные. Ведь нельзя же делать полноправным гражданином королевства того, кто сваливает свою вину на слабого, врет, выкручивается и жульничает.

Слишком поздно Матиуш понял: «Кто хочет пользоваться правами наравне со взрослыми, должен доказать, что у него есть ум и отзывчивое сердце».

Какие только приключения и, прямо скажем, передряги не выпали на долю Матиуша! Битвы и атаки... Предательство и трусость подданных... Он сидел в плену в сырой и темной камере, где по стенам ползали клопы с пауками... Бежал из плена. Скитался, преследуемый врагами... Жил на необитаемом острове... А когда совсем отчаивался, вспоминал Печального Короля.

«Не теряй присутствия духа! — говорил ему Печальный Король.— И всегда старайся найти выход из любого самого безвыходного положения».

...«Что бы было, если бы все люди были **спокойными?**» — спрашивает себя Матиуш. Жили бы себе тихонько, ни во что не вмешивались... Как, например, соня Дормеско, который заявил однажды: «Нечего думать, надо подчиняться приказам!» Или королева Кампанелла? (Ее потом съел один злодей и шарлатан.)

Матиуш не смог ответить на этот вопрос.

А мне кажется так: лучше уж быть **спокойным,** чем **беспокойным** и **злым.** Но еще лучше, чтоб на Земле больше всех было **добрых беспокойных,** таких, как мальчик Матиуш и писатель Януш Корчак, автор прекрасной книжки, которую я всем желаю прочитать.

М. ТИШКОВА.

Глава 4, очень-очень карнавальная

Ты уже многое умеешь, и тебе ничего не стоит превратиться в настоящую принцессу (если ты девочка). Или в принца (если ты мальчик). Впрочем, почему бы под Новый-то год, на карнавале, не попробовать и наоборот?

Карнавал! Ты хочешь быть самым красивым? Сколько хлопот... Новое платье, новые туфли! А скучно-то! Попробуй для разнообразия стать самым смешным!

Пионеры-тельмановцы из местечка Дартшвиц так и делают — они устраивают ТРЯПИЧНЫЙ БАЛ!

Познакомьтесь: Король оборванцев! Мантия? Рваная занавеска.

Ожерелье? Из пустых катушек.

Корона? Старая кастрюля!

А как прекрасно засверкает на груди гнутая поломанная ложка! А что за прелесть мочалка на веревочке!

Кружатся в зале принцессы и цыганки, рыцари и домовые. Сгодилось все: выброшенная обувь, дырявые горшки, картонные ящики, ветошь, старые абажуры. Словом, все, что представляет интерес для утильсырья, отлично пригодилось прекрасным дамам и благородным кавалерам.

Танцы, фокусы, игры. И вот... Конкурс костюмов! Призы? Их много. Тем, у кого самые смешные костюмы.

А после «демонстрации мод»... веселые костюмы опять превращаются в рваные занавески, мочалки, катушки. То есть опять представляют несомненный интерес для приемных пунктов утильсырья.

За чем же дело? В новом году надо их сдать. Сразу отряд первое место займет.

Наша «Книга игр и чудес» не имеет конца. Хочешь, допиши ее. Пришли нам в редакцию письмо — расскажи, как ты провел новогодний праздник и пригодилась ли тебе наша волшебная «Книга».

С Новым годом!

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 1—11.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава тринадцатая

Белое чудо

На предпоследнем уроке Марфа Петровна попросила учеников написать сочинение на тему: «Моя любимая птица».

Валерка сначала обрадовался:

«Я первым напишу!»

И стал перебирать: какая же самая-самая любимая?

Скворушка? Ведь это он на своих крыльях весну приносит! А как заливается по утрам!

А ласточки? Летом под карнизом дома гнездо слепили из земли и глины и детишек вывели...

В переулке мальчишки заметили ворону. Она нырнула в снег и поползла, оставляя позади себя глубокий след.

Как же я про синичек забыл? В прошлую зиму у меня с ладони подсолнечные семена брали. А под Новый год, в мороз, даже в избу к дедушке на ночь греться залетали!

Решительно придвинув к себе тетрадь, Валерка написал первую фразу: «За что я люблю синицу?»

В классе, хоть и утро, горел свет.

Тянулась последняя декада декабря, а снежку еще не было. Зато из ночи в ночь крепчали морозы — чуть ли не январские. Окаменевшая земля на буграх вся потрескалась. Прохватывающая до костей предутренняя мгла — вязкая, колючая — держалась чуть ли не до обеда. Лишь к полудню седая изморозь слегка рассеивалась. Но радости не было: над землей висело все то же тоскливо-серое, глухое небо.

Вот-вот должен был постучаться в ворота Спиридон-солнцеворот. Дедушка Терентий говорил днями: «После двадцать пятого числа ночи станут убывать. Солнышко на лето покатится, а зима на мороз поворотится».

Да что-то не верилось... Неужто и в самом деле вскоре в Марфинку пожалует долгожданная зима?

Вздохнул Валерка глубоко. Поставил точку. Все! Можно отдавать Марфе Петровне свое сочинение.

Вдруг ему показалось, что в классе заметно посветлело. Потер кулаком уставшие глаза.

Собрался глянуть в окно, а Петька ка-ак закричит:

— Снег повалил! Марфа Петровна, ребята, снег!

В классе поднялся несусветный гвалт. Все бросились к окнам.

Даже сама Марфа Петровна подошла.

А на улице — белое чудо. Сплошной стеной валил снег. Крупные снежинки неслышно падали и падали, одна пышнее другой. Падали на продрогшую землю, истосковавшуюся по теплой, надежной шубе.

Не было видно не только изб на той стороне улицы, даже веселый, оранжевый штакетник, окружающий школу, испарился бесследно. Вырисовывались смутно одни коренастые яблоньки вблизи окон.

Через день-другой все привыкнут к снегу. За долгую зиму он может и надоесть. Но эта вот первая с ним встреча — волнующая до слез радость.

С такой же трепетной радостью встречаем мы и весенний ледоход, и первый дождь с полыхающей вполнеба молнией, и начало звонкого золотого листопада.

Когда вышли после уроков из школы, снег уже перестал. Затихло все вокруг. Лишь ребята, выбегавшие из школы, нарушали непривычную белую тишину. Кидались снежками, пахнущими спелыми арбузами, кувыркались через голову.

Но радовались снегу не только школьники.

В переулке мальчишки заметили опустившуюся на снег ворону. Оказывается, она решила устроить себе баню. Нырнула в рыхлый, живой снег, точно под невесомое пуховое покрывало. И поползла, нахохлившись, оставляя позади себя глубокий след. Вынырнув, встряхнулась. Настороженно огляделась вокруг и снова нырнула в снег.

Петька собрался было вспугнуть ворону, да Валерка удержал его.

— Пусть купается! — сказал он.— За лето и осень она все перья перепачкала на мусорных кучах. Надо ж и вороне почиститься!

У Петькиного дома мальчишки расстались.

Поднялся Валерка к себе на крыльцо. И прежде чем войти в сени, сказал сам себе: «Кончается декабрь, кончается и мой календарь природы. На Новый год преподнесу дедушке свое сочинение».

Дина ТЕЛЕВИЦКАЯ

Каток

Вот времени замедлив бег,
Над городом притихшим снег,
Вальсируя, кружится,
Снежинками ложится
На голову и плечи.
Как сказка, этот вечер.
И я беру свои коньки —
Они немного велики —
И выхожу из дома.
Как будто незнакома
Мне эта улица моя.
А может, в снежном царстве я?
Но даже сквозь волшебный снег
Мне виден в нашей школе свет,
И музыка издалека
Звучит со школьного катка,
И спорить я готова,
Что встречу там Орлова!
И я вбегаю на каток,
Коньки надев. Вперед! Рывок!
— Посторонись! — Орлов кричит.
Он с Ильиною в паре мчит...

А мне-то что, мне — ерунда!
Но больше не приду сюда.

На лыжах

На лыжах по лесу — вперед
Вдоль солнечного дня,
Куда нас время приведет
И выведет лыжня!
Почти до неба дуб дорос,
Рябинок спящих ряд,
И светлость нежная берез,
И елей строгий взгляд.
Мы то бежим, то встанем вдруг
Послушать тишину,
И лес впускает двух подруг
В волшебную страну.
Он чудо может совершить,
Засеребрившись весь.
О сокровенном говорить
Легко и просто здесь.
Друг другу слово мы даем,
Смущенные слегка,
Что дружбы нашей пронесем
Лыжню сквозь все снега...

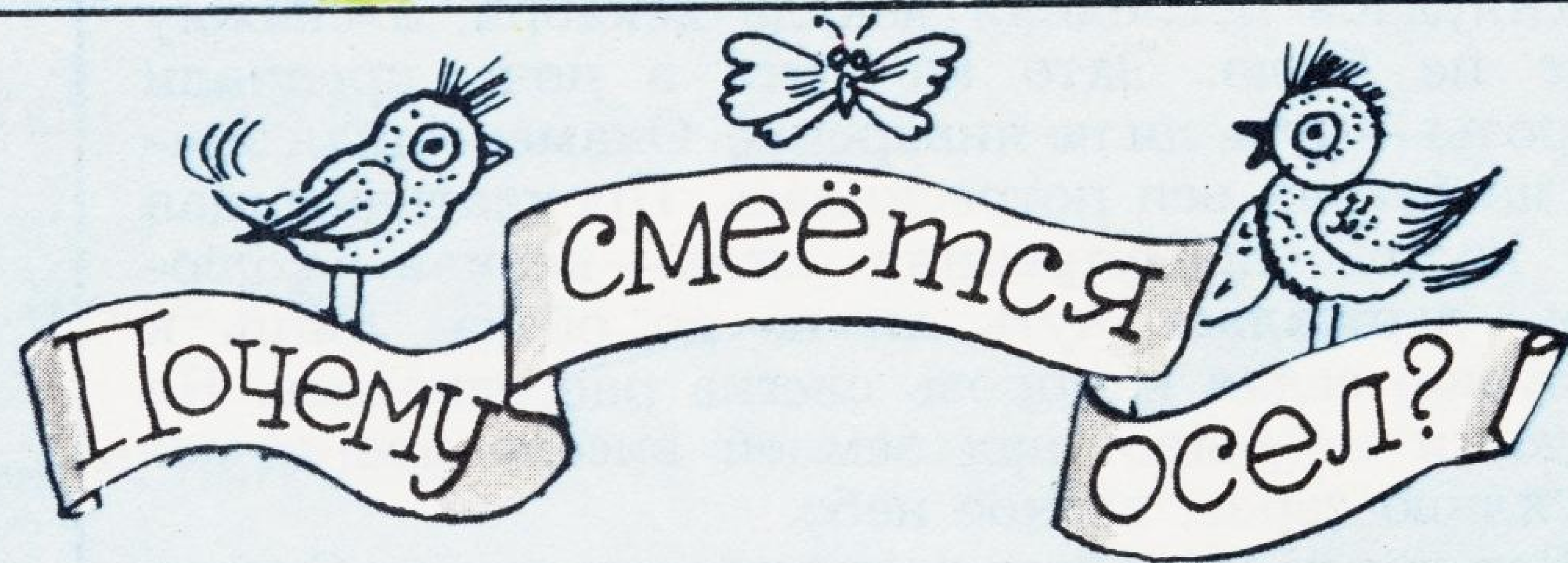
УМА ПАЛАТА

Поздравляем! Поздравляем! Поздравляем! Поздравляем!

Рисунки А. Вовиковой.

Ответственный дежурный Никита Разговоров.

Торговец держит меч и щит
И, сидя на осле, кричит:
— Вот щит — ударь любым мечом,
Ему все будет нипочем!
— Вот меч — подставьте щит любой,—
Ударю — и насквозь пробой!

Но почему — простой вопрос —
Осёл от смеха морщит нос?

Чтоб это вам яснее стало,
Перечитайте все сначала!

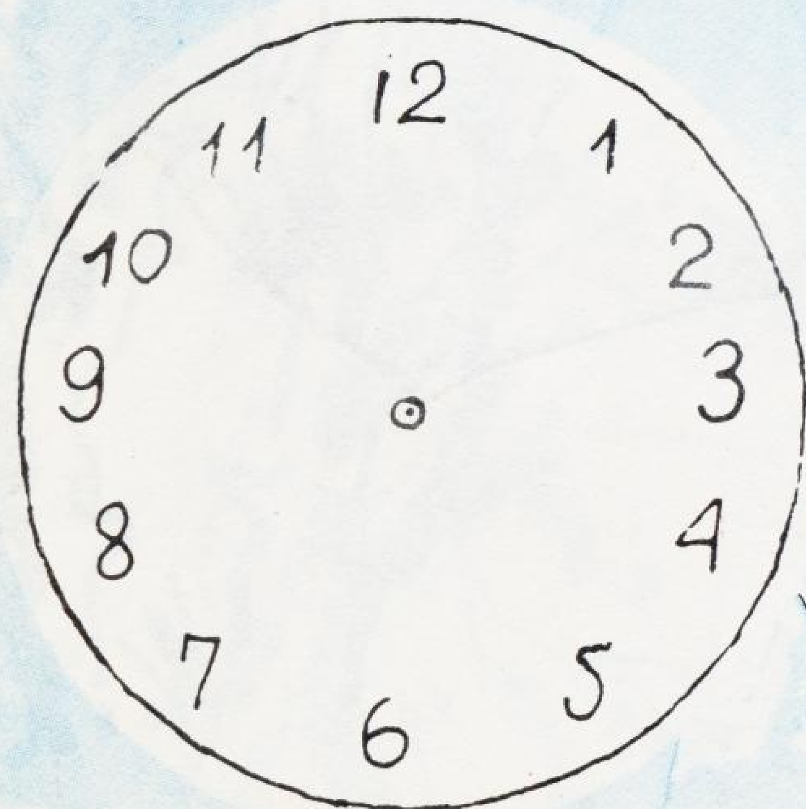
Живживка

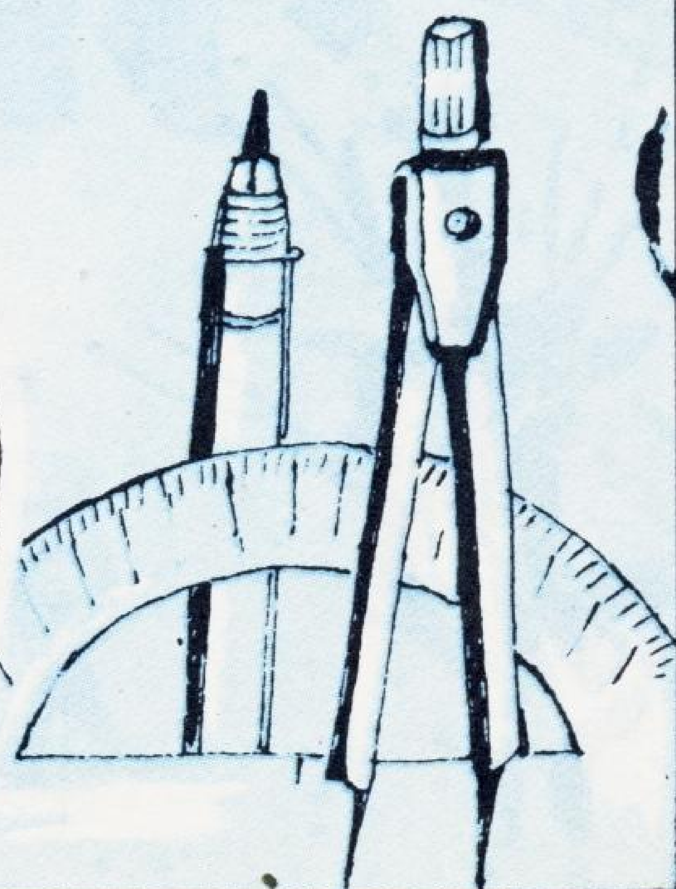

ПО НЕЗРИМЫМ СЛЕДАМ

Заострите ум и взгляд!
Разделил я циферблат
На три части так, что в каждой
Суммы чисел все равны!
Вслед за мною это так же
Совершить и вы должны.

Две прямые проведите,
Поскорей ответ пришлите!

Из названия страны каждой марки возьмите столько рядом стоящих букв, сколько обозначено в кружочке. Из собранных вами букв должно составиться название страны на перевернутой марке справа. Ждем ваших ответов.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 11.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Секретный приказ: Будь врагом лени.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Ералаш: 1—Е—крестьянин—грабли; 2—Л—парикмахер—клиент; 3—З—регулировщик—жезл; 4—И—штангист—штанга; 5—Ж—рыбак—сети; 6—К—маляр—кисть; 7—М—укротитель—лев; 8—А—официант—поднос; 9—Г—трубочист—труба; 10—Б—повар—плита.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Лесные телефоны: нельзя позвонить улитке.

Четырнадцать башен: маршрут—Е, Д, Г, Ж, В, Б, З, А, И, К, Л, М, Н, О.

Юбилей у наших друзей!

Пятнадцать лет назад впервые появились они на страницах «Пионера». Старый мореход, капитан Перо, которому так часто не хватает дельного помощника. Весельчак Живживка, лукавый Дед Буквоед — он так любит водить вас, ребята, по таинственным лабиринтам, которые строит из таких, кажется, знакомых букв и слов. И, наконец, леди Лупа и ее спутник, джентльмен Пинцет, самые всезнающие на свете коллекционеры марок и загадок.

Замечательный дом построен для них в нашем журнале — Палата Ума. А возвел эту полную тайн палату самый настоящий волшебник и самый ответственный дежурный — Никита Разговоров.

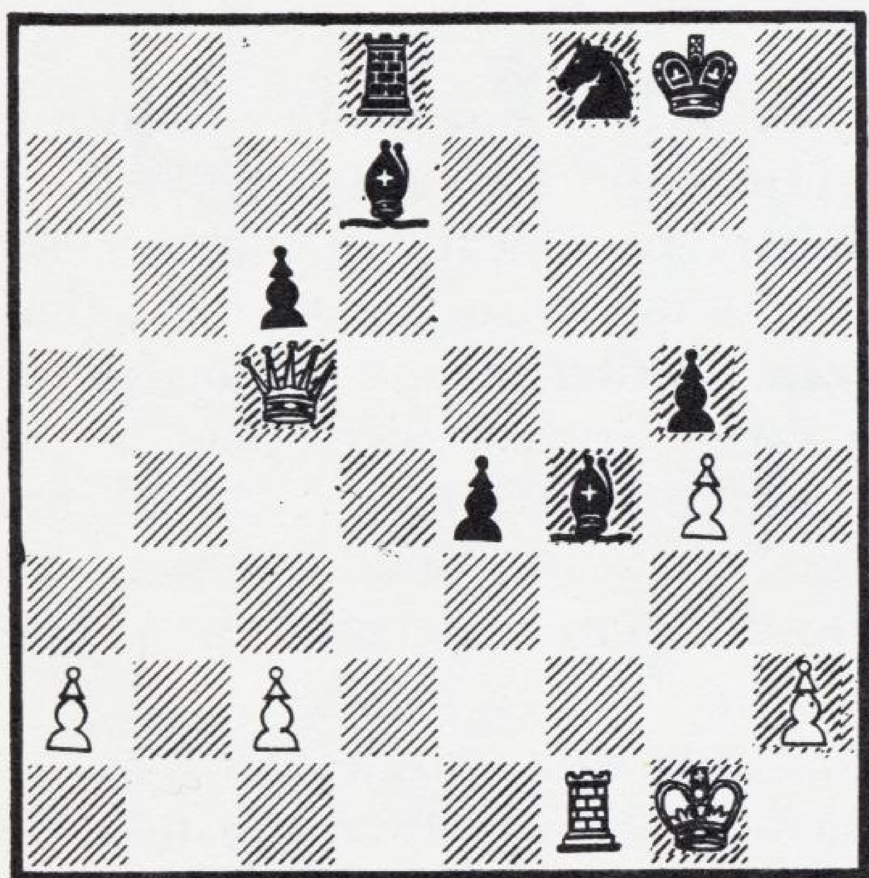
Только подумайте, ребята, сколько потрудился за пятнадцать лет веселый отряд под командованием Никиты Разговорова, оттачивая у вас остроту ума, тренируя зоркость глаза, развивая внимательность!

Поздравим их с юбилеем! Пожелаем им увлекательных путешествий, интересных загадок, верных и умелых помощников.

Новые имена

Сборные команды всех союзных республик, Москвы и Ленинграда оспаривали победу на VIII летней Спартакиаде народов СССР. И во всех командах были дебютанты — те, кто впервые выступал в соревнованиях такого высокого уровня. Среди них немало недавних участников пионерских турниров клуба «Белая ладья» и соревнований команд Дворцов пионеров. Интересную игру показали кандидаты в мастера Александр Авшалумов из Баку, Рашид Зиятдинов из Ташкента, Владимир Ронин из Кокчетава, Лола Насырова из Душанбе, Калле Кийк из Пярну, Карен Мовсисян из Еревана. Особенно заинтересовала игра недавнего участника школьных первенств семнадцатилетнего мастера Лембита Олля (Таллин). Вот отрывок из его партии с опытным международным мастером Элисбаром Убилава (Тбилиси).

У черных три легкие фигуры за ладью. Если им удастся наладить взаимодействие своих сил, например, после хода Ле8, то позиция белых может рухнуть. Вот почему Лембит немедленно организовал атаку, затрудняющую черным осуществление их планов.

События развивались так: 32. Лf1:f4! Kf8—e6 (конечно, не 32... gf 33. Фg5+) 33. Фc5—e7 g5:f4 34. g4—g5!

Эта коварная пешка приобретает теперь решающее значение. Добравшись до g6, она поддерживает удары на полях f7 и h7.

34... Cd7—c8 35. g5—g6 Лd8—d1+ 36. Kpg1—f2 e4—e3+ 37. Kpf2—f3 Ke6—d4+?

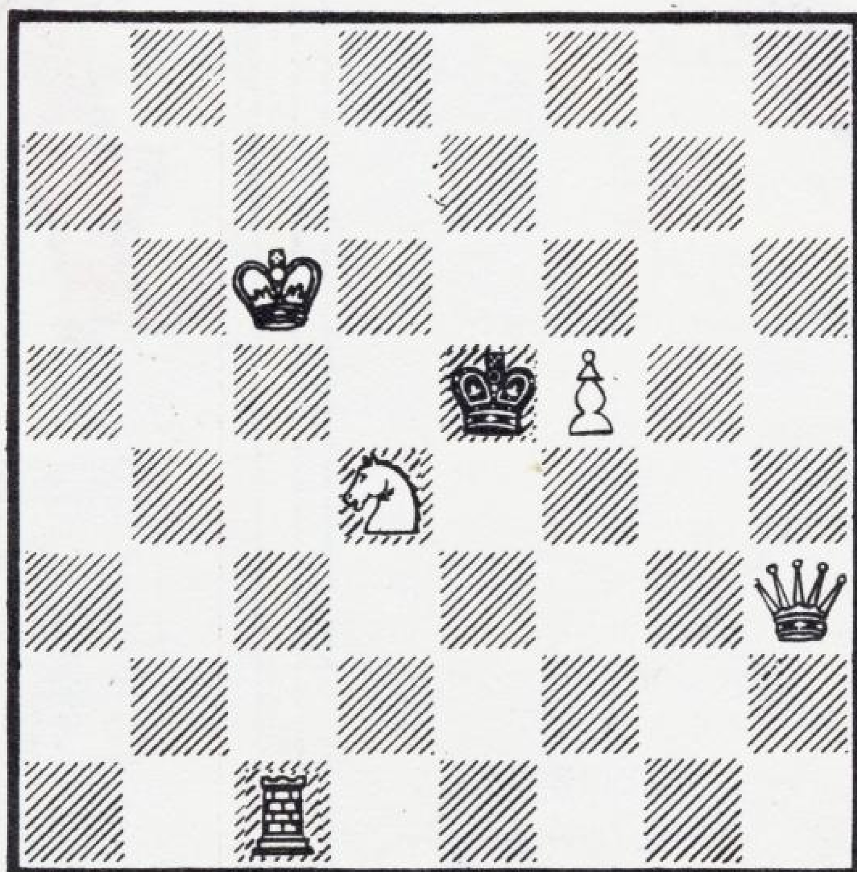
Далее было: 38. Kpf3:f4 Лd1—f1 39. Kpf4—e4 Kd4—e6 40. Kpe4:e3 c6—c5 41. Фe7—h7+ Kpg8—f8 42. Фh7—h8+. Черные сдались.

Подумайте над тем, как могли развернуться события после 37... Лd1—f1+, шлите нам анализ возникающих вариантов. Это будет первое задание нашего традиционного конкурса.

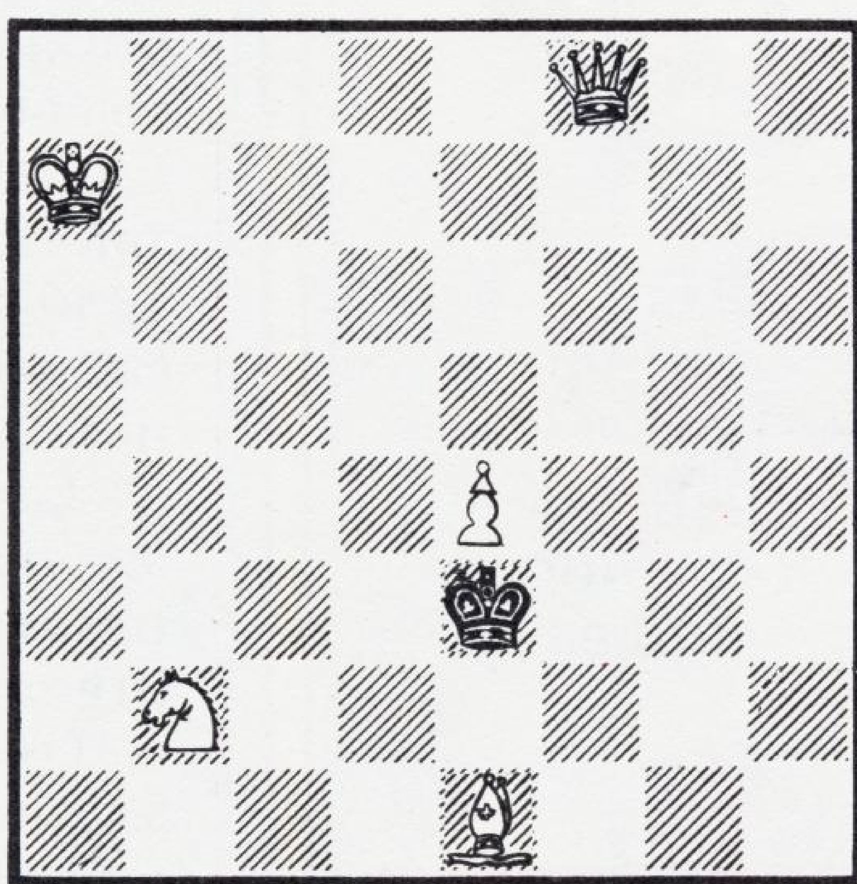
Попробуйте решить

«Все на одного». Так можно назвать задачи-трехходовки, которые мы предлагаем вам решить.

У черных действует один король, но у него большой простор. Совсем не легко дать мат в три хода.

В этой задаче игру начинают белые.

Ждем ваших решений. Двадцать победителей конкурса будут награждены грамотами «Ферзя и ладьи» и книгой «Шахматный кодекс».

А теперь посмотрите внимательно на оформление шахматной странички... Правда, необычное?! Здесь нарисованы значки клуба «Белая ладья». Кое-что из истории соревнований юных шахматистов они вам подскажут. Ну, а остальное — за вами. Напишите нам, что вы знаете об этих соревнованиях, где и когда они проводились, кто их придумал. Не забудьте назвать и победителей. Может быть, вам известно, как сложилась их дальнейшая шахматная судьба?..

Содержание журнала "ПИОНЕР" за 1983 год

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

Зимние письма. — И. Андрианова.—№ 3.

Вперед, тимуровцы!—№ 8.

Приказ Всесоюзного штаба Тимура.—№ 8.

БОЕВОЙ ЛИСТОК.—№№ 5, 7, 8, 10, 11, 12.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Твоя земля.— Б. Минаев.—№ 5.

Дом возле поля.— Г. Потаповская; **Игры с водой.**— А. Кудряшов.—№ 6.

Голубцы из свежей капусты.— Т. Шаронова.—№ 7.

Осталась корка от обеда.— М. Матвеева.—№ 12.

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

«Товарищ» — спутник пионера.—№ 3.

Отрядный вожатый.—№ 4.

Имени героя.—№ 11.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СПОРТЛАНДИЮ

Ледяная вода — для хвори беда.— В. Медяный; **Вратарь «Сосновой рощи».**— Т. Петрова.—№ 2.

Шаги по воде.— В. Медяников.—№ 6.

Секрет плавания. — В. Медяников.—№ 8.

Марафон — спор характеров. — Г. Швец.—№ 9.

Откуда силы берутся.— В. Преображенский; **Строим день.** — А. Михеев.—№ 10.

У океана.— Т. Петрова.—№ 11.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— Ведет М. Юдович.—№№ 1—12.

МОЙ КОНЕК

Загадки макраме. — Н. Шабалина.—№ 2.

Снова об аквариумных рыбках.— И. Алексеева.—№ 3.

Черничные диваны.— И. Андрианова.—№ 7.

Путешествие через века.— М. Матвеева.—№ 8.

Разрешили держать собаку.— Г. Потаповская.—№ 12.

САМИ О СЕБЕ.—№№ 2—11.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Пионерский Марш мира.— Подготовил В. Александров.—№ 1.

Восьмой цвет радуги.— М. Цебоев; **Тайна «Офенфабрик».**— М. Искрин; **...Не могу жить без боя.**— П. Пэнэжко; **Пионерский Марш мира.**—№ 3.

Юные бойцы СВАПО.— А. Журавлев; **Пионерский Марш мира; Слет в древнем городе.**— О. Соколовская; **Слово пионерским журналам «Пайташ» и «Фрези».**— Подготовили Н. Васильева, С. Беденко.—№ 5.

Франция помнит...— А. Архарова, Л. Макарова.—№ 12.

ЖИЗНЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Ленинские Октябри.— З. Воскресенская.—№№ 1—4.

Звонкая песня Паши Ангелиной.— Ю. Крутогоров.—№ 1.

Ракетные войска.— В. Верстаков.—№ 3.

В небе держат только свои крылья.— А. Тарасов.—№ 3.

210 суток в космосе.— В. Губарев.—№ 4.

На краю родной земли.— В. Верстаков.—№ 5.

Есть такая партия!— В. Яковлев.—№ 7.

Молчаливая клятва.— Интервью с З. Воскресенской.—№ 10.

НА РУБЕЖАХ ПЯТИЛЕТКИ

Магистраль идет на запад.— В. Рыбин.—№ 1.

Последний остров на БАМе.— В. Маркин.—№ 3.

Про «золотого» теленка и доброе слово.— А. Архарова, Л. Макарова.—№ 5.

Мы едем по БАМу.— Т. Котенева.—№ 6.

Луга будут всегда!— Н. Андреев.—№ 7.

Стране нужны строители!— И. Филин. Записала В. Близненкова.—№ 9.

Бригадир с Ижорского.— О. Тихомиров.—№ 10.

Привет, тракторист! — А. Салуцкий.—№ 11.

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Следопыты из «Десанта».— Р. Евилевич; **Гори, огонь памяти.**— Г. Смирнова.—№ 2.

Самое секретное оружие.— А. Левина.—№ 5.

Это целая вечность — война.—№ 11.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Международный пресс-центр «Пионера».— Ведет П. Григорьев.—№№ 2, 8, 9, 11.

Миллионы обездоленных в обществе мнимого благополучия.— Н. Агаянц, А. Доронин, В. Соболев, А. Барышев.—№ 4.

Вьетнам — Лен Со!—№ 7.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Ведет В. Никитина.

Как нашли вторую целину.— В. Батраков; **Сказки о людоедах.**— П. Савко; **Чтобы в зубы крокодилу ничего не угодило.**— М. Батарцев; **Как здоровье, море?**— В. Иванов, В. Черникова; **Сапоги из подсолнечного масла.**— В. Иноходцев.—№ 1.

Комета? Лазер? Инопланетяне?— Г. Воронов; **Не пускайте «зайцев» на Венеру!**— А. Дмитриев; **«...И улетят все мухи в космос».**— П. Савко; **Я видел древнего шумера.**— В. Иноходцев; **Посмотри на электрон.**— В. Батраков.—№ 3.

Матрешки микромира.— А. Семенов; **Птичьи рекорды.**— А. Дмитриев; **Спичка и скрипка.**— М. Батарцев; **Когда часы не умели тикать.**— В. Иноходцев; **Про «стаи» трамваев.**— П. Савко.—№ 5.

Как зазвучала лишняя буква.— Г. Хабургаев; **Баня на орбите.**— В. Иноходцев; **Газовая шуба.**— А. Семенов; **Причуды погоды.**— А. Иорданский; **Что летает над землей?**— В. Храмов; **Сине-зеленый бульон.**— П. Савко.—№ 7.

Что такое пустота?— А. Семенов; **Портрет Мухи-Цокотухи.**— В. Храмов; **Борьба под музыку.**— П. Савко; **Треснула склянка — получилось открытие.**— В. Иноходцев; **Чудо-юдо рыба кит.**— А. Иорданский; **Телефон для тебя и друзей.**— Г. Степанов.—№ 9.

Атлантида легендарная и реальная.— А. Городницкий; **Реки-ручейки.**— А. Иорданский; **Дядя Миша переехал в Ташкент.**— В. Иноходцев.—№ 11.

Как одна молекула объединила три науки.— Д. Иванов.—№ 4.

Не помешают ли спутники ангелам?— В. Комаров.—№ 11.

КРАСНАЯ ТЕТРАДКА

Про пионерский праздник и мухомор у тропинки.— Е. Аспиз.—№ 6.

Я видел махаона!— А. Плешаков.—№ 7.

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Ведет А. Плешаков.

Колыбель под снегом. Киты, корабли и острова. Что за чудище? Муравьи, которые все помнят. Триста шишек на обед.—№ 2.

Амурский тигр. Парад жуков. Бабочки-подснежники.—№ 5.

Без компаса и карты.— К. Благосклонов.—№ 5.

Легкие кружевные крылья. Сколько у ежа иголок! Шестиногие богатыри. Весной и летом не одним цветом.—№ 8.

В МИР ПРЕКРАСНОГО

День рождения Буратино.— Л. Владимирский.—№ 1.

Дар не дается даром.— Л. Кельман.—№ 3.

Чаепитие с куклами.— И. Андрианова.—№ 4.

Из чего растут стихи?— Н. Банк.—№ 5.

«Офтоби ман» в зените.— С. Богатырева.—№ 6.

О Чапаеве и чапаятах.— Р. Ремез.—№ 11.

Ничего или почти ничего.— Л. Яхнин.—№ 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Слово о нашем друге. О Н. В. Ильиной.—№ 1.

«Жизнь красой души красна». К 200-летию В. А. Жуковского.— Б. Тебиев.—№№ 2—4.

Наш дорогой Михалков. К 70-летию писателя.— М. Прилежаева.—№ 3.

Сергей Владимирович Михалков отвечает на вопросы читателей.—№ 3.

Ради светлого будущего. К 60-летию Ю. Коринца.— Л. Разгон.—№ 3.

Все увидеть самому... К 60-летию С. Сахарнова.— О. Орлов.—№ 3.

«Я родом из двадцатых...» К 75-летию Л. Разгона.—№ 4.

В душе живет детство.— Л. Э. Разгон отвечает на вопросы корреспондента «Пионера» А. Друяновой.—№ 4.

«Стих надо холить и лелеять...» О М. Светлове.— Д. Самойлов.—№ 6.

Время и пространство Марии Прилежаевой. К 80-летию писательницы.— В. Порудоминский.—№ 6.

Секрет Андроникова. К 75-летию писателя.— Интервью взяла А. Друянова.—№ 9.

Полвека! К 50-летию издательства «Детская литература». Л. Разгон.—№ 9.

Слово Тютчева. К 180-летию поэта.— А. Осповат.—№ 11.

Мечты о счастье.— М. Бородицкая; **С днем рождения!**— М. Москвина. К 60-летию Я. Акима.—№ 12.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

Когда в Сахаре зеленели луга... О книге Л. Любимова «Искусство древнего мира».— А. Архангельский.—№ 1.

Республика неугомонных. О книге Д. Гунина «Республика неугомонных».— С. Фурин; **И Маленький принц приручил Лиса.** О книге А. де С.-Экзюпери «Маленький принц».— Н. Соломко.—№ 2.

Честное пионерское слово. О книге О. Тихомирова «В ту пору суровую в Киеве...»— Г. Потаповская; **Сколько событий и приключений!** О книге С. Гребенникова «Большие каникулы».— М. Прилежаева; **Осторожно — чудеса!** О книге Д. Биссета «Все кувырком».— Т. Алатырцева.—№ 4.

Два миллиона чудес. О книгах И. Акимушкина.— А. Плешаков; **Никто не забыт.** О книге «Это в сердце было моем».— Г. Васильева; **Испытание на гордость.** О книге Г. Семенова «К зиме, минуя осень».— А. Друянова.—№ 5.

Никогда не кончается. О книге Ю. Ковешникова «Дорогами славы»; **Братья Львиное Сердце.** О книге А. Линдгрен «Братья Львиное Сердце».— Н. Соломко; **Марки — это серьезно.** О книге А. Чернышева «Салют, пионерия!»— А. Борина.—№ 7.

В оформлении журнала участвовали художники:
Д. Барабаш, А. Борисов, А. Вовикова, Н. Доброхотова, Г. Глущенко, А. Гришин, В. Донсков, А. Дугин, В. Дудкин, М. Лисогорский, Е. Медведев, В. Мочалов, М. Петров, П. Пророков, Ю. Родин, С. Трофимов, Л. Хачатрян, Г. Человечков, Е. Шабельник.

Фотокорреспонденты:
В. Гусев, В. Дудников, Б. Задвиль, Н. Кочнев, В. Крупский, В. Машков, А. Шпикалов, Л. Якутин.

Анкета «ПИОНЕР» -83
Приглашаем на редакционную летучку

Дорогие наши читатели!

Мы приглашаем всех вас на редакционную летучку. Многие из вас могут спросить: а что такое летучка? Летучка — это когда собираются вместе все сотрудники журнала и обсуждают только что вышедший номер. На летучках говорят прямо и откровенно, дают оценку повестям, рассказам, стихотворениям, песням, определяют лучшие материалы номера. Перед вами 12 номеров «Пионера» 1983 года. И нам очень хочется, чтобы читатели «Пионера» ответили на несколько наших вопросов. Но на этом поставим многоточие...

В редакции журнала «Пионер» есть заветные шкафы, где хранится архив «Пионера». В нем — подшивки, в которых 715 номеров журнала. На 1-й подшивке стоит дата — 1924 год. В будущем году журналу «Пионер» исполнится 60 лет. «Пионер» читали ваши прабабушки и прадедушки, «Пионер» читали ваши дедушки и бабушки, ваши родители, а теперь читаете его вы. И наш первый вопрос не только к тем, кто сегодня дружит с «Пионером», наш вопрос к читателям «Пионера» всех лет.

1. Какое произведение запомнилось вам в «Пионере» тех лет, когда вы носили красный галстук?

2. О ком из детских писателей вы можете сказать «мой любимый писатель»?

(Эти два вопроса вы задайте вашим родителям, вашим бабушкам и дедушкам и попросите их ответить.)

3. В минувшем году на страницах журнала «Пионер» выступали писатели Ю. Яковлев, В. Крапивин, В. Баныкин, А. Ампелонов, А. Лиханов, С. Романовский, И. Стрелкова, В. Потиевский, Н. Самвелян, Ю. Коваль, В. Разумневич, Б. Чалый... Какой бы вопрос вы задали этим писателям и о чем хотели бы их спросить, если бы встретились с ними?

4. Что вам нравится и что не нравится в «Пионере»?

5. Помогает ли вам «Пионер» в вашей пионерской жизни?

Мы очень ждем от вас писем. Не забудьте написать свою фамилию, в каком классе учитесь, в какие годы были пионерами ваши родители, давно ли вы все дружите с «Пионером»? Заранее благодарим всех наших читателей, и взрослых и юных. До встречи в 1984 году на нашей юбилейной редакционной летучке.

Лауреаты "ПИОНЕРА" 1983 года

Где можно застать Юрия Коваля, этого доброго, с лукавинкой человека, тонко чувствующего окружающий мир? Можно в Москве, в его мастерской, где он рисует удивительные картины, не похожие ни на что, потому что так может рисовать только Юрий Иосифович. Но чаще всего его можно встретить среди вологодского разнотравья, в весеннем или осеннем лесу, с удочкой на берегу Шексны или у давно забытого озера. Не потому ли так прозрачна и поэтична его проза, не потому ли так оригинальны его герои-мечтатели. Наверное, еще и потому, что Коваль смотрит на мир честным взглядом и больше всего в жизни ценит правду и дружбу.

Обо всем этом он рассказал в повести «Самая легкая лодка в мире», за которую ему присужден диплом имени А. П. Гайдара журнала «Пионер».

Льва Эммануиловича Разгона любят и дети и взрослые. Взрослые учатся у него оптимизму, добросовестному отношению к делу, глубокой принципиальности. А юные читатели вместе с писателем совершают увлекательные путешествия в глубь истории нашего Отечества, учатся ценить богатство нашей культуры и науки. Если Лев Разгон рекомендует прочитать какую-то книгу, то это обязательно умная, добрая, увлекательная повесть или роман. Его рассказы о встречах с Гайдаром, Чуковским, Паустовским, Барто, пожалуй, со всеми выдающимися мастерами слова можно слушать часами. Льву Эммануиловичу Разгону за статью «Полвека!», посвященную 50-летию издательства «Детской литературы», за его рецензии присужден диплом имени Л. А. Кассиля журнала «Пионер».

Какие разделы в журнале больше всего получают откликов? На этот вопрос ответить очень просто — «Отряд говорит с отрядом» и «Ума палата». Пишут ребята со всех концов страны, разгадывая головоломки «Ума палаты» и отвечая на самые острые вопросы пионерской жизни, которые поднимает раздел «Отряд говорит с отрядом». Успех этих разделов у юных читателей определяется еще и тем, что их очень любовно, с душой оформляет художница Алла Матусовна Вовикова, которая дружит с нашим журналом долгие, долгие годы. Диплом имени Н. Н. Жукова журнала «Пионер», присужденный А. М. Вовиковой, — награда за верность теме и оригинальное ее решение.

Поздравляем новых лауреатов «Пионера».

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 06.10.83.
Подписано к печати 19.10.83. А 13392. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 2943. Заказ № 1707.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

ПОДСМОТРЕЛИНКИ

Наш веселый фотораздел «Подсмотрелинки» получил очередную пачку писем. Жюри «Подсмотрелинок» поручило нашему корреспонденту **Людмиле БУРОВОЙ** по поводу двух из них поговорить с работником биологического факультета МГУ **Тариэлом Варламовичем ГАБИДЗАШВИЛИ.** Но, придя к нему, Людмила Бурова получила неожиданный подарок — вот эту фотографию.

Корреспондент. Тариэл Варламович, как понимать этот ваш карнавальный костюм среди льдов?

Габидзашвили. Вовсе не как новогоднюю шутку и уж, конечно, не как карнавал. Мне, как специалисту, приходится готовить животных для съемок в кино, а вот этот снимок запечатлел «прокол» в моей работе: оператору срочно потребовался белый медведь — в кино бывают всякие неожиданности! — а поскольку белого медведя под рукой не было, пришлось его шкуру надеть мне.

Корреспондент. Но это, конечно, исключение из правил?

Габидзашвили. Еще бы! Косулю, лань, волка, медведя, как киноартистов, ни один человек — даже в их шкуре — не переиграет...

Корреспондент. Тариэл Варламович, я принесла вам письмо с фотографией. Могли бы вы представить себе, посмотрев на эту фотографию, кто ее снимал?

Габидзашвили. Поросенок, конечно же, дружит с мальчиком. Видите, как он бесстрашен?

Корреспондент. Вы угадали. Поросенок — друг Олега Василенко из Киргизии.

И еще одно письмо в «Подсмотрелинки» от учительницы средней школы С. П. Карчяускене. «Оригинал прислать трудно, поэтому шлю фотографию. Швейк — не Швейк, но все-таки, я думаю, весьма интересна эта свекла, которую нашла семиклассница нашей школы в поселке Румшишкес, пионерка Виргилия Вильчинскайте».

Цена 30 коп. Индекс 70694

ISSN 0130—8009